

Б-31334/2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт истории, языка и литературы

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ БАШКИРИИ
XVII—XIX вв.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт истории, языка и литературы

Б-31334
2

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ БАШКИРИИ
XVII—XIX вв.

К

УФА—1973

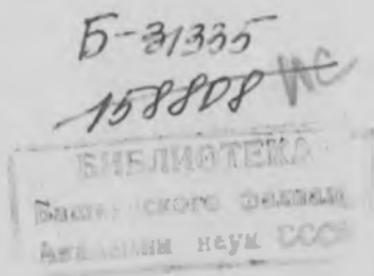
9(с14)(Башк) + 9(с17)

*Печатается по решению РИСО Башкирского
филиала АН СССР*

Сборник содержит статьи по актуальным вопросам дореволюционной истории Башкирии. В них освещены особенности ясака в башкирской общине, положение помещичьих крестьян и горнозаводских рабочих накануне отмены крепостного права, движение и характер землевладения в крае в пореформенный период, процесс перехода башкир к оседлости и земледельческому хозяйству, экономическая жизнь и городское хозяйство Уфы в XIX в. Сборник рассчитан на специалистов, учителей истории, студентов и на всех, интересующихся историей родного края.

Под редакцией

С. М. Васильева и Х. Ф. Усманова (отв. ред.)

У. Х. РАХМАТУЛЛИН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯСАКА В БАШКИРСКОЙ ОБЩИНЕ

В исторической литературе ясак принято считать основной формой эксплуатации башкирского населения феодальным государством, а также показателем эксплуатации рядовых общинников со стороны башкирского феодала, занимавшегося раскладкой его между непосредственными плательщиками волости¹. По мнению И. Г. Акманова, ясак был очень тяжелым для башкир, сбор его сопровождался различными злоупотреблениями со стороны сборщиков и «превращался в ничем не прикрытый грабёж трудящихся масс»². Другие авторы считают, что ясак, выплачиваемый башкирами государству, был сравнительно легче подушной подати, взимаемой с русских крестьян³. Одновременно подчеркивают, что основную тяжесть ясачного бремени несли рядовые общинники.

В настоящей статье приводятся результаты некоторых новых наблюдений по вопросу о ясаке и его роли внутри башкирской общины.

Ясак взимался с башкир со времени присоединения Башкирии к Русскому государству (середина XVI в.) вплоть до 1754 г.⁴, т. е. в течение двух столетий. Нам неизвестно, какую

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 93; Н. Ф. Демидова. Управление Башкирией в первой трети XVIII в. — «Исторические записки», т. 68. М., 1961, стр. 214—221; И. Г. Акманов. Башкирское восстание 1704—1711 гг. — «Из истории Башкирии». Ученые записки БГУ, вып. 35. Уфа, 1968, стр. 63—72.

² И. Г. Акманов. Указ. соч., стр. 68—69.

³ Н. В. Устюгов. О характере башкирских восстаний XVII—первой половины XVIII вв. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 86—100; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, стр. 145; Н. Ф. Демидова. Указ. соч., стр. 217.

⁴ До присоединения Башкирии к Русскому государству башкиры платили ясак ногайским, казанским и сибирским ханам.

сумму ясака башкиры платили государству в первое время после присоединения. В Разрядной книге 1629 г. по Уфимской провинции числится 888 башкирских ясачных дворов¹, но не указывается размер их ясака. В 1631—1633 гг. был проведен пересмотр ясачного обложения башкир, во время которого выявлялись и записывались новые дворы, ранее не внесенные в ясачные книги. В результате количество башкирских ясачных дворов возросло до 2217², или в 2,5 раза. Увеличилась и ясачная сумма. Об этом свидетельствуют материалы по Кипчакской и Уранской волостям³.

В 1734 г. по челобитным самих башкир проводился второй по счету пересмотр ясачного оклада, в ходе которого были обложены новые башкирские дворы. Годом раньше со всех башкир взимался ясак в сумме 1508 р. 86 к.⁴ В результате пересмотра ясачная сумма возросла до 3185 р. 59 к. в год⁵, т. е. более чем в два раза. Эту сумму башкиры платили ежегодно до 1754 г., когда ясак с башкирского населения был снят.

Ясак не являлся единственной формой повинностей башкир в пользу государства. Они ежегодно привлекались к охране границ края и периодически участвовали в дальних военных походах (в войнах со шведами, в Азовских и Крымских походах и т. д.). Военную службу башкиры несли за свой счет⁶. Судя по косвенным сведениям, военная «служба государю» стоила башкирам намного дороже, чем весь годовой ясачный оклад. Например, в 1696 г. башкиры Бешаульской волости Ногайской дороги для снаряжения одного воина на Донской поход под Азов собрали с общества по 3 лошади и по 7 руб. денег⁷. Башкир же участвовало в походах много. В 1746 г. переводчик Кальмухамбет Ураков писал: «Башкирцев и протчих иноверцев, кроме бабылей, было несколько тысяч народу употреблено... в Крымском, в Азовском, в Шведском походах»⁸. С большими расходами была связана и сторожевая служба на Оренбургской пограничной линии. Из донесения оренбургского губернатора Неплюева от

¹ «Книги разрядные», т. 2. СПб., 1855, стр. 192.

² В. И. Новиков. Очерки колонизации башкирского края.—«Историческая библиотека». СПб., 1878, № 12, отд. 3, стр. 57.

³ ЦГАДА. Межевые канцелярии. Спорные дела по Оренбургской губернии, д. 120, лл. 23—28; М. К. Любавский. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX веках.—Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 364, кар. 6, оп. 1, л. 18.

⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 2. М., 1956, № 487, стр. 430.

⁵ ЦГАДА. Дела Правительствующего Сената по Соляной конторе, оп. 38, кн. 2851, лл. 402—403.

⁶ В дальних походах башкиры получали жалованье или провиант.

⁷ ЦГАДА. Спорные дела, д. 269, л. 165.

⁸ «Материалы...», т. 3. М.—Л., 1949, № 577, стр. 553.

4 марта 1746 г. Сенату видно, что на службу «наряд имеет быть учинен... ис тарханов с пяти, а от башкирцев, мещеряков и служилых татар с восьми дворов по человеку»¹. К охране границ башкиры привлекались с конца апреля до начала декабря месяца в два потока по 1500 человек. Каждый воин обеспечивался за счет обществ двумя лошадьми, оружием, питанием на все время службы. У нас нет сведений, во сколько обходилось это башкирам. Для сравнения укажем, что во время несения сторожевой службы на Оренбургской линии казна выдавала каждому казаку кроме оружия и двух лошадей по 2,5 четверти² ржи, 2,5 четверти овса и по 5 руб. жалованья в год³. Вряд ли башкиры меньше тратили на содержание своих воинов. Военная служба вынуждала их нести огромные расходы.

Не менее тягостными были почтовая и подводная повинности. В 1756 г. Сенат констатировал, что тракт от Оренбурга до Зилаирской крепости расстоянием в 200 верст обходится башкирам ежегодно в 5000 руб.⁴, т. е. в 1,5 раза дороже годового ясачного оклада. Отсюда можно представить, как дорого стоила им почтовая и подводная гоньба между такими городами, как Оренбург — Уфа, Уфа — Челябинск, Уфа — Верхнеуральск и другими, отстоявшими друг от друга на расстоянии 300—400 верст.

Таким образом, в первой половине XVIII в. наиболее обременительной повинностью башкир в пользу феодального государства являлись военная служба, почтовая и подводная гоньба, удельный вес которых многократно превосходил ясачный оклад. Конечно, их соотношение изменилось не сразу. Натуральные повинности росли по мере укрепления позиций царизма в Башкирии. Особенно резкий скачок был сделан с началом деятельности Оренбургской экспедиции (1734 г.), потребовавшей огромные силы для строительства укрепленных линий, крепостей и городов. Глубокие изменения в системе повинностей позволили правительству безболезненно снять с башкир ясак. Надо сказать, что в этом отношении Башкирия составляла исключение. В Поволжье, например, ясак перерос в подушную подать, а в Сибири сохранился до Октябрьской революции.

Попытаемся выяснить роль ясака внутри башкирской общины. Для этой цели нами использованы вновь выявленная ясачная книга Кипчакской (Сарыжской) волости, материалы о ясачном обложении по Уранской волости, содержа-

¹ ЦГАДА. Дела Правительствующего Сената по Оренбургской губернии, оп. 3, кн. 150, л. 117.

² В данном случае одна четверть равна шести пудам.

³ ЦГАДА. Дела Правительствующего Сената по Оренбургской губернии, оп. 3, кн. 133, лл. 697—706.

⁴ «Материалы...», т. 4, ч. 2, № 489, стр. 440.

щиеся в рукописи профессора М. К. Любавского, поступные записи, опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР», изложение ясачного оклада 1734 г., содержащееся в докладе Неплюева Сенату, и ряд документов о земельных спорах.

Наиболее интересным документом является ясачная книга 1632—1633 гг. по Кипчакской волости¹. Она включает две команды: башкир старосты Казымбердея Янабердиева, живших вдоль р. Ик, и башкир старосты Келея Ижсарина, обитавших в верховьях Белой и Яика. Первая команда платила ясак «по два бобра и по ярцу² з двора», вторая — по «три бобра и по два ярца з двора».

В ясачной книге общая сумма ясака по волости не указана. В ней записаны имя и фамилия каждого ясачного башкира (в команде Казымбердея Янабердиева — 65, Келея Ижсарина — 53 человека), количество полученных от него за тот или иной год шкур и числившаяся за ним недоимка. Например, башкир Карыкей Макрыков (из команды Келея Ижсарина) за 1633 г. уплатил 3 бобра и один ярец, а за 1631 г. отдал недоимку: одну лисицу за одного ярца. После этого за ним осталось еще недоимки по одному ярцу за 1631 и 1633 гг.³ Характерно, что многие башкиры волости имели недоимку за какой-либо из четырех предыдущих годов, а некоторые даже за все эти годы. Ясак же внесли за 1633 г. без погашения прошлых долгов. При платеже ясака допускалась замена бобров и ярцев мехами других зверей. Один бобр заменялся двумя лисицами или пятью куницами, ярец — двумя куницами или одной лисцей. Ясак вносили сами плательщики, только в четырех дворах за отца платил сын.

При взимании ясака за 1632 г. сборщики дворянин Савва Аристов и подъячий Богдан Юрьев выявили в Кипчакской волости 106 дворов (41 — в команде Казымбердея Янабердиева, 65 — Келея Ижсарина), не записанных раньше в ясак. Эти дворы появились за время после присоединения Башкирии к Русскому государству до пересмотра ясака в 1631—1633 гг. Аристов внес их в ясачную книгу, и они из положения живущих «за старыми ясачными башкирцами и в ясачим подмогающих» превратились в ясачных башкир. До 1734 г. ясачный оклад не пересматривался. Снова появляются новые башкирские дворы, не внесенные в ясачные книги и живущие «за старыми ясачными башкирцами и в ясак им подмогающие».

Выявленные в Кипчакской волости новые дворы Аристов обложил ясаком «по два бобра да по ярцу з двора».

¹ ЦГАДА. Спорные дела, д. 120, лл. 23—28.

² Ярц — лушной зверь.

³ ЦГАДА. Спорные дела, д. 120, л. 27.

Лишь один двор, представленный двумя плательщиками, обязан был платить «три бобра да по два ярца» в год. В результате годовой ясачный оклад Кипчакской волости увеличился на 213 бобров и 107 ярцев, т. е. почти в два раза. В команде Казымбердея Янабердиева каждый двор (55 старых и 41 новый) платил по два бобра и по одному ярцу в год. В команде старосты Келея Ижсарина старые ясачники (53 двора) вносили по три бобра и по два ярца, новые (65) — по два бобра и по одному ярцу со двора. Итак, если до «сыска» разный по величине ясак платили башкиры отдельных частей волости, то теперь разный ясак взимался с башкир одной команды и даже одной деревни, пользующихся общими угодьями. Почти такое же положение существовало и в Уранской волости. Здесь до 1632 г. в ясачной книге числилось 10 башкирских дворов, годовой ясак которых состоял из 224 куниц, 49 батманов меду и 6 р. 11 к. Выявленный же во время пересмотра ясака 31 двор был обложен 93 куницами, т. е. по три куницы со двора¹. Уменьшенный ясак вновь прибылых дворов объясняется, по-видимому, следующими обстоятельствами: во-первых, представители царской администрации не имели прямых указаний на обложение башкир каким-либо фиксированным ясаком; во-вторых, они руководствовались политикой государства не вызывать «озлобления» местного нерусского населения и в то же время привлечь его к несению государственных платежей. Впоследствии ясак, положенный на данный двор, не менялся. Лишь с разрешения правительства башкиры могли перераспределять ясачный оклад внутри волости. В челобитной башкир Уранской волости царю говорится, чтобы «им старой и новопробылой ясак платить им всем вместе, всюю волостью... чтобы им в старых и новых ясаках поверстаться промеж собою, всякому по пожиткам»². Башкиры Гирейской волости просили разрешения волостной ясак «платить всем поровну»³ и т. д.

В отличие от Сибири, где вплоть до середины XVIII в. власти не знали, «сколько с кого получают ясак», а собирали его с волости в основном по принципу «кто сколько принесет»⁴, в Башкирии сборщики требовали от башкир ясак по записям с каждого двора. Даже в тех случаях, когда башкир делил ясак между своими припущенниками, для государства он оставался единственным плательщиком: весь ясак взыскивался с него, а он собирал с припущенников. Отклонения от ясачной книги допускались лишь тогда, когда волость получала разрешение на перераспределение ясака по своему

¹ М. К. Любавский. Указ. соч., л. 18.

² Там же.

³ «Материалы...», т. 3, № 12.

⁴ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 3, ч. 2. М., 1955, стр. 57, 59, 63.

усмотрению и когда башкир делил свой ясак между наследниками вместе с вотчиной. В башкирской общине круговая порука в сборе ясака не наблюдается.

Ясак вместе с вотчиной переходил по наследству сыновьям или близким родственникам. В середине XVII в. в Кипчакской волости князь Акбулат Иселеманов отдал свою вотчину «зверовать и ясак платить племянником своим тоеж Кипчатской волости башкирцам Кошайку Темгеневу да Доскейку Атееву с товарищи»¹. Последние передали вотчину и ясак своим наследникам. В конце XVII в. владели землей и платили ясак «тремя тюбами по десяти куниц в год» родственники Темгенева и Атеева: Бошайка Яхьятамышев из Бурзянской, Яммет Упасев из Тангаурской и сам Кошайка Темгенева из Кипчакской волостей². В случае отсутствия наследников вотчина и ясак могли перейти к другому лицу, не имевшему с вотчинником родственных связей. Например, тот же князь Акбулат переданную им племянникам вотчину взял в начале XVII в. у чуваша «Бакшилдейки Янзигитова да у Кулбака Уразгильдеева» по поступной записи и «казанский оброк с них снял на себя»³. Позже «казанский оброк» в 30 куниц стал называться ясаком.

Передача ясака вместе с вотчиной по наследству свидетельствует об их единстве. Ясак давал плательщику вотчинное право на используемую им площадь («повытье», «жребий») из волостной земли. При земельных спорах в качестве основных аргументов фигурировали жалованные грамоты, если они имелись, и выписки из ясачных книг. В случае отсутствия первых факт платежа ясака являлся единственным доказательством владельческих прав на землю. Вот почему башкиры крепко держались за ясак, хотя и оказывали сопротивление его повышению. В 1754 г. оренбургский губернатор Неплюев, характеризуя проведенную подготовительную работу перед снятием ясака, писал: «Башкирские старшины коим здесь и в провинциях говорить о том случилось, имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то б им чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числится по землям...»⁴.

Хотя вотчина и ясак были неразделимы, но размер последнего не зависел от площади земли. Единицей обложения служил ясачный двор (лишь в редких случаях взимался добавочный ясак за «бортные ухожан», «бобровые гоны», «рыбные ловли»). Чем больше ясачных дворов было в волости, тем больше она платила ясак.

¹ ЦГАДА. Спорные дела, д. 120, л. 49.

² Там же, л. 50.

³ Там же, л. 49.

⁴ «Материалы...», т. 4, ч. 2, № 486, стр. 427.

Волость, составлявшая кровнородственную группу башкир с определенной территорией земли, закрепленной за ней жалованной грамотой или ясачной книгой, не представляла законченную единицу. Она постепенно делилась на более мелкие кровнородственные подразделения: аймаки или тюбы, которые, в свою очередь, закрепляли за собой какую-то более или менее изолированную часть волостной земли. По мере усиления аймаков или тюрб происходил раздел волости. После утверждения раздела правительством аймак (тюба) приобретал значение волости, т. е. появлялась новая волость со своей территорией земли, со своей долей ясака.

Волостная земля юридически находилась в общинном владении ясачных башкир волости. На деле же многие угодья укрепились за отдельными вотчинниками (или их небольшими группами) в виде «повытий». Лишь оставшиеся после этого земли состояли в общем пользовании всей волости. Во владении своим «повытьем» башкир-вотчинник обладал известной самостоятельностью. Он мог поселить на нем припущенников, продать его, передать по наследству. Совместно с «повытьем» переходила и та часть ясака, которую платил его владелец. Естественно, что в этих условиях башкирским старшинам, феодальной верхушке не приходилось раскладывать между общинниками волостную ясачную повинность.

Башкирская община строго охраняла свои вотчинные права на землю. Как правило, башкиры одной волости принимались на поселение в другую лишь в качестве припущенников, без вотчинных прав. Например, башкиры Каршинской волости припустили на свою землю часть башкир Дуванейской волости за «куничной и медвяной оброк... в 20 куниц да по пяти батман меду на год»¹. Дуванейцы не превратились в ясачных башкир Каршинской волости, используемая ими земля оставалась в собственности каршинцев. В аналогичном положении были татары, чуваша и другие пришлые народы, припущенные на вотчинные земли. Несмотря, однако, на ограничения, «чужеродцы» проникали в башкирскую общину. Устанавливая с вотчинниками родственные отношения, покупая волостную землю, отдельные «повытья» и «жеребья», они превращались в ясачных башкир — полноправных членов общины. Этот процесс особенно усилился в XVIII в. в связи с проникновением товарно-денежных отношений в башкирскую общину и постепенным превращением земли в объект купли и продажи.

Припущенники находились в известной зависимости от башкир, владельцев земли: платили им оброк, оказывали помощь во внесении ясака, выполнении мирских повинностей и т. д. В зависимости от богатых вотчинников оказывались

¹ ЦГАДА. Спорные дела, д. 288, лл. 409, 517.

и их обедневшие сородичи, не имевшие возможность платить ясак, а следовательно, владеть «повытьями» и «жеребьями». Так образовался в крае социальный слой, противостоящий башкирам-землевладельцам. Царское правительство умело использовало противоречия между вотчинниками и припущенниками для подавления башкирских восстаний 1735—1740 гг., выставляя себя «защитником» интересов пришлого населения от произвола хозяев-башкир.

Таким образом, в ясаке и ясачном владении землей находится ключ к раскрытию сущности земельных отношений внутри башкирской общины, а также между местным и пришлым населением.

Б. С. ДАВЛЕТБАЕВ

ПОМЕЩИЧЬЯ ДЕРЕВНЯ И ГОРНОЗАВОДСКИЕ СЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

В первой половине XIX в. феодально-крепостническая система в России переживала глубокий кризис. Она вступила в противоречие с растущими производительными силами и стала тормозом на пути их дальнейшего развития. Стремясь выйти из создавшегося положения, помещики усиливали эксплуатацию крепостных. Это разоряло крестьян и подрывало тем самым основы самого помещичьего хозяйства.

В рассматриваемое время Башкирия входила в состав Оренбургской губернии, которая делилась на девять уездов: Уфимский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский, Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский. Позже, в 1865 г., из Оренбургской губернии выделась Уфимская, в состав которой вошли Уфимский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский и вновь образованный Златоустовский уезды. Остальные уезды остались в пределах Оренбургской губернии.

Подавляющая часть населения края находилась под феодальным гнетом. В 1860 г. на территории Оренбургской губернии проживало 1779,3 тыс. человек, за исключением казаков. Из них 851,1 тыс. (башкиры и припущенники) входили в Башкирское войско, 466,5 тыс. принадлежало государству, 61,8 тыс. — удельному ведомству, 147,5 тыс. — помещикам и 96,1 тыс. — горным заводам¹. Крепостные составляли 13% населения губернии. Основная масса помещичьих крестьян сосредоточивалась в Уфимском, Мензелинском, Стерлитамакском, Белебеевском и Оренбургском уездах (табл. 1).

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 71, л. 2. По данным А. Тройницкого, помещичьи крестьяне насчитывали 66 600 душ мужского пола, а горнозаводские рабочие — 47 215. (А. Тройницкий. Крепостное население в России по X народной переписи. СПб., 1861, стр. 49).

Таблица 1¹

Уезды	Количество помещичьих крестьян (мужского пола)
Уфимский	18846
Белебеевский	9256
Бирский	3623
Верхнеуральский	135
Мензелинский	13638
Оренбургский	8480
Стерлитамакский	9274
Троицкий	1966
Челябинский	1018
Земля Уральского войска	364
Итого	66600

1178 тыс. дес. земли⁴. Из этой площади 920,9 тыс. дес. составляло господскую часть, а 247,9 тыс. дес.⁵ находилось в пользовании крепостных. Размеры душевых наделов крестьян были неодинаковы и колебались от 1 до 30 дес. В густонаселенных Мензелинском и Уфимском уездах помещики отводили крепостным в среднем по 4,6 дес. на мужскую душу, а в остальных уездах несколько больше: в Стерлитамакском—5,2 дес., в Белебеевском и Троицком—по 5,8 дес. на душу и т. д. На размеры крестьянского землепользования влияла также распространенность неземледельческих занятий. Например, в Бирском уезде оброчные крестьяне, занимавшиеся лесными и другими промыслами, имели лишь по 2,7 дес. на душу, тогда как барщинные крестьяне пользовались душевым наделом в 5,6 дес.

Там, где это было возможно, крепостные снимали в аренду башкирские угодья. Встречались случаи и спорного с башкирами землепользования помещичьих крестьян. Так, дореформенный надел крестьян с. Братовщина Бирского уезда дворян Струковых составлял 387 дес., а пользовались они 778 дес. «Лишние» земли принадлежали соседним башкирам⁶. Кре-

Господствующее положение среди помещиков занимали крупные дворяне², которым принадлежало большинство крестьян — 50 999 душ³. Некоторые помещики и горнозаводчики (Пашковы, Тимашевы, Балашовы, князь Белосельский-Белозерский, граф Нессельроде, графиня Мордвинова, Дашкова, Бенардаки, Тевкелевы и др.) одновременно владели имениями в других губерниях.

Перед реформой 1861 г. в Оренбургской губернии дворянам принадлежало

¹ А. Тройницкий. Указ. соч., стр. 34.

² Мелкими считались имения с числом крепостных до 21, средними—от 21 до 100 и крупными — свыше 100 душ.

³ А. Тройницкий. Указ. соч., стр. 45.

⁴ А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 1538—1539.

⁵ Подсчитано нами по уставным грамотам, хранящимся в ЦГА БАССР в фонде по крестьянским делам присутствия (ф. 10, оп. 1). В эту цифру не вошли земли крестьян Оренбургского уезда, в уставных грамотах которого не указан дореформенный надел.

⁶ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 225, л. 12; д. 220, л. 16.

стьяне сел Карьявды, Ново-Килимово, Новое Балтачево, Устюмово, Кадыкеева и других, принадлежащих князьям Тевкелевым, пользовались землею совместно с башкирами Канлинской, Кыр-Иланской и Киргизской волостей. По губернии на спорных с башкирами землях в количестве 6 586 дес. находилось всего 1 387 помещичьих крестьян¹.

Крепостные несли в пользу помещика барщинную и оброчную повинности. Распределение крестьян по формам эксплуатации показано в табл. 2.

Таблица 2²

Уезды	Крестьян, %		
	барщинных	оброчных	смешанных
Уфимский	67,5	15,5	17,0
Белебеевский	65,8	2,0	32,2
Бирский	60,0	40,0	—
Мензелинский	99,5	0,5	—
Стерлитамакский	95,2	1,7	3,1
Челябинский	15,0	5,7	79,3
Троицкий	—	86,6	13,4
Оренбургский	64,0	36,0	—
Итого	74,0	14,1	11,9

Таким образом, к 1861 г. на барщине состояло подавляющее большинство — 74%, на оброке — 14,1 и на смешанной повинности — 11,9% крестьян. Оброчная повинность наибольшее распространение получила в Троицком, Бирском и Оренбургском, барщина — в Мензелинском и Стерлитамакском уездах. Особенно широко применялась барщина в мелкопоместных имениях (91% крестьян), затем — в среднепоместных (89,1%) и в меньшей мере — в крупнопоместных (70,2%). Оброк был распространен в крупных имениях.

До реформы 1861 г. хозяйственной единицей, несущей определенную норму повинностей, являлось тягло. Барщинное тягло включало в среднем 2,5—3 мужские души, а оброчное — 2,3—2,6. На барских работах крестьяне должны были работать на паре лошадей три дня в неделю. Однако помещики часто увеличивали барщину до 4—5 дней.

Положение барщинных крестьян было очень тяжелым. Под постоянным надзором помещика и его надсмотрщика они работали от зари до зари. Барщина не ограничивалась полевыми работами. В условиях Башкирии особенно тягостной была подводная повинность. Крестьяне возили помещичий хлеб и другие продукты на далекие расстояния. Не слу-

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, дд. 137, 186; д. 201, лл. 81, 88; д. 236, лл. 3—5; д. 419, л. 12; д. 602, л. 8, д. 632.

² Подсчитано нами по уставным грамотам.

чайно именно подводная повинность являлась причиной многих крестьянских выступлений.

Размеры оброка по отдельным уездам приведены в табл. 3.

Средняя сумма оброка в крае колебалась от 11,7 до 23,3 руб. с тягла и превышала денежные повинности государственных крестьян в 2—4 раза. Оброчная повинность была также тяжелой для крепостных. Из-за неразвитости неземледельческих промыслов, а также низких цен на сельскохозяйственные

Таблица 3¹

Уезды	Сбор с тягла, руб.
Уфимский	16,9
Белебеевский	14,9
Бирский	19,8
Стерлитамакский	23,3
Троицкий	16,9
Челябинский	11,7
<hr/>	
В среднем по губернии	17,2

продукты крестьяне с большим трудом доставали деньги для уплаты оброка. В некоторых имениях барщинная повинность сочеталась с оброчной. Например, в дер. Родионовке помещика Родионова (Стерлитамакский уезд) каждое крестьянское тягло весной запахивало по одной десятине барской запашки, в период сенокоса обрабатывало три дня барщины и кроме этого уплачивало оброк по 17 руб. в год². Крестьяне дер. Александровки дворянина Черемисинова (Белебеевский уезд) платили оброк, обрабатывали по 5 дес. помещицкой земли на тягло и полученное зерно на своих лошадях отвозили в Уфу³. Имелись и такие селения, где одна часть крестьян выполняла только барщину, другая — платила оброк.

Были и отклонения от этих типичных форм эксплуатации (барщина, оброк, смешанная повинность). Крепостные дер. Федоровки помещицы Воронцовки (Уфимский уезд) находились «на чисто денежном оброке», но работали еще по шесть дней в год на барина⁴. Помещики часто облагали своих крестьян различными натуральными поборами. К барщине или оброку они требовали еще от крепостных овец, птицу, яйца, коровье масло, свинину и т. п.

В первой половине XIX в. в Башкирии, как и в других районах страны, наблюдается стремление отдельных дворян приспособить свою экономику к развивающимся товарно-денежным отношениям. Они увеличивали продажу хлеба, развивали винокурение и лесные промыслы, разводили породистый скот и т. д. Это вело к росту доходов. Например, доходы Тимашевых от имений в 1845 г. составляли 14 тыс. руб., в

¹ Подсчитано по уставным грамотам оброчных имений.

² ЦГА БАСССР, ф. 10, оп. 1, д. 497, л. 11.

³ Там же, д. 153.

⁴ Там же, д. 770, л. 6.

1857 г. — 43 тыс., в 1860 г. — 64 тыс.¹ Эта сумма слагалась от винокурения, товарного овцеводства, продажи зерна и от оброков. Князя Тевкелевы еще в 1798 г. открыли первый в крае конный завод, затем завели поташные заводы и организовали товарное кумысопроизводство². Высокодоходными считались также хозяйства помещиков Левашевых, Бондаревских, Дурасова, Сергеева, Карамзина, Бенардаки, Жадовского, Балашовых, Нессельроде и др.

Частичные успехи в помещицьем хозяйстве нельзя, однако, квалифицировать как первые шаги развития капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути». Дворяне все еще не хотели отказываться от принудительного труда крепостных. Рассмотрим хозяйство генерала Жадовского, которое, по его словам, было организовано на «коммерческих» началах³. Имение находилось в с. Анастасьино Бирского уезда⁴. Здесь в больших масштабах было развито винокурение и тонкорунное овцеводство. Крестьяне Жадовского состояли на оброке и выполняли барские работы по наряду вотчинной конторы. За это они получали поденную «зарплату», назначаемую самим помещиком. Плата была так низка, что едва хватало для внесения оброка. Оброк же был высокий — 30 руб. серебром с тягла. Эту сумму отработывали все крестьяне от 18 до 60 лет, включая и больных. Жадовский принимал все меры к тому, чтобы превратить крепостных в неоплатных должников. Плата за поденную работу проводилась не деньгами, а натурой — хлебом и другими продуктами. Последние отпускались по высоким ценам. Например, ржаную муку генерал выдавал из расчета 80 коп. за пуд, пшеничную — 1 р. 20 к., в то время как рыночные цены в Анастасьино были, соответственно, 30—34 коп. и 60—75 коп. за пуд, т. е. в два раза ниже. Имея обширные земли, Жадовский выделял крестьянам всего лишь по одной десяatine на тягло. Многие крепостные сеяли хлеб во дворах, покупали у барина по высоким ценам барду для скота. Все это вело к быстрому росту недоимок. В 50-х годах их приходилось на каждый двор по 500 руб. Помещик знал, что такую сумму не сможет заплатить ни один крестьянин. По его словам, он стремился убедить крестьян в том, что «они безгранично принадлежат своему владельцу». Разумеется, такая организация экономики ничего общего не имела с буржуазно-коммерческим началом. Хозяйство генерала было основано на жесточайшей эксплуатации крепостных.

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 28.

² «Оренбургские губернские ведомости», 1859, № 33, часть неофициальная.

³ «Особая записка о системе управления в имении Жадовского». — ЦГИА, ф. 1286, оп. 12, 1850, д. 657, лл. 116—144.

⁴ Ныне с. Ангасяк Дюртюлинского района БАССР.

Положение крепостных Жадовского ничем не отличалось от положения рабов. Самодурство его не знало границ. Он избивал всех, кто попадался ему навстречу (в столярной мастерской ежедневно делались граненые палки вместо ломавшихся при избивании крестьян), растлевал крестьянских девушек. Мужья, не соглашавшиеся отдавать ему своих жен, посылались в солдаты. Помещик отнимал у крепостных все, что они имели. У крестьянина Ивана Ломакина, например, он отнял 5 лошадей с упряжью, телегами, санями, корову, 10 овец, 10 кур и 200 аршин холста. Он часто выгонял крестьян из домов, а дома запечатывал (в одном из таких домов был оставлен грудной ребенок). Бездомные крестьяне вынуждены были жить в овчарнях. И этого генералу показалось мало. В припадке гнева он распорядился одну треть крепостных отдать в солдаты, другую треть — в ополчение, а остальных — выслать в Сибирь на поселение. Вскоре слухи о «подвигах» Жадовского дошли и до царя. Считая, что дальнейшее пребывание помещика среди крестьян может привести к нежелательным последствиям, правительство решило удалить его из имения. В 1858 г., в обстановке начавшейся подготовки реформы, Жадовский был сослан в Вятку.

Оренбургский помещик генерал-майор Тимашев в издевательствах над своими крестьянами не уступал Жадовскому. Его жертвами стали девушки с. Никольского Оренбургского уезда. Несогласным к сожителю он приказывал брить головы¹. Дворовый Семенов уфимского помещика Шильникова просил в 1849 г. отдать его в солдаты и избавить от господина, истязавшего его «до беспамягства»². Таких Жадовских, Тимашевых и Шильниковых было очень много.

О тяжелом положении крепостных Башкирии знали и революционные демократы. Уфимские агенты герценовского «Колокола» достали считавшиеся тогда секретными материалы о Жадовском и послали в Лондон. Они были опубликованы в «Колоколе» под названием «Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии». В журнале печатались и другие статьи, в частности, «О разорении крестьян Оренбургской губернии помещиком Тимашевым», «О преступлениях начальства Бирского уезда Уфимской губернии», «О жестокой эксплуатации на рудных и медеплавильных заводах Оренбургской и Уфимской губерний» и др.³

Чрезмерная эксплуатация крепостных приводила к разорению их хозяйства и отказу от полезных наделов. Накануне реформы в Оренбургской губернии землей не пользовались

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 297, лл. 1—176.

² Там же, д. 332, лл. 1—2.

³ «Колокол». Факсимильное издание. М., 1964, вып. 10, стр. 33—34; Н. Барсов. Тайная связь: Герцен — Уфа. — «Советская Башкирия», 1968, 19 мая.

2 382 крестьянина¹. Помещики переводили их на так называемую «месячину». В 50-х годах XIX в. один из авторов реформы 1861 г. Ю. Ф. Самарин писал о появлении месячников «даже в многоземельных (губерниях. — Б. Д.), как например, в Оренбургской и Симбирской, при том всегда в самых мелких поместьях»². Крепостные, переведенные на месячину, трудились на помещика круглый год, получая за это жилье, пищу и одежду. Крестьянин-месячник, как писал тот же Ю. Ф. Самарин, стоял «на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством... Ему нет исхода из его положения, и, кроме скудно обеспеченного содержания и вечного труда на другого до истощения сил, будущность ему ничего не представляет»³.

Усиление эксплуатации крестьян не спасало помещичье хозяйство от дальнейшего упадка. В 1855 г. долги дворян (включая горнозаводчиков) Оренбургской губернии кредитным учреждениям составляли 3 490 522 руб., под которые было заложено 282 имения с 52 164 ревизскими душами, что составляет 45% крепостного населения губернии⁴.

Одна из особенностей развития феодальных отношений в крае заключалась в распространении крепостного права на горнозаводских рабочих. Накануне реформы в Оренбургской губернии было 26 действовавших заводов, в том числе 11 медеплавильных и 15 чугуноплавильных и железоделательных⁵. По принадлежности заводы распределялись на частновладельческие (18), посессионные (4) и казенные (4). Посессионными являлись заводы, когда-то принадлежавшие государству и позже переданные во владение отдельным лицам. Рабочие таких заводов являлись собственностью не владельца, а предприятия, продавались и покупались вместе с заводом.

Крепостные рабочие делились на два разряда: мастеровые и урочные (или сельские работники). Мастеровые выполняли основные заводские работы, а урочные рабочие были заняты на вспомогательных работах (по заготовке и перевозке дров, угля и т. п.).

Начиная с 30-х годов XIX в. горные заводы вступили в полосу кризиса, принявшего особенно острый характер во второй половине 50-х годов. Динамику производства чугуноплавильных и железоделательных заводов с 1807 по 1859 год можно проследить по табл. 4, составленной по данным публикации В. К. Яцунского⁶.

¹ Подсчитано нами по уставным грамотам.

² Ю. Ф. Самарин. Соч., т. 2. СПб., 1878, стр. 55.

³ Там же, стр. 77—78.

⁴ А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. 4, стр. 1242—1243.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 70, л. 92.

⁶ «Исторический архив», 1953, IX, стр. 289, 313, 315, 317.

Таблица 4

Заводы	Произведено железа и чугуна, в пудах					Уровень производства по отношению к 1807 г., %
	1807 г.	1822 г.	1837 г.	1851 г.	1859 г.	
Казенные	448368	546758	495636	534848	нет св.	114
Частные	1619841	1702333	1883533	2349997	2077333 ¹	127
Итого	2068209	2249096	2379169	2884845	2803091 ²	

Как видим, производство чугуна и железа в Оренбургской губернии развивалось крайне медленно. К 1851 г. казенные заводы увеличили продукцию по сравнению с 1807 г. лишь на 14, а частные — на 27%. Начало кризиса острее почувствовали казенные заводы, сократившие в 1822—1837 гг. производство металла на 51 122 пуда (9%). Уменьшение производства наблюдалось и на медеплавильных заводах. Выплавка меди в первой трети XIX в. упала на 30%³. Производство металла особенно резко снизилось в последние годы подготовки и в первые годы осуществления реформы. В 1862 г. в Оренбургской губернии было выработано металла на 35,6% меньше, чем в 1859 г.⁴.

Из-за кризисного состояния и убыточности производства в первой половине XIX в. половина заводов была продана другим лицам. Некоторые из них (Шаранский, Богословский, Вознесенский, Покровский, Шильвинский, а позже Иштеряковский) вообще прекратили свою деятельность. Миасский казенный завод переключился на добычу золота, как на более выгодное производство, Троицкие медеплавильные заводы Бенардаки были переделаны в суконную фабрику. Живя далеко от своих заводов, в столицах Европы, и получая колоссальные барыши от крепостного труда, заводовладельцы не думали о совершенствовании производства, об использовании вольнонаемного труда. На горных заводах техника была примитивной, преобладал ручной труд. Так, на наиболее технически оснащенном Симском заводе механическая сила относилась к живой человеческой, как 0,8 к 1, в то время как на английских рудниках человеческая сила относилась к машинной, как 1:17⁵.

¹ Количество произведенного в 1859 г. металла подсчитано нами по «Сведениям о фабриках и заводах Оренбургской губернии за 1859 год». — ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 505, лл. 157, 161, 164, 165, 171, 179, 180.

² Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961, стр. 44.

³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 15.

⁴ Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 44.

⁵ Н. Шушканов. Беглые. Из истории рабочих Златоустовского завода в первой половине XIX в. Свердловск, 1959, стр. 141.

Большого количества чернорабочих требовали добыча и возка руды, находившейся далеко от заводов. На рудниках было занято 59% рабочих Троицких, Преображенского, Бого-явленского, Архангельского, Верхоторского и Воскресенского медеплавильных заводов.

Горнозаводчики одновременно были и крупнейшими помещиками. При содействии царской администрации они захватили у башкир огромные земельные массивы. Например, Преображенский и Белорецкий заводы Пашковых купили 400 тыс. дес. башкирской земли, из расчета 10 дес. за одну копейку, Авзяно-Петровские Бенардаки арендовали 180 тыс. дес. за 20 руб., или за копейку 90 дес.¹ Кагинский и Узянский заводы, принадлежавшие на посессионном праве петербургским купцам Татаринovu и Никифорову, купленной земли не имели, а пользовались башкирскими угодьями из дач Тамьянской и Тангаурской волостей в неограниченном количестве². Всего же владельцы медеплавильных и железоделательных заводов края имели 1 293 250 дес. земли³. 86% этой площади было занято лесами.

Как и помещичьи крестьяне, рабочие горных заводов получали владельческую землю, что являлось натуральной частью их заработной платы. В пользовании рабочих частных, посессионных и казенных заводов Башкирии находилось 254 511 дес. земли⁴.

Земельная обеспеченность рабочих отдельных заводов была не одинаковой. Если на некоторых заводах душевой надел рабочих не достигал и одной десятины, то в других он доходил до 10 дес. (табл. 5).

Таким образом, в Уфимской губернии проживало 46 824 рабочих, составлявших 70% всего горнозаводского населения края. До реформы они имели 203 527 дес. земли, или в среднем по 4,35 дес. на душу. У большинства рабочих наделы были меньше этого среднего уровня. До 4 дес. имели 25 172 души, т. е. 53,7% рабочих. В их пользовании находилось 63 722 дес., или 31,2% всей земли. Остальными землями пользова-

¹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 2, д. 8836, л. 12.

² Там же, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 164.

³ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, стр. 405.

⁴ Площадь земельных наделов рабочих частных заводов Уфимской губернии подсчитана по уставным грамотам, хранящимся в фонде крестьянского присутствия ЦГА БАССР и по данным Н. Ремезова («Заводские люди и их земли.» — Научный архив Башкирского филиала АН СССР, ф. 3, оп. 63, д. 7, стр. 7). Наделы рабочих поздней Оренбургской губернии (Преображенского, Кагинского, Узянского, Белорецкого и Тирлянского заводов) подсчитаны по средней величине душевых наделов (ЦГИА, ф. 47, оп. 1, д. 30, л. 31); земли рабочих казенных заводов подсчитаны по уставным грамотам (ЦГИА, ф. 47; оп. 1, д. 78).

Таблица 5¹

Размер душевого надела, дес.	Число селений, имеющих наделы	В них			
		ревизи- ских душ	%	площадь земли, дес.	%
От 1,25 до 2	4	9513	20,32	14612	7,1
2—3	10	9777	21,31	28279	13,9
3—4	5	5682	12,12	20831	10,2
4—5	14	4039	8,63	19416	9,5
5—6	13	8519	18,20	46487	23,0
6—7	4	2387	5,10	15144	7,4
7—8	9	2124	4,54	15756	7,7
8—9	9	3783	8,08	33774	16,6
10	5	800	1,70	9228	5,6
Итого...	73	46824	100,0	203527	100,0

лись 46,3% рабочих, имевших от 5 до 10 дес. душевого надела.

Величина надела сама по себе не говорит о распространенности земледелия среди горнозаводского населения. Во многих местах географические условия не позволяли заниматься хлебопашеством. По размеру земледельческого хозяйства рабочих Башкирии можно разделить на четыре группы. К первой относились Капаникольский (Верхнеуральский уезд) и Шильвинский (Мензелинский уезд) медеплавильные и Авзяно-Петровские (Стерлитамакский уезд), Кагинский и Узьянский (Верхнеуральский уезд) железодельные заводы. За исключением Шильвинского, все эти заводы были окружены крутыми и неудобными для хлебопашества горами. Шильвинский же завод был расположен на ровной местности, но не имел своей земли. Рабочие этой группы заводов имели только усадебную оседлость и покосы, разбросанные на полях и в долинах рек. Хлеб не сеяли и получали его от заводууправлений за деньги.

Во вторую группу входили казенные заводы: Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Мнаский. В пользовании 18394 рабочих, включенных в уставные грамоты этих заводов, находилось 31 768 дес. земли. Из них 24995 дес. принадлежало мастеровым, насчитывавшим 16 037 душ; остальными 6 773 дес. пользовались 2357 сельских работников². Душевой надел мастеровых составлял 1,5 дес., а сельских работников — 2,8. Пахотных участков было очень мало. На землях мастеровых лишь 1112 дес. находилось под пашней; 437 дес. было занято под усадьбы, а остальные земли (94%) использовались для

¹ Н. Ремезов. Заводские люди и их земли, стр. 7.

² Подсчитано нами по уставным грамотам казенных заводов. ЦГИА, ф. 47, оп. 1, д. 78.

сенокосения. Аналогичное положение существовало и на наделах сельских работников, пахотные и усадебные участки которых составляли только 269 дес., или 4% всех угодий. Остальные 96% земель состояли из сенокосов. Специальных выгонных мест не было, скот пастся на заводских землях¹. Рабочие не имели и леса. Топливо отпускалось из владельческих лесов. Таким образом, рабочие казенных заводов, как и рабочие заводов первой группы, имели усадьбы и покосы, а кроме того — ничтожные пахотные участки, занятые под огородами для овощей и конопляниками.

Ко второй группе относились также Усень-Ивановский, Верхне- и Нижне-Троицкие медеплавильные заводы Бенардаки в Белебеевском уезде. Они были расположены в степной местности. Душевой надел рабочих Верхне-Троицкого завода составлял 8,7 дес., Усень-Ивановского — 9,5, а Нижне-Троицкого — 10,8. Земля использовалась, главным образом, под выгон и сенокосение. Как говорится в уставных грамотах, «выгон обычно начинался прямо от заводского селения и простирался на весьма дальние расстояния». Кроме того, рабочие пасли лошадей в Аднагуловской степи владельца².

Душевой надел рабочих заводов третьей группы, расположенных в Уфимском (Катавские, Юрюзанский, Минский, Миньярский и Симский железодельные) и Оренбургском (Преображенский медеплавильный) уездах, колебался от 1,6 до 9,5 дес.³ Большую часть наделов занимали покосы. Здесь в незначительных количествах было развито и хлебопашество. Пахотные земли составляли на Миньярском заводе 156 дес. из 3110, Симском — 407 из 4071 и Минском — 586 из 5862. Но своего хлеба не хватало, и рабочие вынуждены были покупать его в заводских магазинах. Пользовались озерами и реками для рыбной ловли мастеровые бесплатно⁴.

Четвертую группу составляли Архангельский, Воскресенский, Богоявленский, Верхоторский медеплавильные (Стерлитамакский уезд), Белорецкий и Тирлянский (Верхнеуральский уезд) железодельные заводы, расположенные в местах понижения Уральских гор, а также Благовещенский медеплавильный завод, находившийся в чисто земледельческой местности Уфимского уезда. Средний душевой надел рабочих этих заводов колебался от 2,8 до 6 дес., причем значительная часть земли находилась под пашней. Тем не менее рабочим не хватало собственного хлеба — заводские работы отвлекали их от сельскохозяйственных занятий. В уставных грамотах Богоявленского и Воскресенского заводов говорилось, что хозяйство жителей завода «не ограничивается одним земледе-

¹ ЦГИА, ф. 47, оп. 1, д. 78, лл. 40, 102, 184.

² ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, дд. 149, 150, 197.

³ Там же, дд. 606, 608, 622, 635, 638, 650, 651, 665, 853.

⁴ Там же, дд. 597, 603.

лием, а поддерживается преимущественно заработками на местных заводских и рудничных работах»¹.

Рассмотрение уставных грамот о землепользовании рабочих горных заводов подтверждает вывод, сделанный другими исследователями: хлебопашество не могло быть существенным источником средств существования для семей рабочих². В то же время нельзя недооценивать значения пользования сенокосными и пастбищными угодьями, необходимыми для содержания скота, в первую очередь лошадей. Урочные рабочие обязаны были содержать не менее двух лошадей для выполнения заводских работ. Не случайно заводчики заботились об обеспечении покосами прежде всего урочных или сельских работников. Так, на Благовещенском заводе население, занятое на куренных работах, имело право получать лугов на 50% больше, чем приходилось по общему разделу³. Выполнение заводских работ крепостными на своих лошадях напоминало помещичье хозяйство, где барщинные работы исполнялись крестьянским инвентарем.

Наделяя рабочих земельными участками, заводовладельцы резко снижали денежную часть заработной платы. Так, на Архангельском заводе заработная плата высокооплачиваемых рабочих, имевших пашню, обеспечивала лишь 31% прожиточного минимума⁴. Губернатор Ханьков, специально исследовавший положение на частных заводах в 1841 г., писал, что самая высокая заработная плата рабочих не превышает доходов помещичьих крестьян⁵. Землепользование горнозаводского населения являлось, таким образом, одним из условий феодальной эксплуатации рабочих.

Денежная часть зарплаты выплачивалась нерегулярно и не везде. На Архангельском, Кананикольском, Кагинском, Узянском и Авзяно-Петровском заводах денежная зарплата была заменена небольшими продовольственными пайками. Рабочие Белорецкого завода вместо зарплаты получали изделия из чугуна и железа и продавали их за бесценки посторонним лицам. В основном хлеб рабочие покупали у заводовладельцев по ростовщическим ценам и в долг. В результате они становились неоплатными должниками. За рабочими Юрюзанского завода в 1859 г. числилось 232 тыс. руб. долга, а за рабочими Архангельского завода — 80 тыс., или по 72—100 руб. в перерасчете на одного рабочего⁶. Для погашения этих

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, дд. 480, 484, 534.

² Р. Е. Рутман. О земельном пользовании рабочих горнозаводского Урала накануне реформы 1861 года.—«Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале». Свердловск, 1963, стр. 85.

³ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 566, л. 21.

⁴ Р. Е. Рутман. Указ. соч., стр. 87.

⁵ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 31.

⁶ Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 78.

долгов нужно было бы бесплатно работать на заводоладельца 6—8 лет.

Особенно в тяжелом положении находились рабочие тех заводов, которые закрывались в связи с кризисом. В этом отношении показательна судьба рабочих Иштерьяковского медеплавильного завода¹. Из-за убыточности завод в 1851 г. прекратил производство. Оказавшись без куска хлеба, рабочие вынуждены были обратиться к сельскохозяйственным занятиям. Но это оказалось чрезвычайно трудным делом. Из 150 дворов по одной лошади имели только 50, а сельскохозяйственные орудия — лишь 3 домохозяина. Недостаточно было и пахотных земель — всего 70 дес. Опекун завода Пальчиков продал для уплаты налогов последний скот рабочих и отдал наиболее трудоспособных из них на золотые прииски купца Бакакина, расположенные за несколько сот километров от Иштерьякова. На приисках были чудовищные условия. Спустя несколько месяцев 30 человек умерло, а остальные рабочие заболели. Власти назначили вместо Пальчикова другого опекуна, уже знакомого нам Жадовского. Генерал обещал улучшить быт крестьян — недавних рабочих. Губернатору он писал: «...нет сомнения, что имение сие, представляющее ныне образец нищенства, вследствие нахождения оного в опеке, чрез несколько лет будет служить образцом благосостояния крестьян»². Однако Жадовский во всем превзошел Пальчикова. При нем крестьяне должны были работать шесть дней в неделю за плату по 2 коп. в день на пешего и по 6 коп. на конного. Но и эти деньги не выдавались наличными. Вместо денег Жадовский, как и в собственном имении (с Анастасьино Бирского уезда), раздавал крепостным не имеющие никакой цены «ярлыки». Таким образом, менее чем за год он присвоил 4 175 руб. крестьянских денег. Новый опекун был неистощим и на другие выдумки. Разломав часовню, построенную жителями, он сделал для себя дом, у десяти крестьян отнял дома и построил казарму. Женщины выполняли самые тяжелые работы, рыли совершенно ненужные каналы, таскали камни и расчищали лес. Большинство тяжелых и ненужных работ выдумывалось Жадовским не для пользы, а для так называемого «порядка». Последствия такого управления сказались быстро. Зимой 1854 г. среди крестьян начался сильный голод. 25 января все жители отправились с жалобой на генерала в уездный город Мензелинск. Жадовский был отстранен, опекуном назначен Сергеев. Как видно из жалоб крестьян, он придерживался тех же правил, что и его предшественник. Крепостные не прекращали борьбу. Поверенные их были заключены властями в тюрьму, а 110 наиболее активных крестьян проданы помещи-

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, д. 468, лл. 1—220.

² Там же, оп. 1, д. 468, л. 34—35.

ку Самарской губернии Рычкову. Несмотря на это, выступления иштерьяковских крестьян продолжались и в последующие годы.

Принудительный труд, являвшийся основой горнозаводской промышленности, не исключал применения вольнонаемного труда. По подсчетам Ф. С. Горового, перед отменой крепостного права на заводах (сюда включены и золотые прииски) Урала вольнонаемные составляли 40% общего числа рабочих¹.

Вольнонаемный труд применялся главным образом при добыче и перевозке руды. В 1859 г. на рудниках Благовещенского завода кроме заводских людей работало 250 вольнонаемных, Верхне-Троицкого и Усень-Ивановского — 150, Богоявленского — 100 и т. д.² Большое значение имела башкирская вольнонаемная рабочая сила. «Многие из рудоплавильных заводов, — писал В. М. Черемшанский, — основанные на башкирских землях, существованием своим единственно обязаны башкирцам, обитающим в окружности их, потому что башкирцы если не лично участвуют при заводах в работах, то способствуют им в доставлении материалов за бесценно. Самая важная услуга их для заводов заключается в перевозке зимою руды из отдаленных рудников по непроходимым в летнее время лесам и горным ущельям»³. Башкиры доставляли руду на Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский, Кананикольский и другие заводы. В качестве вольнонаемных выступали иногда и сами крепостные. Например, на Авзяно-Петровских заводах для разноски пустых пород нанимались жены и дочери рабочих⁴.

Широкое распространение вольнонаемный труд получил в золотодобывающей промышленности. Последняя состояла из миасских казенных золотых промыслов и частных приисков, расположенных на землях башкир, тептярей и Оренбургского казачьего войска. Если на казенных промыслах применялся труд крепостных рабочих, то на частных приисках работы проводились нанятыми людьми из Оренбургской, Казанской, Вятской и Пермской губерний. В 1860 г. в золотодобывающей промышленности насчитывалось 14 949 наемных рабочих, в том числе 3508 башкир и тептярей⁵.

Вольнонаемный труд оплачивался выше принудительного. На Благовещенском заводе при добыче руды крепостной за-

¹ Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 67.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 157.

³ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии..., стр. 400.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 157.

⁵ В. И. Кривоногов. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860). — «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время». Свердловск, 1964, стр. 185—186.

рабатывал 7,1 коп. в сутки, а вольнонаемный — 14; на медеплавильных заводах Бенардаки крепостному платили 5—8, вольнонаемному — 15—18 коп. в день¹. Говоря о распространении вольнонаемного труда на горных заводах, не следует преувеличивать его значение. Принудительный труд крепостных рабочих являлся основным в горнозаводской промышленности, а вольнонаемный служил лишь дополнением. Последний сам подчас носил принудительный характер. Так, например, кантонное начальство отдавало на промыслы башкир и тептярей, чтобы они зарабатывали там деньги для платежа различных поборов. Несмотря на все это, применение на горных заводах вольнонаемного труда было одним из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы.

Усиление крепостнического гнета вынуждало крестьян и горнозаводских рабочих подниматься на защиту своих интересов. Развернувшееся в 50-х годах крестьянское движение в стране явилось одним из факторов, заставивших царизм отменить крепостное право. Уже в 1856 г. Александр II, выступая перед дворянами, вынужден был заявить, что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, пока они не освободят себя снизу.

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 505, лл. 112—113, 116, 128, 138—139.

Х. Ф. УСМАНОВ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В БАШКИРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

После падения крепостного права в России быстрыми темпами стал развиваться капитализм. Росла крупная машинная индустрия, строились железные дороги. Сельское хозяйство все более принимало торговый характер.

Капитализм развивался не только вглубь, но и вширь, распространяясь на слабонаселенные отсталые окраины страны. Одну из таких окраин представляла тогда Башкирия. Развитие капитализма проходило здесь в тесной связи с колонизацией края и сопровождалось массовым обезземелением башкир.

Башкирские земли издавна служили объектом колониального грабежа. К середине XIX в. огромные массивы их были уже расхищены. В пореформенный период колонизаторы вновь потянулись к башкирским землям. С начала 70-х и до конца 90-х годов башкиры Уфимской и Оренбургской губерний потеряли 2432,8 тыс. дес. земельных угодий¹. Из них 839,5 тыс. дес. безвозмездно отняла казна и продала на льготных условиях местным и столичным властямущим. Остальные 1593,3 тыс. дес. в подавляющей массе были скуплены помещиками, купцами, промышленниками, кулаками и прочими хищниками путем насилий, обмана и подкупа. Расхищенные земли скупщики перепродавали местным и пришлым крестьянам в 10—25 раз дороже покупных цен.

Одновременно с обезземелением коренного населения шло интенсивное заселение края крестьянами-переселенцами из

¹ Н. В. Ремезов. Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея. М., 1889, стр. 24; С. Д. Рудин и др. Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач. СПб., 1899, стр. 113, 122—123; ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 3, д. 650, л. 11; д. 1374, л. 12; оп. 4, д. 188, л. 25; ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 225а, л. 18; ф. 13, оп. 1, д. 337, лл. 57—65; д. 340, л. 279; ЦГА БАСССР, ф. 132, оп. 1, д. 1209, л. 7; ф. 10, оп. 1, д. 1255, л. 334.

густонаселенных губерний. За период с 1861 до середины 90-х годов в Уфимскую и Оренбургскую губернии переселилось 316,2 тыс. крестьян¹. Незначительная часть из них получила казенные земли, а другие устраивались на купленных и арендованных частновладельческих, башкирских и удельных землях.

Развитие капиталистических отношений, грабеж башкирских земель, наплыв переселенцев оказали существенное влияние на землевладение в крае.

В 1877 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях было учтено 25,1 млн. дес. земли. Их распределение по уездам и основным группам владения показано в табл. 1².

Таблица 1

Уезды	Всей земли, дес.	В том числе					
		частновладельческой		крестьянской надельной		казны, удела и разл. уч-режд.	
		дес.	%	дес.	%	дес.	%
Уфимская губерния							
Бирский	2043924	304967	14,9	1634315	80,0	104642	5,1
Стерлитамакский	1755793	477197	27,2	1207845	68,8	70751	4,0
Уфимский	1694203	941517	55,6	711567	42,0	41119	2,4
Златоустовский	1635490	188795	11,6	945695	57,8	501000	30,6
Белебеевский	1609449	250243	15,6	1082047	67,2	277159	17,2
Мензелинский	977473	160916	16,5	690085	70,6	126472	12,9
Итого . . .	9716332	2323635	23,9	6271554	64,6	1121143	11,5
Оренбургская губерния³							
Верхнеуральский	4210884	434210	10,3	813633	19,3	6332	0,2
Орский	3174581	361419	11,4	1272327	30,2	184382	4,0
				593809	18,7	788659	24,8
Оренбургский	2953325	460514	15,6	1193578	40,4	162292	5,5
				1077395	36,5	59546	2,0
Челябинский	2734548	25940	0,9	1683212	6,6	183439	6,2
				728547	26,6	113410	4,7
Троицкий	2276869	2449	0,1	70225	3,1	168392	7,4
				1148853	50,4	886950	38,9
Итого . . .	15350207	1284532	8,4	5134152	33,4	577645	3,8
				4820931	31,4	3532947	23,0

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7. ч. 1. Уфа, 1901, стр. 169; «Обзор Оренбургской губернии за 1894 год», стр. 30.

² «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. 6. СПб., 1884, стр. 44—45, 82—83.

³ Во второй строке показаны земли казачьих общин и казачьи войсковые запасные земли.

Из табл. 1 видно, что в Уфимской губернии крестьянские наделные земли составляли 64,6%, частновладельческие — 23,9, казенные и удельные — 11,5% всей земельной площади. Наибольший удельный вес частновладельческих земель был в Уфимском и Стерлитамакском уездах, а наделных земель — в Бирском и Мензелинском уездах. Казенные земли (всего 951,3 тыс. дес.) располагались в основном в Златоустовском и Белебеевском, удельные земли (всего 92,5 тыс. дес.) — в Бирском, Уфимском и Мензелинском уездах.

В Оренбургской губернии 8,4% земли находилось в частной собственности, 33,4 — в наделном владении крестьян, 31,4 — в пользовании казачьих общин и 26,8% — во владении казны, удела и казачьего войска. Частновладельческие земли были сосредоточены главным образом в Оренбургском, Верхнеуральском и Орском, крестьянские наделные земли — в Челябинском, Орском, Оренбургском уездах. Земли казачьих общин и казачьего войска преобладали в Троицком и Верхнеуральском уездах. Удельный же вес казенных и удельных земель был незначителен почти во всех уездах губернии.

Рассмотрим отдельные категории землевладения.

Частновладельческие земли

В пореформенный период в связи с расхищением башкирских земель резко выросла частная земельная собственность. Только за 1877—1905 гг. в Уфимской губернии частновладельческие земли увеличились с 2 323 635 до 3 163 867 дес., в Оренбургской — с 1 284 532 до 2 038 652 дес. По отдельным уездам рост частновладельческой земли показан в табл. 2¹.

Таблица 2

У е з д ы	Площадь частновладельческой земли, дес.	
	1877 г.	1905 г.
Уфимская губерния		
Уфимский	941517	928266
Стерлитамакский	477197	772053
Белебеевский	250243	538995
Златоустовский	188795	378217
Бирский	304967	377357
Мензелинский	160916	168979
Итого...	2323635	3163867
Оренбургская губерния		
Оренбургский	460514	829667
Верхнеуральский	434210	470391
Орский	361419	440146
Троицкий	2449	165856
Челябинский	25940	132592
Итого...	1284532	2038652

¹ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. 6, стр. 44, 82; «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36. СПб., 1906, стр. 10; вып. 45. СПб., 1907, стр. 10.

Следовательно, наибольший рост частновладельческих земель был в Стерлитамакском, Белебеевском, Златоустовском и Оренбургском уездах, где башкиры потеряли особенно много земли. В остальных уездах количество их увеличилось в несколько меньших размерах.

Частная собственность на землю существовала в двух формах — собственность обществ и товариществ и личная собственность.

В 1877 г. частная земельная собственность обществ и товариществ была незначительной: в Уфимской губернии составляла 52 тыс. дес., а в Оренбургской — 3,1 тыс. дес.¹. В дальнейшем она резко выросла за счет помещичьих и башкирских земель и достигла к 1905 г. по Уфимской губернии 1044,2, Оренбургской — 906,7 тыс. дес.². По Европейской России частная земельная собственность обществ и товариществ составляла в 1905 г. 14,5%³, а в Уфимской губернии — 33, Оренбургской — 44,3% всех частновладельческих земель⁴. Большой удельный вес собственности обществ и товариществ в частном землевладении Башкирии объяснялся вовлечением в торговый оборот огромной массы расхищенных башкирских земель, а также наплывом в край переселенцев. Здесь было много и заводских земель. В Уфимской губернии из всех угодий, находившихся в собственности обществ и товариществ, 95,5% (996,9 тыс. дес.) принадлежало крестьянским обществам и товариществам, 3% (31,5 тыс. дес.) — обществам и товариществам из лиц разных сословий и 1,5% (15,7 тыс. дес.) — торгово-промышленным товариществам⁵. В Оренбургской губернии крестьянским обществам и товариществам принадлежало 47,8% (433,5 тыс. дес.), обществам и товариществам из лиц разных сословий — 2,4% (21,3 тыс. дес.) и торгово-промышленным товариществам — 49,8% (451,9 тыс. дес.) земель, состоявших в собственности обществ и товариществ⁶.

В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» относит земли торгово-промышленных товариществ к крупному, а земли крестьянских обществ и товариществ — к мелкому землевладению⁷. Так было и в Башкирии. Здесь 17 торгово-промышленным товариществам принадлежало 467 690 дес..

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 12—13; вып. 45, стр. 12—13.

² Там же.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 197—198.

⁴ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 12—13; вып. 45, стр. 12—13.

⁵ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 12—13.

⁶ Там же, вып. 45, стр. 12—13.

⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 198.

т. е. в среднем по 2,7 тыс. дес. на каждое товарищество¹. В «Статистике землевладения 1905 года» земли крестьянских обществ и товариществ разбиты лишь по обществам и товариществам. Поэтому мы лишены возможности показать распределение этих земель между отдельными крестьянскими хозяйствами. Но, несомненно, это было мелкое землевладение. Чтобы не быть голословным, обратимся к данным обследования, проведенного в Уфимской губернии в середине 90-х годов по 1041 крестьянскому товариществу (табл. 3)².

Таблица 3

Группы товариществ по средним размерам владения на один двор	Товарищества, поселившиеся на купленной земле			Товарищества, которые не переселились на купленные земли		
	кол-во товариществ	в них		кол-во товариществ	в них	
		дворов	земли, дес.		дворов	земли, дес.
До 5 дес.	27	833	2069	106	5985	19555
5—10 дес.	85	3453	27755	133	4327	29941
10—15 »	119	4418	53858	88	1824	22255
15—20 »	114	4682	82908	41	760	13556
20—30 »	99	3281	74483	33	334	8427
30—40 »	53	1590	55298	16	329	12104
40—50 »	23	610	27186	15	162	6568
50—75 »	26	345	20623	11	51	3158
75—100 »	8	84	7329	3	32	2645
Свыше 100 дес.	19	125	19948	6	26	16974
Итого...	573	19421	371357	452	13830	135183

Товарищества, обосновавшиеся на купленных землях, состояли главным образом из переселенцев, а товарищества, не поселившиеся на купленных землях,—из местных крестьян, которые прикупили землю дополнительно к своим наделам и продолжали жить в прежних деревнях. В первых из них на один крестьянский двор приходилось в среднем по 19 дес., а во вторых — 9,7 дес. купленной земли. Это немного. Но товарищество товариществу рознь. Среди них были малоземельные, в которых на двор приходилось в среднем по 10—15 и менее десятин, были и многоземельные, имевшие по 30—40 и даже 100 и более десятин на семейство. Ясно, что на 10—15 дес. крестьяне не могли вести исправное хозяйство. У многих из них земли не хватало и на содержание семьи. В то же

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 12—13; вып. 45, стр. 10—13.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7, ч. 1, стр. 220 — 221.

время в многоземельных товариществах земли было значительно больше того, что могли обработать крестьяне собственными силами. Крупных латифундий в них нет, но капиталистическое землевладение налицо. К этой же категории относилась основная масса земель, купленных товариществами дополнительно к наделам.

Разумеется, в малоземельных товариществах отнюдь не все крестьяне были малоземельными, равно как и в многоземельных товариществах не все крестьяне были многоземельными. В товариществах земля распределялась неравномерно. Каждый крестьянин получал столько десятин, за сколько он внес денег при покупке земли. Например, в Бакалинской волости Белебеевского уезда Шокуровское товарищество, состоявшее из 48 членов, имело в 1896 г. сверх надела 300 дес. купленной земли, т. е. в среднем по 6,2 дес. на хозяйство. На деле же земля распределялась так: 24 двора имели от 1 до 5 дес., 18—от 5 до 10 дес. и 4 двора—свыше 20 дес. на семью¹. В Бала-Четырмановской волости Стерлитамакского уезда товарищество из крестьян поселка Львовского в составе 24 дворов приобрело в 1891 г. у башкир дер. Хазино 863 дес. земли, или в среднем по 36 дес. на двор. Фактически паи 12 хозяйств составляли менее 5 дес., 7—от 5 до 15 дес. и 5—свыше 15 дес. на мужскую душу; причем 4 семейства из последней группы захватили 515 дес. земли². Все это говорит о том, что львиная часть товарищеских земель была сосредоточена в руках зажиточных крестьян, т. е. сельской буржуазии.

Остановимся на способах раздела земли между членами товариществ и обществ. Купив землю, крестьяне прежде всего определяли место для поселения, если они не жили там раньше в качестве арендаторов, затем выделяли пахотные земли в 3-х полях, выгон и сенокосные угодья.

Усадебные места распределялись между совладельцами по жребию (иногда, с согласия товариществ, лучшие места уступались богатым крестьянам). Размеры усадеб были разнообразны и колебались от 0,08 до 0,63 дес. Наибольшее распространение имели усадьбы в 0,25 дес. Доля каждого покупателя в усадебной земле определялась пропорционально купленным десятинам. Когда усадьбы оказывались слишком малыми или слишком большими, крестьяне увеличивали или уменьшали их до приемлемого размера. Были и такие поселки, где все усадьбы нарезывались в одинаковом размере. Как в первом, так и во втором случае излишки, полученные владельцами малых усадеб, взыскивались с их полевых земель. Крестьяне

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 4. Уфа, 1898, стр. 170.

² В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897, стр. 228.

же, не воспользовавшиеся всей причитающейся им усадебной площадью, получали соответственную надбавку в полевых участках. В некоторых селениях усадебные земли возмещались двойным количеством пахотной земли, т. е. усадебное место ценилось вдвое дороже.

Пахотные земли крестьяне делили строго по паям. Во избежание большой разницы в качестве земли отдельных дворов выделенные поля обычно разбивались на участки, затем высчитывалась доля каждого покупателя в отдельных участках и по жребию проводился раздел земли. В результате крестьянская семья получала в каждом поле по 3—5 и более чересполосно расположенных узких земельных полос. Так было в безлесных местностях, где полевые земли распределялись при самом водворении крестьян. В лесных же местностях вначале только намечались поля. Раздел земли между хозяйствами проводился постепенно, небольшими участками, по мере расчистки их из-под леса. Это приводило к большой чересполосице в землепользовании крестьян. Но тем не менее раздел земли считался окончательным. И в лесных и в безлесных местностях переделы бывали лишь тогда, когда часть крестьян уходила в другие места; или же товарищество, купив новый земельный участок, не могло присоединить его к ранее существовавшим полям.

Раздел сенокосных угодий, если они имелись в приобретенном участке, проводился ежегодно — по паям.

Выгон находился в общем пользовании крестьян без определения прав отдельных покупателей. Каждый домохозяин выпускал столько скота, сколько имел. Лишь в некоторых деревнях устанавливалась норма выпуска скота на приобретенный пай земли. В этих случаях за пастьбу излишнего скота крестьяне уплачивали определенную сумму в пользу домохозяев, имевших скота меньше установленной нормы. В земельных участках ряда товариществ и обществ выгона вообще не было. Крестьяне снимали его в аренду, распределяя плату между собой пропорционально количеству скота.

Несколько иной способ раздела земли применялся среди переселенцев-украинцев. Из приобретенной каждым домохозяином земли они высчитывали усадебное место, преимущественно одинакового размера, а также выгон по числу имевшегося скота. Оставшуюся часть пая земли крестьянин получал в 3-х полях и в сенокосе; причем раздел их совершался без жеребьевки, по порядку, и, в большинстве случаев, подесятинно, что исключало чересполосицу в землепользовании покупателей в пределах отдельных полей. Переделы пашни и сенокоса не практиковались. Переселенцы из латышей, эстонцев и немцев предпочитали селиться отдельными хуторами, предоставляя каждому владельцу более или менее цельные участки и т. д.

В товариществах и обществах, не поселившихся на купленных участках, основную роль в хозяйстве играли наделные или ранее приобретенные земли. Новые земли крестьяне покупали с целью расширения тех или иных угодий, в которых они нуждались. Одни товарищества и общества приобретали только пашню, другие — лес или сенокос, третьи — пашню и выгон и т. д. Но больше всего покупались пахотные угодья, что в значительной мере объяснялось стремлением крестьян увеличить производство товарного хлеба. Прикупленные земли совладельцы делили между собой по паям и преимущественно теми же методами, что и в первых товариществах¹.

Итак, в подавляющей массе крестьянских обществ и товариществ лично-подворная форма землевладения сочеталась с элементами общинной формы землевладения. Последние проявлялись в чересполосице земель отдельных покупателей, пределах угодий (сенокоса, иногда и пашни), а также в круговой поруче в отношении уплаты покупного долга. Общинные элементы, хотя и не изменяли буржуазный характер товарищеского землевладения, но тем не менее стесняли свободу крестьян распоряжаться своими участками и препятствовали улучшению культуры земледелия.

В 70-х годах XIX в. **личная собственность** была почти единственной формой частного землевладения в крае. В дальнейшем, по мере увеличения частной земельной собственности товариществ и обществ, удельный вес личной собственности в частном землевладении стал уменьшаться (табл. 4)².

Таким образом, за период с 1877 по 1905 год частная земельная собственность обществ и товариществ выросла в крае в 35 раз. В то же время личная земельная собственность уменьшилась по Уфимской губернии в 1,09 раза и по Оренбургской — в 1,13 раза. Хотя в Белебеевском, Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах наблюдалось некоторое увеличение личного частного землевладения, но это не покрывало сокращение его в других уездах. Уменьшение личной земельной собственности шло главным образом за счет помещичьих земель, которые переходили к крестьянским и торгово-промышленным товариществам.

Распределение личной частной земельной собственности по сословиям показано в табл. 5³.

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2. Самара, 1899, стр. 223; т. 4. Уфа, 1898, стр. 161—175; В. А. А б р у т и н. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898, стр. 23—24; В. М и х а й л о в. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии, стр. 73—77.

² «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 10—13; вып. 45, стр. 10 — 13.

³ Там же, вып. 36, стр. 10—13; вып. 45, стр. 10—13.

Таблица 4

Уезды	Площадь частной земельной собственности обществ и товариществ, дес.		Площадь личной частной земельной собственности, дес.	
	1877 г.	1905 г.	1877 г.	1905 г.
Уфимская губерния				
Уфимский	2244	204690	941517	723576
Стерлитамакский	43910	308416	477197	463637
Белебеевский	203	214749	250243	324246
Бирский	4400	102149	304967	275208
Златоустовский	—	202748	188795	175469
Мензелинский	1309	11485	160916	157494
Итого	52066	1044237	2323635	2119630
Оренбургская губерния				
Оренбургский	1910	227765	460514	601902
Верхнеуральский	—	340259	434210	130132
Орский	—	287953	361419	152193
Троицкий	—	21618	2449	144238
Челябинский	1287	29171	25940	103421
Итого	3197	906766	1284532	1131886

Таблица 5

Сословия владельцев	Принадлежало земли				Изменения в сторону увеличения (+) или уменьшения (—)	
	1877 г.		1905 г.			
	дес.	%	дес.	%	дес.	во ск. раз
Уфимская губерния						
Дворяне	1851119	79,7	1381773	65,2	—469346	—1,34
Купцы	359724	15,5	435498	20,6	+75774	+1,21
Мещане	23042	1,0	57928	2,7	+34886	+2,51
Крестьяне	73136	3,1	229137	10,8	+156001	+3,13
Прочие	16614	0,7	15294	0,7	—1320	—1,08
Итого	2323636	100	2119630	100	—204005	—1,10
Оренбургская губерния						
Дворяне	10003448 ¹	77,8	557913	49,3	—442435	—1,79
Купцы	246537	19,2	222848	19,8	—23689	—1,11
Мещане	3741	0,3	63859	5,6	+60118	+17,07
Крестьяне	24739	2,0	264372	23,4	+239633	+10,70
Прочие	9167	0,7	22849	1,9	+13727	+2,49
Итого	1284532	100	1131886	100	—152646	—1,13

¹ В «Очерках по истории Башкирской АССР» (т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 180) указано, что в 1877 г. дворянские земли составляли по Оренбургской губернии 861,4 тыс. дес. В это число не вошли земли казачьих офицеров. В «Статистике землевладения 1905 г.» включены эти земли в помещичье землевладение.

Из табл. 5 видно, что основными личными частными собственниками были дворяне (русские, башкирские и татарские). В их руках находилось в 1877 г. по Уфимской губернии 79,7%, а по Оренбургской — 77,8% всех частновладельческих земель.

Необходимо указать, что после отмены крепостного права многие дворяне, нуждаясь в деньгах для перестройки хозяйства, а также не сумев приспособиться к новым условиям ведения его, стали продавать земли частями и целыми именьями. В центральных и поволжских губерниях это привело к заметному сокращению помещичьего землевладения уже в первые десятилетия после крестьянской реформы. В Башкирии же этого не случилось. Движение дворянского землевладения в крае по отдельным годам приводится в табл. 6¹.

Таблица 6

Годы	Дворянские земли, тыс дес.	
	Уфимская губерния	Оренбургская губерния
1859	1546,0 ²	890,0 ²
1877	1851,1	1000,3
1881	2164,3	—
1887	1934,8	994,2
1905	1381,7	557,9

Итак, до 80-х годов помещичье землевладение в крае неуклонно росло. Это объясняется тем, что дворяне, с одной стороны, продавали свои земли, а с другой — в значительно больших размерах скупали башкирские угодья. Например, в Уфимской губернии в 1874—1878 гг. помещиками было отчуждено 115 795 дес., а приобретено — 315 148 дес. земли³. С начала 80-х годов дворянское землевладение стало уменьшаться. В этом сказалось как прекращение «свободной» продажи башкирских земель и раздачи льготных участков, так и усиление продажи помещичьих земель. Если раньше помещики отчуждали землю главным образом из нужды, то теперь они стали массами выбрасывать на рынок угодья, скупленные у башкир в спекулятивных целях. Часть этих земель попадала в руки тех дворян, которые перестроили свое хозяйство на капиталистический лад, а остальные переходили к лицам других сосло-

¹ «Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России», 1897, стр. 16—17; ЦГА БАССР, ф. 132, оп. 1, д. 370, лл. 57—58; «Главнейшие данные поземельной статистики по исследованию 1887 г.», вып. 45. СПб., 1900, стр. 10; вып. 28. СПб., 1895, стр. 6—7; «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 10, 12; вып. 45, стр. 10, 12.

² Без наделов, отведенных крестьянам по Положению 19 февраля 1861 г.

³ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7, ч. 1, стр. 240—241.

вий. Поэтому неудивительно, что к 1905 г., по сравнению с 1877 г., помещичье землевладение сократилось по Уфимской губернии в 1,34 раза, а по Оренбургской губернии — в 1,79 раза (за тот же период по Европейской России дворянское землевладение сократилось в 1,4 раза¹). Это еще не все. При сопоставлении данных 1905 и 1859 гг. оказывается, что в начале XX в. помещичьих земель было меньше, чем в середине XIX в. Следовательно, уменьшение дворянского землевладения вызывалось не только отчуждением скупленных башкирских угодий, а было общим направлением пореформенного развития деревни.

Наряду с сокращением помещичьего землевладения шел быстрый рост купеческого, мещанского и частного крестьянского землевладения. Иначе говоря, сословное землевладение сменялось бессословным, т. е. буржуазным. За период с 1877 по 1905 год купеческое землевладение увеличилось по Европейской России в 1,3 раза², в Уфимской губернии — в 1,21 раза, в Оренбургской — в 1,11 раза. Особенно быстро росло мещанское (основная часть мещан-земледельцев состояла из бывших крепостных крестьян, которые при «освобождении» перешли в мещанское сословие) и частное крестьянское землевладение. «Крестьяне, — указывал В. И. Ленин, — все более и более выделяют... такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников»³. За 1877—1905 гг. мещанское землевладение выросло по России в 1,85 раза⁴, в Уфимской губернии — в 2,51 раза, в Оренбургской — в 17,07 раза; частное крестьянское землевладение увеличилось по России в 2,21 раза⁵, в Уфимской губернии — в 3,13 раза, в Оренбургской — в 10,7, раза. Таким образом, в Башкирии рост мещанского и крестьянского личного частного землевладения происходил значительно быстрее, чем в среднем по России, что объясняется массовым поступлением в продажу башкирских и помещичьих земель, сравнительно дешевой их, а также притоком в край переселенцев. Но и здесь картина не везде одинакова. В Уфимской губернии мещанское и крестьянское частное личное землевладение росло в несколько раз медленнее, чем в Оренбургской губернии. В первой из них крестьяне покупали землю преимущественно в составе товариществ и обществ (в Уфимской губернии крестьянских товарищеских земель было 996,9 тыс. дес., в Оренбургской — 433,5 тыс. дес.), а во второй — наряду с товарищескими покупками крестьяне в более широких размерах приобретали землю в частную личную собственность.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 60.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ Там же.

Итак, пореформенное развитие частной поземельной собственности в Башкирии, как и во всей остальной России, шло по линии перехода от феодальной к буржуазной частной собственности на землю. Капиталистические отношения, проникая в сельское хозяйство, все больше и больше втягивали землю в торговый оборот. «Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п., — писал В. И. Ленин, — возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег»¹.

Однако власть средневекового помещичьего землевладения была все еще сильна. Размеры частного землевладения по данным 1905 г. представлены в табл. 7².

Таблица 7

Группы земельно- го владения	По Уфимской губернии			По Оренбургской губернии			По Рос- сии
	число владе- ний	кол-во земли, дес.	приходится в среднем на 1 владение, дес.	число владе- ний	кол-во земли, дес.	приходится в среднем на 1 владение, дес.	приходится в среднем на 1 владение, дес.
10 дес. и меньше	1355	8026	5,9	47	301	6,4	3,9
10—50 дес.	1856	46007	24,8	147	4556	31,0	23,4
50—500 „	1374	244131	177,6	1040	296750	285,3	163,3
500—2000 „	468	449911	991,2	367	318500	867,9	947,0
2000—10000 „	109	425146	3808,6	48	178972	3720,1	3825,0
Свыше 10000 „	21	946409	45924,0	9	332807	36978,0	29754,0
Всего свыше 500 десятин	598	1821466	3045,9	424	830279	1958,2	2227,0
Итого . . .	5183	2119630	408,9	165	1131886	682,9	114

Эти данные следовало бы сопоставить с материалами обследования 1877 г. Но в них дано число владельцев (некоторые владельцы имели по несколько имений), а здесь — число владений, что исключает возможность сравнения. В материалах обследования 1887 г. частновладельческие земли не распределены по размерам владения. Вместе с тем в них имеется общее количество частных владений и принадлежащей им земли. По этим данным видно, что в 1887 г. средний размер частновладельческих имений составлял в Уфимской губернии

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 61.

² «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 20; вып. 45, стр. 18.

979 дес., а в Оренбургской — 1376 дес.¹. Следовательно, за 1887—1905 г. средний размер частных владений уменьшился по Уфимской губернии в 2,39, а по Оренбургской — в 2,02 раза. Это был результат перехода частновладельческих земель в руки мелких собственников, состоявших главным образом из крестьян и мещан.

Но тем не менее роль мелкой собственности в частном землевладении была еще незначительной. В 1905 г. в Уфимской губернии семь восьмых всех землевладельцев, 4585 из 5183, имели всего лишь 298,2 тыс. дес., или 14,0% всей частновладельческой земли в губернии. В Оренбургской губернии трем четвертям всех землевладельцев, 1234 из 1658, принадлежало 301,6 тыс. дес., т. е. всего 26,6% частновладельческой земли. В то же время имелись крупные латифундии: 21 собственник в Уфимской губернии владел 946 тыс. дес., что составляло почти половину всей частновладельческой земли в губернии, на каждого из них приходилось в среднем по 46 тыс. дес.; в Оренбургской губернии 9 собственников владели 332,8 тыс. дес., или по 37 тыс. дес. каждый².

Если выделить владения свыше 500 дес., то оказывается, что в Уфимской губернии 598 владельцам принадлежало 1821,5 тыс. дес., или в среднем по 3 тыс. дес. каждому; в Оренбургской губернии на 424 владельца приходилось 830,3 тыс. дес., т. е. в среднем около 2 тыс. дес. на владение. Иначе говоря, крупным землевладельцам в Уфимской губернии принадлежало 85%, а в Оренбургской губернии 73% всего частного землевладения.

Мелкие владения были преимущественно крестьянскими, а крупные латифундии — дворянскими. В Уфимской губернии из 598 крупных владений 343, т. е. более половины, принадлежало дворянам, и земли у них было 1294,5 тыс. дес., или 71% всего количества земли, находившейся под латифундиями. Аналогичное положение существовало и в Оренбургской губернии, где из 424 владений дворянам принадлежало 148 с общей площадью 462,8 тыс. дес., или 52% всего количества земли, находившейся под латифундиями³. Остальными латифундиями владели главным образом купцы, которые занимали второе после дворян место в частном личном землевладении.

Таким образом, несмотря на значительный рост буржуазной земельной собственности в пореформенный период, фео-

¹ «Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г.», вып. 28. СПб., 1895, стр. 2; вып. 45. СПб., 1900, стр. 2.

² Были и такие землевладельцы, которые располагали сотнями тысяч десятин. Например, горнозаводчики Белосельские-Белозерские владели 339,9 тыс. дес., Балашовы — 256,3 тыс. дес. и пр. — «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1. Уфа, 1898, стр. 180—181; т. 6, Самара, 1900, стр. 191.

³ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 20; вып. 45, стр. 18.

дальное землевладение занимало еще прочную позицию. Даже к началу XX в. громадное количество земель, и притом лучших по качеству, оставалось в руках привилегированного дворянского сословия, вчерашних крепостников-помещиков.

Надельные земли

В 1877 г. в Уфимской губернии числилось 6271,6 тыс. дес. наделных земель. Они находились во владении 223359 крестьянских дворов, что составляло в среднем по 25 дес. на хозяйство. В Оренбургской губернии на 99489 крестьянских дворов приходилось 5134,1 тыс. дес. наделных земель, или в среднем по 52 дес. на двор. Следовательно, средняя земельная обеспеченность крестьян Башкирии была довольно высокой. Но за средними данными скрывалась, однако, опрорная масса малоземельных крестьян (табл. 8¹).

Как видим, в густонаселенных северо-западных районах крестьяне имели значительно меньше земли, чем в малонаселенных восточных и южных районах. Вместе с тем существовали большие различия в земельной обеспеченности крестьян отдельных разрядов. Так, в Уфимской губернии бывшие владельческие крестьяне имели в среднем по 7,5 дес. наделной земли на хозяйство, бывшие удельные — по 13,0 дес., бывшие государственные — по 19,5 дес., башкиры-вотчинники и припущенники — по 37,3 дес. В Оренбургской губернии бывшие владельческие крестьяне имели в среднем по 7,6 дес. на двор, бывшие удельные — по 18,1 дес., бывшие государственные — по 32,7 дес., башкиры-вотчинники и припущенники — по 91,1 дес. Говоря о припущенниках, необходимо указать, что фактическая земельная обеспеченность их была намного ниже приведенных показателей. В общую графу с вотчинниками они вошли лишь потому, что их земли не были еще отмежеваны от башкирских и статистика рассматривала их совместно с вотчинными землями. Кроме перечисленных разрядов крестьян в Оренбургской губернии жили 55957 семей казаков, на долю которых приходилось 4820,9 тыс. дес. земли, или в среднем по 86 дес. на хозяйство².

Итак, наиболее обеспеченными землей были башкиры-вотчинники горно-лесных и юго-восточных степных районов, где в рассматриваемый период юни занимались преимущественно скотоводством и лесными промыслами; вслед за ними шли оренбургские казаки — привилегированное военное со-

¹ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. 6. СПб., 1884, стр. 74—75, 103.

² Там же, стр. 74—75, 103.

Уезды	Бывшие владельческие кр-не			Бывшие государственные кр-не		
	число дворов	площ. земли в тыс. дес.	приход. на 1 двор, дес.	число дворов	площ. земли в тыс. дес.	приход. на 1 двор, дес.
Уфимская						
Мензелинский	5081	41,6	8,2	19020	284,6	14,9
Уфимский	11873	75,7	6,4	2565	54,3	21,2
Белебеевский	2972	31,9	10,7	8131	162,1	19,9
Бирский	1226	12,5	10,2	7072	140,4	19,8
Стерлитамакский	5958	58,2	9,8	6418	141,5	22,1
Златоустовский	2203	1,2	0,5	8072	217,6	27,0
Итого . . .	29313	221,1	7,5	51278	1000,5	19,5
Оренбургская						
Троицкий	1190	3,8	4,3	2471	6,1	2,5
Челябинский	495	10,2	20,6	33589	1113,0	33,1
Оренбургский	3874	65,1	16,8	14882	550,7	37,0
Верхнеуральский	3998	1,8	0,5	—	—	—
Орский	1190	0,7	0,6	209	2,8	13,5
Итого . . .	10747	81,6	7,6	51151	1672,6	32,7

словие, затем башкиры-вотчинники северо-западных уездов и бывшие государственные крестьяне. Наименьшие наделы были у бывших владельческих крестьян: помещичьих и горнозаводских. Автор не располагает губернскими сведениями о земельной обеспеченности этих разрядов крестьян в отдельности. Обратимся к данным уездов. В Златоустовском, Верхнеуральском, Орском и Троицком уездах, где проживали только горнозаводские крестьяне, на один двор бывших владельческих крестьян приходилось в среднем всего лишь по 0,8 дес. В Мензелинском, Бирском, Оренбургском и Челябинском уездах жили бывшие помещичьи крестьяне и имели в среднем по 11 дес. на двор. В Уфимском, Белебеевском и Стерлитамакском уездах бывшие владельческие крестьяне были представлены как помещичьими, так и горнозаводскими крестьянами, поэтому земельная обеспеченность их (табл. 8) оказалась большей, чем в первых уездах, и меньшей, чем во вторых. Приведенные данные говорят о том, что в крае меньше всех были наделены землей бывшие горнозаводские крестьяне, которые подверглись особенно чудовищному грабежу при освобождении от крепостной зависимости. Бывшие помещичьи крестьяне имели несколько больше земли, но для

Таблица 8

Бывшие удельные кр-не			Башкиры-вотчинники и припущенники			В с е г о		
число дворов	площ. зем-ли в тыс. дес.	приход. на 1 двор. дес.	число дворов	площ. зем-ли в тыс. дес.	приход. на 1 двор. дес.	число дворов	площ. зем-ли в тыс. дес.	приход. на 1 двор. дес.
губерния								
1891	23,3	12,4	21551	341,1	15,8	47543	690,6	14,5
3437	55,5	16,1	15760	523,7	33,2	33635	709,9	21,1
159	1,7	10,6	29933	886,2	29,6	41195	1081,9	26,3
6058	69,1	11,4	41149	1412,4	34,3	55505	1634,3	29,4
20	0,5	23,7	15341	1007,6	62,5	27737	1207,8	43,5
—	—	—	7469	726,9	97,3	17744	945,7	53,3
11565	150,1	13,0	131203	4897,9	37,3	223359	6269,6	28,1
губерния								
—	—	—	1372	60,3	43,9	5033	70,2	13,9
—	—	—	7982	558,7	70,0	42666	1681,9	40,0
355	6,4	18,1	7073	571,4	80,8	26184	1193,6	45,6
—	—	—	7880	811,8	103,0	11878	813,6	68,5
—	—	—	12581	1370,0	108,4	13980	1373,5	98,2
355	6,4	18,1	36888	3372,2	91,1	99141	5132,8	51,8

ведения исправного хозяйства ее не хватало. Почти в аналогичном положении находились бывшие удельные крестьяне. В Уфимской губернии им приходилось в среднем по 13 дес., а в Оренбургской — по 18 дес. на двор. Кроме упомянутых разрядов крестьян наделными землями пользовались еще вольные хлебопашцы (крестьяне, получившие «вольную» в начале XIX в.). О размерах их наделов будет указано.

Разряды крестьян отличались друг от друга не только по количеству земли, но и по условиям выкупа, размерам платежей и т. д. Все эти различия между крестьянами были живыми остатками крепостничества, которые в рассматриваемый период встречались повсеместно и тормозили развитие крестьянского хозяйства. Необходимо также указать, что при «освобождении» от крепостной зависимости крестьяне получили земли несравненно худшие по качеству, чем земли помещичьи, они лишились необходимых для ведения хозяйства водоемов, выгонов и т. д. Помещичьи земли клином врезались в крестьянские, и крестьяне вынуждены были арендовать их у помещиков на кабальных условиях. «Обществу нашему приобрести покупкой земли негде, — писали в 1906 г. бывшие крепостные дворянина Пашкова, крестьяне с. Большой

Куганак Стерлитамакского уезда, — так как надельная наша земля почти со всех сторон окружена землею Пашковых, которую мы каждый год арендуем, чем только и кормимся»¹.

Земельная обеспеченность крестьянского населения значительно снизилась в последней четверти XIX в. в связи с расхищением башкирских земель, крестьянской колонизацией и естественным приростом населения. За период с 1877 по 1905 год среднее количество земли, приходившееся на один крестьянский надельный двор, уменьшилось в Уфимской губернии с 28 до 18 дес. и в Оренбургской — с 52 до 30 дес. Правда, размеры крестьянских наделов в Башкирии были все же крупнее, чем по стране (в 1905 г. по Европейской России на один крестьянский двор приходилось в среднем по 11,1 дес.), но здесь имелись и свои особенности. В Уфимской губернии третья часть, а в Оренбургской — почти половина надельных земель была занята лесами и горами. Если учесть это, а также занятие башкир лесными промыслами и частично скотоводством в горно-лесных и юго-восточных степных волостях, то оказывается, что земельная обеспеченность крестьян Башкирии была немногим лучше, чем по России в целом.

Наделы отдельных разрядов крестьян к началу XX в. показаны в табл. 9².

Таблица 9

Разряды крестьян	Приходилось на двор в среднем, дес.	
	по Уфимской губернии	по Оренбург- ской губернии
Бывшие владельческие	10 ³	6,6
бывшие горнозаводские част- ных заводов	0,5 ³	0,2 ⁴
бывшие горнозаводские ка- зенных заводов	8,0 ³	4,4 ⁴
Бывшие удельные	11,5	18,4
Бывшие государственные	14,3	24,3
Свободные хлебопашцы	23,8 ⁵	—
Башкиры-вотчинники и припущенники	24,2	44,0
Казак	—	67,4

¹ ЦГА БАССР, ф. 336, оп. 1, д. 3075, л. 51.

² «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 28; вып. 45, стр. 25.

³ По данным Златоустовского и Уфимского уездов. — «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1. Уфа, 1898, стр. 119, 147; т. 6. Самара, 1900, стр. 125, 164.

⁴ По данным Верхнеуральского и Троицкого уездов. — «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 45, стр. 21—23.

⁵ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1, стр. 119, 147; т. 3. Уфа, 1899, стр. 146; т. 4. Уфа, 1898, стр. 130.

Из нее видно, что у бывших владельческих крестьян Уфимской губернии земли несколько больше, чем было в 70-х годах. Это объясняется тем, что в 1877 г. не все помещицы крестьяне были учтены. У остальных же разрядов крестьян землевладение значительно уменьшилось. Особенно резкое сокращение имело место среди башкир-вотчинников, которые в этот период потеряли более 1,5 млн. дес. угодий¹. За 1877—1905 гг. среднее количество земли, приходившееся на один двор вотчинников и припущенников, уменьшилось по Уфимской губернии с 37 до 24 дес., по Оренбургской — с 91 до 44 дес. Причем значительная часть наделных земель оставалась во владении башкир лишь юридически, а фактически давно перешла путем долгосрочных аренд в руки золотопромышленников, лесопромышленников, горнозаводчиков и кулаков.

Земельная обеспеченность крестьян была неодинаковой и внутри отдельных разрядов. В одних общинах крестьяне имели больше земли, а в других — меньше. Так, например, в Оренбургской губернии в 1877 г. бывшие государственные крестьяне проживали в 449 общинах. Из них в 11 общинах крестьянам приходилось в среднем от 1 до 5 дес., в 17 — от 5 до 10 дес., в 295 — от 10 до 15 дес. и в 126 — свыше 15 дес. на двор². Такое же положение существовало и в других разрядах.

Посмотрим распределение наделных земель между отдельными группами крестьянских дворов, объединив близкие по характеру разряды.

Бывшие владельческие, государственные и удельные крестьяне. В материалах обследования 1877 г. группы крестьян, имевших свыше 15 дес. на двор, не распределены по размерам землевладения, поэтому приходится обратиться к статистике землевладения 1905 г. Распределение наделных земель между отдельными группами дворов бывших владельческих, государственных и удельных крестьян Уфимской губернии показано в табл. 10³.

Таким образом, 19403 богатых земель двора (12,3%) владели более чем третью наделных земель (761 тыс. из 1937 тыс. дес.), что составляло в среднем по 39,2 дес. на двор. В то же время 52% малоземельных крестьянских дворов (79277 из 151768) имели всего лишь 467,6 тыс. дес., или 24% всей наделной земли; на двор приходилось в среднем по 5,8 дес., что было явно недостаточно для содержания семьи.

¹ «Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России», вып. 6, стр. 48—49, 86—88; «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 28; вып. 45, стр. 25.

² «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. 6, стр. 86—88.

³ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 28

Таблица 10

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор, дес.
До 5 дес.	23594	36058	1,5
5—10 дес.	55683	431620	7,7
Всего до 10 дес.	79277	467678	5,8
10—15 дес.	39782	481288	12,1
15—20 »	13306	227636	17,1
20—30 »	9282	220440	23,7
Свыше 30 »	10121	540575	53,4
Итого	151768	1937617	12,7

В. И. Ленин указывал, что в Европейской России «для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес.»¹. Если исходить из этого, то оказывается, что в губернии 78% дворов бывших владельческих, государственных и удельных крестьян не были обеспечены землей.

В Оренбургской губернии удельный вес малоземельных дворов был меньше, чем в Уфимской губернии. Но тем не менее они имелись и в довольно значительном количестве. Обратимся к табл. 11².

Таблица 11

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор земли, дес.
До 5 дес.	11781	8189	0,6
5—10 дес.	5234	25477	4,8
10—15 »	6108	75073	12,2
Всего до 15 дес.	23123	108739	4,7
15—20 дес.	9237	169279	18,3
20—25 »	28215	644045	22,8
25—30 »	23087	628325	27,2
Свыше 30	10466	390047	37,2
Итого...	94128	1940435	20,6

Итак, одна четвертая дворов бывших владельческих, государственных и удельных крестьян (23123 из 94128) имела всего лишь 108,7 тыс. дес., или 5,5% всей наделенной земли, что составляло по 4,7 дес. на двор. О прокормлении семьи на таком клочке нечего было и думать. В то же время в руках

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 64.

² «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 45, стр. 25.

33553 богатых земель хозяйств (35,6%) было сосредоточено 1018372 дес., или более половины наделных земель. На каждый двор этих крестьян приходилось в среднем по 30,3 дес., т. е. в 6 раз больше, чем в первой группе.

В приведенных таблицах крестьянские наделы сгруппированы по средним данным сельских общин. Следует указать, что в крае подавляющая масса наделных земель находилась в общинном владении крестьян. По данным «Статистики землевладения 1905 г.», в Уфимской губернии лишь 4,5% бывших владельческих, государственных и удельных крестьян (6867 дворов) владели землей подворно. В Оренбургской губернии подворного землевладения вообще не было. Посмотрим распределение земли между членами общины.

Сельская община состояла обычно из жителей одного населенного пункта. Но иногда встречались и составные общины, включавшие крестьян нескольких деревень. Так, в 1897 г. в Бирском уезде было учтено 213 общин бывших владельческих, государственных и удельных крестьян. Из них 18 общин были составными, 195 — простыми, т. е. состояли из крестьян одной деревни¹. В составных общинах земля прежде всего делилась между отдельными селениями. Основным мериллом при этом служило количество ревизских душ. Были и такие случаи, когда некоторые деревни присваивали земельный участок путем захвата. Иногда раздел земли проводился по согласию сторон на получение того или иного участка, хотя это не давало крестьянам отдельных селений равные наделы. Делились главным образом пахотные угодья, сенокос и выгон. Лес чаще всего оставался в общем владении деревень.

Члены общины (в составных общинах — жители деревни) имели более или менее одинаковые усадьбы, сообща пользовались выгоном. Пахотные и сенокосные угодья они делили между собой либо по ревизским, либо по наличным мужским душам. Например, в том же Бирском уезде из учтенных в 1897 г. 242 селений бывших владельческих, государственных и удельных крестьян в 226 (93,3%) раздел земли проводился по ревизским и в 14 (5,9%) — по наличным мужским душам. В двух общинах (0,8%) угодья не распределялись. Каждый крестьянин пользовался тем участком, который он расчистил из-под леса². В Стерлитамакском уезде, по данным обследования конца 90-х годов, бывшие государственные и владельческие крестьяне жили в 71 общине. В 1 из них имелся только выгон (остальные угодья крестьяне снимали в аренду),

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5. Уфа, 1899, стр. 166.

² Там же, стр. 189.

в 5 — не были выяснены способы раздела земли, а в остальных общинах пашня делилась так: в 44 общинах (67,7%) — по ревизским душам, в 15 (23,0%) — по наличным мужским душам, в 5 (7,7%) — по рабочим душам и в 1 (1,1%) — по состоятельности крестьян¹.

Следовательно, наиболее распространенным был раздел угодий по ревизским душам. 10-я ревизия проводилась в 1857 г., и в первое время после отмены крепостного права такая разверстка давала крестьянам более или менее равные наделы. Но с течением времени число ревизских душ в отдельных хозяйствах перестало соответствовать числу наличных душ. Вместе с тем утратилась равномерность в распределении земли между крестьянами, ибо душевые наделы умерших общинников переходили по наследству сыновьям, братьям или другим родственникам. Если бы население стремилось к уравниловке в землепользовании, то оно должно было бы отказаться от ревизской разверстки и перейти к разделу угодий по наличным душам. Однако малосемейные хозяйства не всегда соглашались уступить наделы умерших родственников в пользу многосемейных однообщинников. Да и среди последних не каждый мог идти на расширение пашни и сенокоса за счет наделных земель, обложенных выкупными платежами. Ревизская разверстка особенно прочно держалась среди бывших владельческих крестьян, которые имели наименьшие наделы и вносили за них более высокие выкупные платежи. Бывшие государственные крестьяне, получившие более значительные наделы и обложенные сравнительно меньшей выкупной платой, чаще переходили к распределению земли по наличным мужским или рабочим душам. Основной причиной этого являлось накопление за обществом недоимок вследствие несостоятельности части общинников.

Например, в дер. Бакай-Турсагалино Миркитлинской волости Стерлитамакского уезда «многие из получивших надел умерли, причем у некоторых не осталось наследников, у других же хотя и оставались, однако не могли уплачивать выкупные платежи, почему общество решило (в 1887 г. — Х. У.) переделить угодья по наличным душам»². При таком порядке раздела земли учитывались изменения в крестьянских семьях, а следовательно, общинники могли иметь более или менее равное землепользование. В ряде общин так оно и было. Но вместе с тем встречались, и довольно часто, случаи неравномерного распределения земли между крестьянами. Так, крестьяне с. Зирган той же волости Стерлитамак-

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2. Самара, 1899, стр. 218, 221.

² Там же, приложения, стр. 124—125.

ского уезда в связи с обеднением, а также уходом части жителей в другие места разделили землю «на наличные души, начиная с 12-летних ребят и до самого преклонного возраста, давая надел лишь тем, кто может нести лежащие на земле повинности»¹. В том же уезде в дер. Верхне-Турсагалино Ишпарсовской волости «со времени последней ревизии многие ревизские души вымерли, а многие достаточные домохозяева сделались бедняками, вследствие чего уплата повинностей стала не под силу, особенно тем, за которыми числилось много ревизских душ. Вследствие этого общество, ... решило 18 декабря 1887 г. произвести новый передел, но уже не по ревизским душам, а по наличным; при этом бедняки получили землю не по числу всех душ мужского пола, ..., достаточные же домохозяева, напротив, имея, например, 1 душу, получили надел на 2 и на 3 души...»². Крестьяне дер. Ишлы Шмидтовской волости вначале делили землю на 49 ревизских душ. Со временем за некоторыми членами общины накопились недоимки. Чтобы избежать этого в будущем, ишлинцы в 1889 г. разделили угодья лишь между теми крестьянами, которые были в состоянии платить выкупные платежи. В результате землю получили только 30 душ³.

Подобных фактов было много. Все они говорят о том, что при распределении земли по наличным душам ярче выступали экономические факторы. Последние играли известную роль и при ревизской разверстке. Выморочные наделы, как правило, отдавались сильным и надежным плательщикам. Во многих общинах душевые наделы умерших переходили по наследству лишь при условии состоятельности наследников платить выкупные платежи; в противном случае общество предоставляло эти земли зажиточным семьям. Но ревизская разверстка прикрывала имущественное неравенство общинников. При разделе же земли по наличным или рабочим душам, а также по состоятельности хозяев официально признавалась та экономическая дифференциация, которая произошла среди крестьян после 10-й ревизии. Община, лишая своих обедневших членов земельных угодий, все больше приспособлялась к интересам богатой части крестьян.

Общинники получали землю не в одном месте, а чересполосно. Вначале каждое поле разбивалось на участки, смотря по качеству земли; затем участки делились между ревизскими или наличными, либо рабочими душами. Чересполосица затрудняла улучшение культуры земледелия. Но тем не менее общинники не отказывались от нее, видя в ней единственное

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, стр. 70.

² Там же, приложения, стр. 78—79.

³ Там же, стр. 168.

средство, предоставляющее крестьянам равнокачественные наделы. «Крестьяне, — писал в 1894 г. председатель Челябинского уездного съезда, — вообще стремятся к уравнительному пользованию землей, вследствие этого в надел крестьянину дают несколько полос, которые находятся в разных местах и при этом один от другого довольно в значительном расстоянии...»¹.

Сроки переделов пашни практиковались разные. Например, в Дедовской волости Стерлитамакского уезда в 1 деревне пашня переделывалась ежегодно, в 2-х — через каждые 3—4 года; в 2-х деревнях со времени наделения крестьян и до середины 90-х годов было по одному переделу и в 5 — вообще не было переделов². На передел земли общинники шли либо по своей инициативе, либо под влиянием внешних обстоятельств. Так, в Бирском уезде из обследованных в 1897 г. 236 общин в 71 (30,1%) пашня ни разу не переделывалась, в 93 общинах (39,4%) переделы проводились в связи с размежеванием земли с соседями и в 72 (30,5%) — по желанию самих крестьян³. Наиболее распространенными причинами самостоятельного передела земли общинниками были включение в пашню степи или расчищенных из-под леса участков, выделение земли вновь образовавшимся выселкам, изменения в составе хозяйства, желание уравнивать наделы по качеству почвы и местоположению, переход от одного вида разверстки к другому⁴ и т. д. Иногда встречались и мотивы социального характера. Например, в с. Никольское Миркитлинской волости Стерлитамакского уезда переделы повторялись «через 4—5 лет, по той причине, что большинство жителей, плохо обрабатывая свой надел, постоянно стремятся воспользоваться хорошо обработанными участками своих однообщинников, вследствие чего требуют постоянно переделов»⁵. Такие случаи были не единичны, и, несомненно, они выражали одну из форм классовой борьбы внутри общины, ибо хорошие участки находились преимущественно в руках богатых крестьян. В то же время нельзя умолчать и о том, что частые переделы не создавали у общинников стимула для улучшения качества обработки пашни.

Сенокосы чаще всего переделывались ежегодно. Но были общины, которые проводили переделы через 3—4 года или же придерживались тех же сроков, что и при переделе пахотных угодий.

¹ ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 532, л. 26.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, приложения, стр. 57—66.

³ Там же, т. 5, стр. 187.

⁴ Там же, т. 2, приложения, стр. 222.

⁵ Там же, стр. 123.

Пользование лесом в первое время повсеместно носило бессистемный характер. Каждый домохозяин вырубал на свои нужды столько деревьев, сколько хотел. Единственным ограничением служило то, что крестьяне не имели права продавать лес на сторону. Бессистемная рубка во многих общинах привела почти к полному уничтожению лесных угодий, но тем не менее она встречалась и в конце XIX в. Вместе с тем значительная часть общин перешла к правильному лесному хозяйству. В одних из них ежегодно или периодически отводились лесосеки и делились между общинниками по числу ревизских или наличных душ. В других общинах практиковалась выборочная рубка, при которой на каждую душу разрешалось вырубать определенное количество деревьев. Как при первом, так и при втором способе рубки крестьяне могли продать на сторону доставшийся на их души лес. В тех случаях, когда лес предназначался под расчистку, общинники делили его на подворные участки. В ряде общин лес был заказан к вырубке либо на неопределенное время (пока подрастет), либо на 15—30 лет.

Башкиры-вотчинники и припущенники. В «Статистике землевладения 1905 г...», как и в «Статистике поземельной собственности 1877 г.», земли башкир-вотчинников и припущенников даны совместно. Это лишает нас возможности рассмотреть землевладение вотчинников и припущенников в отдельности. Чтобы иметь хотя бы некоторое представление, попытаемся определить среднюю земельную обеспеченность этих разрядов крестьян.

По данным «Статистики землевладения 1905 г.», в Уфимской губернии числилось 166980 дворов башкир-вотчинников и припущенников, которым принадлежало 4044395 дес. земли¹. Материалы обследования 1896—1897 гг. насчитывают в губернии 167498 дворов башкир и припущенников, в том числе вотчинников 66252 двора и припущенников 101246 дворов. Первым из них принадлежало 3509166 дес., вторым — 1346442 дес., а всего 4855608 дес. земли². Здесь количество дворов вотчинников и припущенников, видимо, близко к истине, ибо общее число их почти совпадает с данными «Статистики землевладения...». Площадь же земли в «Сборнике статистических сведений...» показана на 811,2 тыс. дес. больше, чем в 1905 г. Это объясняется тем, что в сборнике включены в землевладение вотчинников также и скупленные у них частновладельцами угодья, которые не были отмежеваны от башкирских дач. Следовательно, при определении общей площади земли нужно брать данные «Статистики землевла-

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 28.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 7, ч. 1. Уфа, 1901, стр. 166—167, 200.

дения 1905 г.». В отношении количества земли припущенников, на наш взгляд, «Сборник статистических сведений...» дает более или менее правильную картину. Если исходить из этого, то в 1905 г. вотчинникам Уфимской губернии принадлежало 2797953 дес. земли, или в среднем по 42 дес. на двор; припущенники имели 1346442 дес. земли, т. е. по 13 дес. на двор.

В Оренбургской губернии в 1905 г. башкир-вотчинников и припущенников насчитывалось 60238 дворов и им принадлежало 2649371 дес. земли¹. В ходе размежевания башкирских дач на 20636 ревизских душ припущенников было отмежевано или намечено к выделу 160598 дес.². Если вычесть эту площадь из общей массы земель, то оказывается, что в губернии во владении вотчинников, насчитывающих 86866 ревизских душ, находилось 2488773 дес. Арифметический подсчет показывает, что на каждый двор вотчинников и припущенников приходилось в среднем около 1,8 ревизских душ. Следовательно, вотчинников было приблизительно 48659 и припущенников — 11579 дворов. Первые из них имели в среднем по 51, а вторые — 13,8 дес. на хозяйство.

Приведенные данные показывают, что земельная обеспеченность припущенников была несколько выше, чем у бывших владельческих крестьян, и ниже, чем у бывших государственных крестьян. Башкиры-вотчинники располагали довольно крупными наделами. Правда, размеры и качество этих наделов не везде были одинаковы. В Мензелинском, Бирском и Белебеевском уездах, имевших сравнительно ровную поверхность, на двор приходилось в среднем по 20—30, редко 40 дес. В Уфимском, Златоустовском и Стерлитамакском уездах, где больше половины башкирских земель было занято горами и лесами, вотчинники владели в среднем по 50 дес. на двор³.

Автор не располагает точными сведениями о земельной обеспеченности башкир-вотчинников Верхнеуральского и Орского горно-лесных уездов. В первом из них в 1905 г. на 14372 хозяйства вотчинников и припущенников приходилось 352548 дес., т. е. по 24,5 дес. на двор; во втором — 22493 двора вотчинников и припущенников владели 1261094 дес., или по 55,9 дес. на двор. Кроме того, в общем пользовании

¹ Кроме того, в общем владении казачества, вотчинников и припущенников находилось 1099588 дес. Установить, сколько десятин из этой площади принадлежало вотчинникам и припущенникам, не представляется возможности.—«Статистика землевладения 1905 г.», вып. 45, стр. 25.

² «Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач». СПб., 1899, стр. 122—123.

³ Статистика землевладения 1905 г., вып. 36, стр. 22—28; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1, стр. 118, 213; т. 2, стр. 88, 356—357; т. 3, стр. 130, 240—241; т. 4, стр. 90, 326—327; т. 5, стр. 106, 232—233; т. 6, стр. 124, 248—249.

казачества, вотчинников и припущенников находилось в Верхнеуральском уезде 526889 дес., Орском — 545095 дес.¹. Несомненно, что доля припущенников в этих землях была ничтожной. Сколько десятин принадлежало казакам, трудно сказать. Если допустить, что они владели половиной указанных земель, то на вотчинников Верхнеуральского уезда приходилось в среднем по 43 дес., Орского — 68 дес. на двор. Даже в том случае, если бы все эти угодья находились во владении вотчинников, средняя земельная обеспеченность их не была бы слишком высокой. В Верхнеуральском уезде она составила бы по 61 дес., Орском — 80 дес. на хозяйство. Таким образом, в рассматриваемых уездах земельная обеспеченность вотчинников была приблизительно такой же, как и в Стерлитамакском, Златоустовском и Уфимском уездах. В Троицком, Оренбургском и Челябинском уездах, где большинство башкирских дач размещалось в степных местностях, вотчинники имели в среднем по 40—50 дес. на двор².

Итак, наделы у припущенников были недостаточны. Вотчинники находились в несравненно лучшем положении, хотя иногда и у них не доставало земли. В западных, северо-западных и центральных земледельческих волостях (Мензелинский, Бирский и Белебеевский уезды, западная половина Уфимского и Стерлитамакского уездов) их наделы вполне обеспечивали нормальное крестьянское земледельческое хозяйство. Хуже обстояло дело в восточных горно-лесных волостях (Верхнеуральский и Орский уезды, восточная половина Уфимского и Стерлитамакского уездов, северо-восточная часть Бирского уезда, часть башкирских волостей Златоустовского уезда), где коренное население занималось преимущественно лесными промыслами. По подсчетам неперемного члена Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия М. Эверсмана, в конце 90-х годов вотчинники этих местностей выручали с 1 дес. леса, включая работу по вырубке и вывозке, около 126 руб. На содержание же средней башкирской семьи необходимо было 320 руб. в год. Следовательно, каждый домохозяин ежегодно должен был получить к вырубке не менее 2,5 дес. леса. При 50-летнем обороте рубки, установленном для башкирских лесов, это требовало на двор по 125 дес. лесных угодий³. Вотчинники их не имели. В южных и юго-восточных степных районах (Оренбургский, Челябинский и Троицкий уезды) башкирские

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 45, стр. 21—22.

² Там же, стр. 20, 23—24. — Из-за отсутствия статистических материалов землевладение вотчинников по уездам Оренбургской губернии дано совместно с землями припущенников. Но это не должно исказить общую картину, ибо припущенников там было мало.

³ ГАОО, ф. 15, оп. 1, л. 43/1, л. 3.

наделы были крупнее, чем на северо-западе. Но это не значит, что здесь существовало земельное изобилие. Сравнительно слабое хлебопашество, а также сохранившееся местами экстенсивное скотоводство предполагали наличие гораздо больших земельных пространств. М. Эверсман считал, что для удовлетворения хозяйственных потребностей башкирского населения степных волостей необходимо не менее 45 дес. земли на двор¹.

Переходя к распределению земли между отдельными группами дворов, следует оговориться, что основная масса малоземельных крестьян здесь состояла из припущенников, а многоземельных — из вотчинников. Правда, это не исключает наличия среди припущенников многоземельных, а среди вотчинников малоземельных хозяйств. Например, по данным «Сборника статистических сведений...», в Мензелинском, Бирском и Уфимском уездах 12—14% общин припущенников имели в среднем по 20 и более десятин на двор. Башкирское землевладение в «Сборнике» значительно завышено. Но тем не менее в перечисленных уездах около 10% общин вотчинников числилось в группе, в которой на двор приходилось менее 15 дес. земли². В действительности же малоземельных башкирских общин, конечно, было больше.

Распределение земли между группами дворов вотчинников и припущенников рассмотрим по районам. Отсутствие статистических материалов не позволяет проследить отдельно западные земледельческие и восточные горно-лесные волости Уфимского, Стерлитамакского и Бирского уездов. Поэтому автор вынужден разделить территорию Башкирии на следующие четыре части: первая — Мензелинский, Белебеевский и Бирский уезды, вторая — Уфимский, Златоустовский и Стерлитамакский уезды Уфимской губернии, третья — Верхнеуральский и Орский уезды и четвертая — Оренбургский, Троицкий, Челябинский уезды Оренбургской губернии.

Распределение земель по Мензелинскому, Белебеевскому и Бирскому уездам характеризуется данными табл. 12³.

Таким образом, 28315 богатых земель дворов (24% общего числа) владели 55% всех наделных земель. В то же время одна пятая часть крестьянских дворов (24811 из 116054) имела лишь 151055 дес., т. е. 6% всех наделных земель. Если сюда добавить еще хозяйства, имевшие от 10 до 15 дес., то окажется, что в Мензелинском, Белебеевском и Бирском уездах 64631 двор вотчинников и припущенников, или 55% общего числа, не был обеспечен землей.

¹ ГАОО., ф. 15, оп. 1, д. 43/1, л. 4.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1, стр. 118, 232—235; т. 3, стр. 130, 252—255; т. 5, стр. 244—247.

³ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 23, 24, 26.

Таблица 12

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор, дес.
До 5 дес.	7124	11845	1,6
5—10 дес.	17687	139210	7,8
Всего до 10 дес.	24811	151055	6,8
10—15 —»—	39820	505489	12,6
15—20 —»—	23108	389464	16,8
20—30 —»—	13077	320473	24,5
30—40 —»—	6204	211673	34,1
Свыше 40 —»—	9034	776589	86,0
Итого...	116054	2354743	20,2

В Уфимском, Златоустовском и Стерлитамакском уездах земельная обеспеченность башкирского населения была значительно выше, чем в предыдущих уездах. Это объясняется, как указывалось, тем, что больше половины территории этих уездов состояло из горно-лесных местностей. Но и здесь надельная земля распределялась неравномерно: две трети ее (68%) находилось в руках 15 тыс. богатых земель дворов, составивших 30% общего числа. Обратимся к табл. 13¹.

Таблица 13

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор, дес.
До 5 дес.	1686	6130	3,6
5—10 дес.	8474	73078	8,6
10—15 »	13426	160976	11,9
Всего до 15 дес.	23586	240184	10,1
15—20 »	4432	73169	16,5
20—30 »	4511	110558	24,5
30—40 »	3054	108794	35,6
Свыше 40 десятин	15343	1156947	75,4
Итого	50926	1689652	33,1

Из нее видно, что почти половина хозяйств вотчинников и припущенников (23586 из 50926) имела лишь 240 тыс. дес., т. е. одну седьмую всех надельных земель. На двор в среднем приходилось по 10,1 дес., что, безусловно, было недостаточно не только для занятия лесными промыслами, но и для ведения зерноводческого хозяйства.

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 22, 25, 27.

Посмотрим распределение земли в Орском и Верхнеуральском уездах (табл. 14)¹.

Таблица 14

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор, дес.
До 5 дес.	1742	1380	0,7
5—20 дес.	7481	99011	13,2
20—30 »	9258	226694	24,4
Всего до 30 дес.	18481	327085	17,6
30—50 »	7424	278429	37,5
Свыше 50 »	10960	1008128	91,9
Итого . . .	36865	1613642	43,8

Здесь припущенников было меньше, чем в предыдущих уездах, поэтому средняя земельная обеспеченность башкир-вотчинников и припущенников оказывается несколько большей. Но тем не менее неравномерное распределение земли налицо. Половина хозяйств располагала лишь одной пятой частью земель, или в среднем по 17 дес. на двор, что было явно недостаточно для занятия лесными промыслами. В то же время в руках 11 тыс. богатых земель дворов (30% общего числа) было сосредоточено почти две трети всех наделных земель.

Аналогичное положение существовало в Троицком, Челябинском и Оренбургском уездах (табл. 15)².

Таблица 15

Группы дворов, имеющих землю	Кол-во дворов	Кол-во земли, дес.	Приходится на 1 двор, дес.
До 5 дес.	127	295	2,3
5—20 дес.	2048	25114	12,2
20—30 »	6451	160939	24,9
Всего до 30 дес.	8626	186348	21,6
30—50 »	8009	309360	38,6
Свыше 50 »	6738	540021	81,6
Итого	23373	1035729	44,3

Итак, 6738 богатых земель дворов (29% общего числа) владели более чем половиной, а 8626 малоземельных хозяйств (37% общего числа) — лишь одной пятой частью всех наделных земель.

¹ «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 45, стр. 21—22.

² Там же, стр. 20, 23, 24.

Среди башкир-вотчинников и припущенников подворного землевладения не было. Все земли находились в общинном владении крестьян.

Башкирские общины резко отличались от общин бывших владельческих, государственных и удельных крестьян. Если у последних сельская община состояла преимущественно из жителей одной деревни, то вотчинники чаще всего владели землей сообща, несколькими сельскими обществами или целой волостью, а иногда даже несколькими волостями. Юридической земельной единицей здесь оставались разграниченные при генеральном межевании дачи, хотя с тех пор границы их сильно изменились в результате расхищения башкирских земель и выделения наделов припущенникам.

Размеры вотчинных дач были различные, от 5 тыс. до 300 и более тысяч десятин¹. Различным было и количество вотчинников в отдельных дачах. Например, в начале 90-х годов в Уфимской губернии из 87 башкирских дач 9 имели по одному селению, 47 — от 2 до 10 деревень, 21 — от 11 до 20, 7 — от 21 до 30, 2 — от 30 до 40 деревень и 1 дача состояла из 52 селений вотчинников. В Оренбургской губернии из 27 дач 2 имели по одной деревне, 4 — от 2 до 10, 3 — от 10 до 20, 4 — от 20 до 30, 6 — от 30 до 40, 2 — от 40 до 50, 2 — от 50 до 60 и, наконец, 1 дача включала в себя 125 селений. Границы дач не всегда совпадали с административным делением. В Уфимской губернии 18 дач располагались в пределах двух и трех уездов, а часть площади 6 дач находилась на территории соседних губерний. В 55 дачах селения вотчинников каждой дачи входили в одну волость, в 23 — в две, в 4 — в три, в 2 — в четыре и в 3 — в пять, шесть и семь волостей. В Оренбургской губернии в 6 дачах селения вотчинников составляли две административные волости (по 3 дачи в каждой), в 17 — по одной и в 4 — по две, три и четыре волости на каждую дачу².

Внутри дачи отдельные сельские общества пользовались землей в тех границах, которые сложились стихийно в ходе перехода башкир к оседлости и земледельческому хозяйству. В первое время вотчинники сеяли преимущественно около своих деревень. С ростом населения и развитием хлебопашества запашки все больше увеличивались, распространяясь в разные стороны. При встрече расширяющихся полей соседних деревень границы устанавливались либо по добровольному соглашению сторон (иногда часть вотчинников уходила на новые свободные места), либо по праву сильного. Постепенно были поделены и другие угодья, причем не по числу

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1255, лл. 302—314; ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 206, лл. 185—196.

² «Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач.» СПб., 1899, стр. 129—130.

жителей, а по принципу «куда соха, коса и топор ходил». В рассматриваемый период каждая деревня, редко 2—3 близлежащих селения, имели совершенно обособленные пашни, выгон и покосы. Лишь лесные угодья и кочевья, особенно в восточных горно-лесных и степных волостях, оставались в общем пользовании вотчинников дачи. В пределах занятых земельных участков сельские общества пользовались относительной самостоятельностью. Они сдавали в аренду каменоломни, рыбные ловли, мельницы и другие оброчные статьи, получая доходы в свое распоряжение. В общую кассу дачи поступали доходы только с оброчных статей, находившихся на участках совместного пользования вотчинников всей дачи. Нередко отдельные деревни сдавали в аренду и земельные угодья, хотя аренда и продажа земли находились в ведении соединенного схода сельских обществ. Таким образом, юридическая составная община, объединявшая вотчинников дачи по совместному владению землей на основе общего земельного документа, распалась на общины селения или фактические общины, в которые объединялись жители одной или нескольких деревень по общему пользованию определенным участком земли.

Поскольку границы землевладения отдельных селений установились путем захвата, на глаз, то земельная обеспеченность их была крайне неравномерной. В одной деревне на хозяйство приходилось больше земли, в другой — меньше, хотя все вотчинники дачи имели одинаковые земельные права. В 1880 г. член Стерлитамакской уездной земской управы Дашкин писал, что в «Миркитлинской даче башкиры-вотчинники деревень Старой Турумбетовой, Утекеевой и Минлибаевой имеют только один душевой надел, тогда как другие деревни..., и особенно деревня Мурзагулово, пользуются всеми запасными участками (свободными за душевым наделом землями. — Х. У.) дачи, а последняя из деревень, жители коей получили даже название «волки», захватила в свое владение самые прекрасные места, благодаря которым муразаларовцы живут богато, платя же повинности наравне с бедняками»¹. «Вообще, — продолжает Дашкин, — по дачам Миркитлинской, Тамьянской и Тельтем-Юрматинской вотчинники (отдельных селений. — Х. У.)... владеют земельными угодьями крайне неуравнительно: одни из них, составляя меньшинство, захватили однако же самые лучшие, доходные земли, и не зная что с ними делать, отдают их в кортому (аренду. — Х. У) эксплуататорам... Другие вотчинники, составляя значительное большинство противу первых, густо населены в каком-нибудь уголке дачи, и не будучи в состоянии пользоваться... выгодами от принадлежащей им по праву,

¹ ЦГА БССР, ф. 10, оп. 1, д. 1255, л. 12.

но не в действительности, земли, принуждены арендовать ее для посева и сенокоса» у других владельцев¹.

Неодинаковым было и качество земли отдельных селений дачи. В 1875 г. поверенный вотчинников Азнаевской волости Стерлитамакского уезда Габдулгазиз Азнаев, ходатайствуя перед уфимским губернатором об отграничении земли его доверителям из Юрминской дачи, находившейся в совместном владении башкир Азнаевской, Четырмановской, Давлеткуловской и Карагушевской волостей, писал: «Жители Азнаевской волости, ..., населены по правую сторону течения реки Белой в лесных и гористых неудобных местностях, совершенно стеснены в поземельном владении, именно хлебопашестве и сенокосении. Одновотчинники же наши, башкиры вышеописанных волостей, имеют владение землею весьма в обширности и в степных местах..., участки земли отдают в короткое содержание разным посторонним лицам ... и доходами пользуются только одни, а поземельные денежные сборы уплачиваются в казну доверителями моими наравне с ними»².

Неравномерность в землепользовании вотчинников отдельных селений еще более усилилась в связи с отмежеванием от башкирских деревень, близлежащих к припущенническим селениям, части угодий в казну и припущенникам. Так, в 90-х годах в Яик-Субильминской даче Белебеевского уезда в пользовании вотчинников дер. Идрисово находилось в среднем по 24 дес. на хозяйство, дер. Аккулово — 25, Чуракаево — 28, Альшеево — 29, Кармышево — 31, Чураево — 35, Сапашево — 36, Тохтар-Абдрашитово — 58 и дер. Ташлы — 74 дес. на двор³. Между тем жители перечисленных селений располагали одинаковыми земельными правами и платили казенные и земские сборы уравнительно по ревизским душам.

Прежние границы землепользования отдельных деревень не отвечали новым условиям. Интересы большинства вотчинников требовали передела земли на равных началах и предоставления их обществам юридических прав на занимаемые участки. С одной стороны, это увеличило бы земельные угодья вотчинников малоземельных селений, с другой — расширило бы хозяйственную самостоятельность башкирского населения, освободив его от необходимости обращаться по земельным вопросам в соединенные сходы сельских обществ дачи. Последние трудно было собирать, и не всегда они давали положительные результаты из-за многочисленности деревень и различия нужд их жителей. Раньше, когда башкиры были кочевниками и располагали довольно большими земельными угодьями, совместное владение землей жителями многих деревень устраивало вотчинников. С развитием капиталисти-

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1255, л. 13.

² Там же, д. 1619, л. 91.

³ Там же, д. 1310, лл. 55—56, 94—95.

ческих отношений, уменьшением земельных угодий и переходом башкир к оседлости и земледельческому хозяйству возникла необходимость в более мелких, компактных земельных единицах, которые бы включали население одной, в крайнем случае нескольких деревень.

Юридического раздела башкирских дач между отдельными селениями добивались царские власти. При этом они исходили, конечно, не из интересов вотчинников. В 1865 г. начальник 1-го Оренбургского кантона подполковник Чернов, настаивая на разделе Семиродной дачи между отдельными волостями, писал, что «вотчинники стеснены в свободном распоряжении поземельными угодьями, особенно при продаже земли посторонним лицам. Для последнего случая необходимо согласие всех вотчинников (дачи. — Х. У.) ...Огромное число их при установившемся обычае требовать карманные деньги при ... соглашении останавливает частных лиц от покупки у башкир земли...»¹. Разумеется, дело заключалось не только в карманных деньгах. Покупателям гораздо проще было вступить в сделку с вотчинниками одной или нескольких деревень, чем добиваться согласия жителей десятков селений, расположенных на огромной территории. Совместное владение землей башкирами многих деревень мешало, таким образом, отчуждению вотчинных земель. Вместе с тем оно затрудняло взимание налогов и других платежей. «Очень важно, — указывала Белебеевская земская управа в своем отношении от 8 апреля 1893 г. в Уфимское губернское правление, — поспешить с размежеванием башкирских земель (между селениями. — Х. У.)..., потому что центр тяжести вопроса о накоплении башкирами недоимок заключается главным образом в том, что они, являясь собственниками большой площади земель, не знают своих границ и потому не желают платить сборы»².

4 августа 1878 г. оренбургский генерал-губернатор утвердил правила для руководства при отводе башкирам-вотчинникам пятнадцатидесятичных душевых наделов, разделе их свободных земель между обществами и селениями и выделе участков в частную собственность отдельным домохозяевам³. Вслед за этим местные крестьянские учреждения стали склонять вотчинников к разделу земли между деревнями. Башкиры же отнеслись к этому отрицательно. «В прошлом 1878 году, — писал неперемный член Златоустовского уездного по крестьянским делам присутствия Катанский, — ...я лично объехал все деревни Мурзаларской и Айлинской волостей, убеждая вотчинников принять наделы и разделить свобод-

¹ ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 49, л. 5.

² ЦГА БССР, ф. 10, оп. 1, д. 1255, л. 500.

³ «Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач», стр. 91—99.

ные земли, на что получал от всех один ответ: не желаем, а желаем владеть по-старому»¹. Такой ответ был вызван отнюдь не стремлением башкир сохранить прежнюю форму землевладения, а недоверием их к указанному мероприятию. Согласно правилам оренбургского генерал-губернатора, вотчинные земли делились на душевые наделы и свободные за душевым наделом угодья. Башкиры опасались, что правительство поступит со свободными землями так же, как и с запасными участками, т. е. отнимет. Эту мысль всячески подгревали богатые вотчинники, которые не хотели раздела земли. «Состоятельные люди, — продолжает Катанский, — имея сильное влияние на все общество, не допустили соглашения (о разделе угодий между деревнями. — Х. У.), возбуждая недоверие (среди вотчинников. — Х. У.) тем, что по принятии наделов, остальную землю отберут в казну...»². Зажиточные башкиры боялись, что при размежевании дачи бедные семейства почувствуют себя равноправными владельцами земли и потребуют от них вознаграждение за эксплуатацию их угодий. В 1879 г. непреременный член Стерлитамакского уездного по крестьянским делам присутствия докладывал уфимскому губернатору, что, «не взирая на всю пользу ... от ... размежевания ... земель, между ними (вотчинниками. — Х. У.), находятся лица, для которых крайне невыгодно межевание, это именно, для людей богатых, имеющих табуны лошадей и другого скота, который они пасут по всей даче (лесным угодьям и кочевьям. — Х. У.) безвозмездно, никому не давая в этом никакого отчета. Они очень хорошо понимают, что при отмежевании душевых наделов и свободных участков своеволие их прекратится и что каждый бедняк, который в настоящее время скитается по работникам, будет знать, какое количество земли в общем наделе принадлежит ему, и, конечно, потребует платы за пользование его участком. Вот это-то и страшит состоятельных вотчинников и тормозит успех размежевания»³. Должностные лица собирали слухи и говорили вотчинникам, что размежевание в их интересах, но последние больше прислушивались к мнению своих влиятельных одновотчинников, чем царской администрации, систематически обманывавшей их. «Что же сделаешь с башкирами, потерявшими всякое доверие к близко стоявшим к ним правительственным лицам», — сетовал Катанский в 1879 г.⁴.

Большим препятствием в уравнительном разделе башкирских дач между деревнями служило нежелание вотчинников многоземельных селений поделиться землей со своими одно-

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1618, л. 155.

² Там же.

³ Там же, д. 1618, л. 165.

⁴ Там же, л. 157.

вотчинниками из малоземельных деревень. Пользуясь тем, что для размежевания дачи по правилам от 4 августа 1878 г. требовалось решение соединенного схода сельских обществ дачи, принятое большинством в 2/3 голосов всех наличных домохозяев каждого селения, многоземельные вотчинники просто-напросто отвергали ходатайства малоземельных башкир о разделе земли. «При наделении припущенников... в Еланской даче, — писали в 1883 г. поверенные вотчинников дер. Яркоево Исмагиловской волости Бирского уезда в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие, — более половины прежних угодий доверителей наших поступило в нарезку (припущенникам. — Х. У.) и в запас..., за исключением которых доверители наши остались не более как при пятидесятичной пропорции, тогда как вотчинники других селений имеют... по двадцати и более десятин на душу. Об уравнении земель между всеми селениями.. хотя и ходатайствовали они (яркоевцы. — Х. У.) перед... волостным сходом, но большинство многоземельных селений, ввиду своих корыстных целей, согласия на то не изъявляют. Вследствие чего доверители наши... остаются до сих пор при прежних совершенно недостаточных угодьях»¹. Таких примеров было много.

Положение малоземельных вотчинников с каждым годом ухудшалось. В этих условиях многие из них стали изъявлять желание использовать причитающиеся им угодья для своих нужд. В 1891 г. вотчинники 2-й Усергановской волости Орского уезда, ходатайствуя перед оренбургским губернатором о разделе земли между селениями, писали: «Многие из нас бедные, не имея у себя ни хозяйства, ни скотоводства, землю не пользовались, и она нам не приносила и до сего времени не приносит никакой пользы...»². После раздела дачи излишние земли «мы по бедности нашей могли бы отдавать в арендное содержание, а если найдутся охотники, то и продать в вечное потомственное владение и тем пополнить накопившуюся на нас государственную недоимку или употребить на другие... нужды...»³. Постепенно рассеивались опасения башкир о возможности захвата свободных земель казной. Вот что писал в 1894 г. в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие поверенный вотчинников дер. Турсагаино Миркитлинской дачи (Белебеевский и Стерлитамакский уезды) мещанин Сомов: «несколько лет назад к нам прибыл непрременный член губернского присутствия г. Боголюбов и созвал вотчинный Миркитлинский сход для соглашения по полюбовному размежеванию. Но доверители мои по возмущению и подстрекательству одновотчинников, живущих в Белебеевском уезде, «что дескать земля отойдет

¹ ЦГА БССР, ф. 10, оп. 1, д. 1363, л. 139.

² ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 1, л. 1.

³ Там же.

вся в казну», не согласились на межевку. Ныне мои доверители сознали, что они допустили непростительную ошибку, и теперь те селения, которые подстрекали и возмущали, пользуются всей ... землей по течению речки Кызыл ..., а доверители на половину меньше, чем следует. Вследствие вышеизложенного... имею честь... просить... сделать распоряжение о вымежевании моим доверителям на 141 душу причитающее количество земли...»¹. Аналогичные прошения поступали и от башкир других деревень.

Настойчивые требования малоземельных вотчинников об уравнивании в землепользовании привели к тому, что в 90-х годах заметно усилилось размежевание дач между селениями. К началу XX в. в Уфимской губернии было размежевано по правилам от 4 августа 1878 г. 28 дач из 87, в Оренбургской — 14 дач из 27². В остальных дачах раздел земли между деревнями производился в начале XX в.

Юридические общины припущенников образовались в основном в пореформенное время при размежевании башкирских дач. Большинство из них состояло из жителей одной деревни. Составные общины возникли лишь там, где трудно было разъединить угодья соседних деревень. Наиболее часто встречались они в восточных горно-лесных местностях. Здесь пашни отдельных селений были чересполосно разбросаны на расчищенных из-под леса мелких участках, резко отличавшихся друг от друга по качеству и затратам труда. Припущенники не всегда соглашались обменять их между собой, поэтому во время размежевания некоторые деревни получили общие участки. Впрочем таких случаев было немного. Например, в Бирском уезде из учтенных в 1897 г. 314 припущеннических общин 298 являлись простыми и 14 — составными³. На каждую составную общину приходилось в среднем по 2,8 селения⁴. В деревнях, где припущенники жили совместно с вотчинниками, существовали по две самостоятельные общины: община припущенников и община вотчинников.

Перейдем к распределению земли между членами общины (в составных общинах — между жителями деревни). В башкирских и припущеннических селениях усадьбы редко входили в общую разверстку с другими угодьями. В старых деревнях они образовались путем захвата (кто сколько хотел) и теперь дробились до пределов возможного. Владельцы больших усадеб при отделении сыновей обычно выделяли им усадьбу из своих участков. Если же не было такой возможности, то вновь возникающие хозяйства строились на

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1307, л. 134.

² Там же, ф. 168, оп. 1, д. 12, лл. 14—18.

³ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 167.

выгоне. В новых поселках вотчинники и припущенники разбивали усадьбы более или менее одинакового размера.

Выгон находился в общем пользовании общинников (жителей деревни).

Пахотные и сенокосные угодья делились между отдельными домохозяевами по ревизским или наличным душам. Вместе с тем в ряде общин продолжало существовать безразверсточное пользование землей, широко практиковавшееся в прежнее время. В условиях полукочевого хозяйства и относительного многоземелья члены общины пользовались пахотными и сенокосными участками по займке, т. е. по праву естественного захвата. У зажиточных семей было больше земли, а у бедных — меньше. До поры до времени это не вызывало особых трений между общинниками. Тем более, что до 30-х годов XIX в. не было полной ясности в отношении земельных прав населения. Указ от 10 апреля 1832 г., определивший размеры припущеннических наделов и душевых наделов вотчинников, явился толчком к переходу от безразверсточного к разверсточному пользованию землей. Конечно, переход совершился не сразу. По мере развития хлебопашества, роста населения, уменьшения земельных угодий и отграничения припущеннических наделов все большая часть общин оставляла безразверсточное землепользование. Процесс этот продолжался и в пореформенный период. Например, в Бирском уезде с 1861 до 1897 года перешли от безразверсточного к разверсточному пользованию землей 19 общин вотчинников и 19 общин припущенников¹.

К концу XIX в. в Уфимской губернии безразверсточное землепользование встречалось редко, а в Оренбургской — несколько чаще. Формы распределения пашни среди вотчинников и припущенников Стерлитамакского и Бирского уездов Уфимской губернии, по данным обследования 1897 г., приведены в табл. 16².

Итак, среди вотчинников заимочное пользование пашней сохранилось в 5—7%, а среди припущенников — в 2—5% селений. Это были преимущественно горно-лесные деревни, имевшие незначительную запашку. В остальных селениях пашня разверсталась между общинниками по ревизским, наличным и рабочим мужским душам.

Наиболее распространенной разверсткой была ревизская. До конца 60-х годов вотчинники и припущенники распределяли пашню и сенокосы по душам 7-й ревизии, а с изданием правил от 10 февраля 1869 г. перешли на души 10-й ревизии. Ревизская разверстка была шагом вперед по сравнению с заимочной формой землепользования, когда богатые общинни-

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5, стр. 184.

² Там же, стр. 189; т. 2, стр. 213, 216.

Таблица 16

Разряды крестьян	Кол-во общин- селений	Из них пользуются пашней					
		по ревиз- ским душам	по на- личным душам	по рабочим душам	по займке	не имеют пашни	не выяс- нена форма земле- пользо- вания
Стерлитамакский уезд							
Вотчинники	157	114 83,2%	10 7,3%	6 4,4%	7 5,1%	11	9
Припущен- ники	41	27 71,0%	8 21,0%	1 2,7%	2 5,3%	—	3
Бирский уезд							
Вотчинники	262	180 68,7%	64 24,4%	—	18 6,9%	—	—
Припущен- ники	378	273 72,2%	99 26,2%	—	6 1,6%	—	—

ки эксплуатировали огромные площади земли, а бедные довольствовались лишь остатками или вовсе не пользовались землей. Но и ревизская разверстка не обеспечивала равномерное землепользование общинников. Лица, родившиеся после ревизии, не наделялись землей. Они получали только то, что давали им родители. В «Сборнике статистических сведений...» указано, что среди вотчинников «мир очень редко вмешивается в семейные разделы; в случае конфликта между отцом и сыном мир обычно решает наделять только сыновей, записанных в 10-ю ревизию; сыновья же, не попавшие в 10-ю ревизию, очень часто отделяются без земли. Бывают случаи крайне неравномерного распределения. Отец-старик владеет 2—3 наделами умерших «ревизных» сыновей и за отсутствием инвентаря сдает большую часть своей земли в аренду, а младший его сын, не попавший в ревизию и отделившийся от отца, является безземельным «неревизным» хозяином и... продает свой труд на сторону или арендует землю у своих более счастливых односельчан»¹. Разумеется, не все зависело от воли отцов. Многие из них с удовольствием наделили бы своих сыновей достаточным количеством земли, но не имели такой возможности. В 1893 г. поверенный припущенников дер. Бабаево Киебаковской волости Бирского уезда Зубаир Масаев писал в губернское по крестьянским делам присутствие о том, что в их деревне имеется 180 «неревизных» мужских душ, которым «ревизские души... не дают даже ни сажени земли,

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5, стр. 191.

да и дать им нечего, потому что самим мало нарезано»¹. В прошении, поданном в 1895 г. министру внутренних дел, староста Ново-Сакловского сельского общества Богадаровской волости Мензелинского уезда Хаким Баширов указывал, что припущенники «деревень Новой Сакловой и Танатмышы, имея во владении своем по 5,5 десятины на душу земли — с лугами, усадебными местами, огородами и гумнами, пользуются таковою по ревизским душам, тогда как общество это почти наполовину составляется из членов, не состоявших в ревизии, которых считается... 270 душ, из коих очень многие, достигнув 40-летнего возраста, имеют свои большие семейства и... живут отдельными хозяйствами, но душевыми наделами из общественной земли... не пользуются... и пригерпевают... невыносимую бедность»². Как Масаев, так и Баширов ходатайствовали о дополнительной нарезке земли своим доверителям, поэтому в их прошении, видимо, несколько сгущены краски. Не каждый родитель, даже и малоземельный, отделял сыновей без земли. Беда состояла в том, что семьи с одной или двумя ревизскими душами часто должны были делить свою долю пашни и сенокоса между несколькими сыновьями, родившимися после ревизии. Это раздробляло и без того небольшие семейные наделы и увеличивало число малоземельных дворов. Значительным было и количество таких домохозяев, которые при отделении от родителей не получили и пяди земли. В то же время хозяйства, имевшие много ревизских душ, отличались земельным достатком, а в башкирских общинах, где на душу нередко приходилось по 20—30 дес., они располагали пашней и сенокосом в избытке. Конечно, такой порядок распределения земли не устраивал «неревизных» и «малоревизных» общинников. Несмотря на это, ревизская разверстка держалась прочно. Часть населения, особенно «многоревизные» домохозяева, смотрели на раздел угодий по душам 10-й ревизии, как на окончательное установление землеустройства дворов с наследственной передачей прав на землю. Выработке такого взгляда способствовал и закон 1869 г., положивший в основу размежевания башкирских дач между вотчинниками и припущенниками число душ 10-й ревизии.

Здесь может возникнуть вопрос, влияло ли экономическое положение общинников на распределение земли при ревизской разверстке? Да, влияло. Зажиточные хозяева, в том числе и «малоревизные», часто получали выморочные наделы, а также «наследовали» душевые наделы умерших родственников, даже и отдаленных. «Башкиры...», — писал в 1902 г. неприменный член Оренбургского губернского ~~не~~ крестьянским делам присутствия М. Эверсман, — всеми силами стараются

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1426, л. 206.

² Там же, д. 1591, л. 78.

всегда доказать свое родство с вымершим родом... чтобы унаследовать землю его ревизских душ, что, конечно, легче всего и удавалось сделать более состоятельным из них. Благодаря этому получалась такая аномалия: в то время, когда влиятельный член одного и того же общества владеет на одну наличную душу землей пяти и более ревизских душ, другой его сочлен, с теми же правами на общественную землю, или не имеет совсем пользования землей, потеряв почему-либо связь с своим родом, или же имеет на несколько наличных душ своего семейства права на общественную землю, в размере одной какой-нибудь ревизской души¹. Разумеется, «многоревизные» семьи были и среди маломощных хозяйств. Будучи не в состоянии обработать свои участки, они отдавали наделы умерших ревизских душ состоятельным родственникам или же обществу, которое либо переделывало их между остальными членами общины, либо сдавало в аренду.

При всей своей устойчивости ревизская разверстка не была, однако, единственной формой распределения пашни и сенокоса. В значительной части общин вотчинники и припущенники перешли к разделу земли по наличным и рабочим мужским душам. Автор не располагает материалами о причинах оставления ревизской разверстки вотчинниками. Очевидно, главную роль в этом играли податные тяготы и накопление недоимок за бедняками и выморочными душами. Так было и среди припущенников. В «Сборнике статистических сведений...» говорится, что припущенники дер. Ново-Адзитарово Миркитлинской волости Стерлитамакского уезда «пашню и сенокос делят на 366 наличных душ; такой передел был введен в 1887 г....; в число наличных душ несостоятельные не входили, а потому земли не получили. Причиной введения передела по наличным душам было накопление недоимок за обществом. Теперь все мирские повинности раскладываются по наличным душам»². В той же волости припущенники дер. Калчир-Бураново в 1880 г. разделили пашню «по наличным душам, причем одни совсем отказались от надела, другие убавляли, третьи прибавляли себе души, т. е. каждый взял надел по своему усмотрению: кто на все души мужского пола, кто — на рабочие, а некоторые — на 1 только душу, хотя наличных имели больше... Так происходят переделы через каждые 6 лет, причем число душ то убавляется, то прибавляется; причиной переделов является...» накопление недоимок за бедняками³. Здесь мы видим тот же процесс приспособления общины к интересам богатой части населения. Маломощные общинники или вовсе лишались земли, или получали лишь не-

¹ ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 43/1, л. 16.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, приложение, стр. 125—126.

³ Там же, стр. 124.

большие наделы. В то же время состоятельные домохозяева открыто прибирали к своим рукам общинные угодья.

Как при ревизской разверстке, так и разделе угодий по наличным и рабочим душам общинники получали землю чересполосно. Переделы пашни в одних деревнях проводились через 3—4 года, в других — через 5—6 лет, в третьих — через 10 лет и т. д. Много было и таких общин, в которых за последние 30—35 лет пашня переделывалась лишь один раз, при размежевании дачи, или совсем не переделывалась. Например, в Бирском уезде в 1897 г. насчитывалось 106 общин-селений вотчинников (40% общего числа) и 83 общины-селения припущенников (23% общего числа), не переделывавших землю с 60-х годов¹.

Причины передела пашни среди вотчинников и припущенников были в основном те же, что и у бывших владельческих, государственных и удельных крестьян. Вместе с тем иногда встречались и другие мотивы, связанные с переходным состоянием башкир от скотоводческого к земледельческому хозяйству. Вот что мы читаем в «Сборнике статистических сведений...» о переделах земли в башкирской дер. Старое Яныбеково Шмидтовской волости Стерлитамакского уезда: «Земля прежде находилась в общем владении 5 деревень..., но когда, в 1873—74 гг. припущенникам были отмежеваны душевые наделы, то башкиры-вотчинники данной деревни перестали кочевать и начали вести оседлую жизнь, причем башкиры трех деревень отделились, а остальных двух—Старо-Яныбековой и Яныбек-Яннаровой — стали владеть землею вместе. Первый раз башкиры последних двух деревень переделали на 74 ревизские души степь и ввели однопольную систему пашни, что оказалось весьма неудобным—особенно для озимых посевов, вследствие чего через 3—4 года разбили пашню на три поля и каждое поле разбили на 74 ревизских души—по равной части, не разбирая качества земли. Ввиду этого они года через 2—3 снова переделали землю, оставивши старые межи, следовательно, устроивши только пережеребьевки, которые повторялись несколько раз. Наконец, в 1893—94 годах башкирские земли были окончательно размежеваны и каждая деревня получила свой надел, вследствие чего жители снова переделали землю во всех трех полях, но уже не на 74, а на 45 ревизских душ, которые стали теперь числиться в Старой Яныбековой»². В восточных горно-лесных деревнях, где существовала переложная система полеводства, земля переделывалась из-за быстрого истощения почвы. В том же «Сборнике» указано, что «в большинстве общин башкир-вотчинников Азнаевской во-

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5, стр. 187.

² Там же, т. 2, приложения, стр. 164—165.

лости (Стерлитамакского уезда. — Х. У.) переделы происходят как для уравнивания наделов по их качеству и местоположению, так и потому, что вследствие переложной системы пашня через 2—3 года истощается: распаханый участок забрасывают и заменяют новым»¹. Такие примеры имели место и в других юго-восточных волостях.

Сенокосные угодья обычно делились ежегодно перед покосом.

В подавляющей части дач пользование лесами было бессистемным вплоть до 1894 г., т. е. до принятия их в казенное заведывание. Каждый вотчинник вырубал лес там, где хотел, и столько, сколько мог, причем не только для своих нужд, но и на продажу. Не было регулировано и пользование кочевыми местами. «Башкиры, недавние еще кочевники, — говорится в докладе, поданном в 1902 г. М. Эверсманом в Оренбургское губернское присутствие, — ...изстари настолько привыкли пользоваться своей общественной землей без всякого распределения между отдельными членами..., что в громадном большинстве обществ, ..., продолжают этот вид пользования и до настоящего времени... Благодаря этому, в то время, как богатые из башкир, владея целыми десятками голов скота, беспрепятственно пасут свои табуны, занимая целые сотни десятин общественной земли под пастбу и сенокосение, и беспрепятственно рубят и возят на продажу, сколько им под силу, общественного леса, все остальные члены... в большинстве бедняки, ...за неимением средств и недостатком собственного рабочего скота вывезти на продажу и сотой доли того леса, который продается их состоятельными однообщественниками, лишены всякой возможности... реализовать свои... вотчинные права»². Кроме того, богатые башкиры наживались за счет сдачи лесных площадей на сруб промышленникам, которые хищнически уничтожали общинные леса.

С 1894 г. пользование лесными угодьями стало несколько регламентироваться. В лесах, принятых под казенную охрану, чиновники лесного ведомства ежегодно выделяли для вырубки особые лесосеки, которые сначала делились между селениями дачи, а затем — между отдельными домохозяевами. Способы раздела лесосек были различные. Например, в 1896 г. в Верхне-Татышлинской волости Бирского уезда вотчинники дер. Верхний Кудаш разделили между собой лесосеку из расчета по 5 сажень шириной и по 60 сажень длиной на паличную мужскую душу, а вотчинники дер. Нижний Кудаш — из расчета по 2,5 сажени шириной и по 160 саж. длиной на ревизскую

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской области», т. 2, стр. 214.

² ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 43/1, лл. 14—15.

душу¹. В Гирей-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда в двух общинах вотчинников на каждую ревизскую душу разрешалось заготовить из лесосеки по 10 деревьев хвойного леса, 200 штук мочальников, 25 штук луба и по 25 пудов корья; в двух общинах—по 30 сосновых деревьев, пользование же мелким лесом было бессистемным; в двух общинах хвойный лес делился по корням, а лиственный рубился без дележа², и т. д. В вотчинной даче № 82—103 Байкибашевской волости Бирского уезда пользование лесами регулировалось путем посылки на лесоразработку более или менее одинакового количества транспорта от каждого хозяйства. Вот как это происходило. В начале января чины лесного ведомства совместно с доверенными от селений, которых в даче было 16, отводили лесосеку и назначали день начала рубки. Каждый домохозяин имел право выезжать на лесоразработку не более чем на 4-х лошадях. Со дня начала рубки и до открытия навигации приехавшие, рассыпавшись по лесосеке, вырубали еловый и пихтовый лес и вывозили его на берег сплавной реки. Невывезенные к началу навигации деревья пропадали для вырубившего. На берегу сельские власти и выборные регистрировали вывезенный отдельными домохозяевами лес и определяли причитающуюся им плату. После окончания рубки строевого леса начиналась выработка липового (луба, мочалы и плашки), которая продолжалась до полного распускания листьев. Поскольку выработка липы совпадала с началом весенних полевых работ и давала сравнительно незначительный заработок, то на этой работе оставалась лишь часть вотчинников дачи³. Были и другие способы регламентации лесопользования. Но, как правило, регламентация касалась только ценных лесов, а остальные леса рубились без системы. В дачах, не имевших промыслового леса, пользование лесными угодьями вообще не регулировалось. Автор не располагает материалами о соотношении отдельных форм лесопользования в башкирских общинах. Несомненно, что к началу XX в. в большинстве из них существовала бессистемная рубка леса. Что же касается припущеннических общин, то они располагали небольшими лесными участками и в пользовании ими большей частью придерживались тех же методов, что и бывшие владельческие, государственные и удельные крестьяне.

* *

Рассмотрим помещичье и крестьянское землевладение в их взаимной связи. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» все земельные владения разделяет на 4 основных типа: 1) разоренное крестьянство, при-

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5, приложения, стр. 167—168.

² Там же, т. 2, стр. 216.

³ Там же, т. 5, стр. 174—175.

давленное крепостнической эксплуатацией; 2) среднее крестьянство; 3) крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение; 4) крепостнические латифундии. По Европейской России к первой группе он относит земельные владения размером до 15 дес., ко второй — от 15 до 20 дес., к третьей — от 20 до 500 дес. и к четвертой группе — свыше 500 дес.¹. Учитывая природные и экономические особенности Башкирии, к разоренному крестьянству мы относим земельные владения размером до 20 дес. по Уфимской губернии и до 30 дес. — по Оренбургской, к среднему крестьянству — от 20 до 30 дес. по Уфимской и от 30 до 40 дес. — по Оренбургской, к крестьянской буржуазии — от 30 до 500 дес. по Уфимской и от 40 до 500 дес. — по Оренбургской губернии, к крепостническим латифундиям — владения свыше 500 дес. Общая картина землевладения в Башкирии к началу XX в представлена в табл. 17².

Таблица 17

Группы земельных владений	Число владений в тыс.	в %	Земли в тыс. дес.	в %	На 1 владен. дес.
Уфимская губерния					
Разоренное крестьянство, при- давленное крепостнической эксплуатацией	250,3	77,28	2557,7	30,88	10,2
Среднее крестьянское	27,4	8,46	664,2	8,03	24,3
Крестьянская буржуазия и капиталистическое земле- владение	45,6	14,08	3058,3	36,92	67,5
Крепостнические латифундии...	0,6	0,18	2001,9	24,17	3331,0
Всего	323,9	100	8282,1	100	25,5
Не распределено по разме- рам владений			2339,1		
Итого	323,9		10621,2		32,6
Оренбургская губерния					
Разоренное крестьянство, при- давленное крепостнической эксплуатацией	110,9	71,07	2077,5	33,48	18,7
Среднее крестьянство	19,6	12,57	669,3	10,80	34,1
Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевла- дение	25,1	16,08	2156,3	34,75	85,9
Крепостнические латифундии	0,4	0,28	1300,6	20,97	3067,4
Всего	156,0	100	6203,7	100	39,7
Не распределено по разме- рам владений			2240,6		
Итого	156,0		8444,3 ³		54,2

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 67.

² «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 36, стр. 20, 21, 28; вып. 45, стр. 18, 19, 25.

К латифундиям сверх помещичьих земель добавлено по Уфимской губернии 165,1 тыс. дес. удельных и 15,4 тыс. дес. 3 торгово-промышленных товариществ, имевших каждое свыше 1000 дес. По Оренбургской губернии включены 19 тыс. дес. удельных и 451,2 тыс. дес. 9 товариществ.

³ В итог не включены 6458,2 тыс. дес. казачьих земель, в том числе 4967,3 тыс. дес. казачьих общин и 1490,9 тыс. дес. войскового запаса.

Таким образом, на одном полюсе землевладения в Башкирии находилось 361 тыс. малоземельных крестьянских дворов (около 1,8 миллиона населения), имевших 4,6 млн. дес., а на другом — 1 тыс. помещичьих семей (примерно 5 тыс. населения), владевших 3,3 млн. дес.

Пользуясь малоземельем крестьян, помещики вели свое хозяйство полукрепостническими методами, путем отработок и испольщины, что тормозило развитие капитализма в сельском хозяйстве и обрекало крестьян на невероятные лишения и нищету. К началу XX в. ломка помещичьего землевладения становится безусловной экономической необходимостью и исторической неизбежностью.

Х. Ф. УСМАНОВ

ПЕРЕХОД БАШКИР К ОСЕДЛОСТИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Образ хозяйственной жизни башкирского населения привлекал внимание ряда дореволюционных и советских исследователей. Тем не менее переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству изучен недостаточно. Имеющаяся литература содержит различное толкование этого вопроса, особенно по периоду конца XIX и начала XX в.

Р. М. Раимов в книге «1905 год в Башкирии» указывает, что к концу XIX и началу XX в. главным занятием северо-западных башкир (Белебеевский, Мензелинский, Бирский, западная половина Уфимского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии) было земледелие. Башкиры имели оседлое хозяйство, хотя местами еще и сохранились пережитки кочевничества. Горно-лесные башкиры (Златоустовский и восточная половина Уфимского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии, Орский и Верхнеуральский, частично Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии) занимались, главным образом, скотоводством, отхожими и местными промыслами, жили оседло. Главным занятием юго-восточных башкир (Оренбургский, Челябинский, Троицкий и частично Орский и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии) являлось скотоводство, и башкиры вели полукочевой образ жизни¹.

Эту же мысль Р. М. Раимов проводит в монографии «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики». «Главным занятием населения Башкирии, — пишет он, — было земледелие и скотоводство... Зерноводческое хозяйство развивалось в западной Башкирии: в Белебеевском, Бирском и в части Уфимского и Стерлитамакского у. Уфимской губ. Здесь не только русское, но и башкирское население уже сравнительно давно занималось

¹ Р. М. Раимов. 1905 год в Башкирии. М., 1941, стр. 13.

земледелием. В восточной же Башкирии, т. е. в горно-лесных районах, входящих в Оренбургскую губ. и в восточные части Уфимского и Стерлитамакского у., а также в Златоустовский у. Уфимской губ., главным занятием башкирского населения являлось скотоводство и промыслы...»¹.

Другие авторы, соглашаясь с Р. М. Раимовым в отношении хозяйства северо-западных башкир, придерживаются, однако, другого мнения об образе жизни горно-лесных и юго-восточных башкир конца XIX — начала XX в. С. И. Руденко считает, что в начале XX в. земледелие становится основным занятием всех башкир. «Представление о кочевом быте башкир значительно преувеличено», — пишет он². По его словам, к началу нынешнего столетия с уменьшением земельных владений, с постепенным расширением земледельческого хозяйства скотоводство у башкир сократилось, и число башкир, выезжавших летом на кочевку, значительно уменьшилось. «Целыми деревнями, — указывает С. И. Руденко, — летом на кочевку со скотом выезжали башкиры только центральной части Южного Урала. В этой области богатые скотом башкиры выезжали на кочевки для его прокорма, а бедные — для лесного промысла в окрестностях кочевков. Значительно обширнее была территория, на которой на кочевку выезжала только часть населения деревни, лица, богатые скотом. Это была вся зауральская часть Башкирии, за исключением самой северной... и самой южной...»³.

В монографии автора «Столыпинская аграрная реформа в Башкирии» говорится, что к концу XIX в. северо-западные башкиры занимались земледелием и имели вполне оседлое хозяйство.

Основным занятием горно-лесных башкир являлись лесные промыслы и скотоводство. К концу XIX в. скотоводство заметно падает и становится лишь подспорьем в хозяйстве башкирского населения. Башкиры жили оседло, хотя кое-где (в некоторых уголках Стерлитамакского, Орского и Верхнеуральского уездов) еще сохранились пережитки кочевничества. Юго-восточные башкиры занимались земледелием и скотоводством. К концу XIX в. скотоводство, так же как и в горно-лесном районе, падает и отходит на второе после земледелия место. Башкиры вели оседлое хозяйство. Правда, в некоторых волостях еще сохранились летние кочевки, но на летние пастбища выезжали лишь богатые башкиры. Бесскотные и малоскотные хозяйства оставались в деревне, так как на кочевках им делать было нечего⁴.

¹ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, стр. 35.

² С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 64.

³ Там же.

⁴ Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, стр. 18—20.

Аналогичная мысль проводится в «Очерках по истории Башкирской АССР»¹.

Наиболее поздним исследованием по рассматриваемому вопросу является работа Р. Г. Кузеева «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию)»². По его мнению, к концу XIX — началу XX в. на севере и северо-западе края башкиры занимались оседлым земледельческим хозяйством. Оседлое земледелие стало господствующим типом хозяйства и на юго-западе и северо-востоке Башкирии (западная половина Стерлитамакского и Уфимского, половина Белебеевского и Златоустовского уездов Уфимской губернии, половина Челябинского уезда Оренбургской губернии). Вместе с тем здесь «сохранялись табунное скотоводство, тебеневка скота на протяжении нескольких зимних месяцев, а иногда — особенно на юге — летние кочевки поблизости от села»³. В восточной и южной Башкирии сложилось земледельческо-скотоводческое хозяйство. Наряду со слабо развитым земледелием, которое к началу XX в. «не смогло стать ведущей отраслью экономики», по-прежнему «сохранялись традиции летних перекочевков, зимой скот тебеновал»⁴. В горно-лесных районах Южного Урала лесные промыслы, ставшие основным занятием башкир, «сочетались со скотоводством, с сохраняющимися традициями летних перекочевков»⁵.

Таким образом, в литературе существует почти единое мнение о хозяйственном быте северных и западных башкир. Что же касается хозяйства башкирского населения горно-лесного, южного и восточного районов, то здесь мнения исследователей расходятся.

В настоящей статье рассматривается переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству в пореформенный период на основе новых источников.

Процесс перехода башкир к оседлости и земледельческому хозяйству охватывает длительный период. Из литературы и опубликованных источников видно, что к середине XVI в., т. е. ко времени присоединения Башкирии к Русскому государству, основным занятием башкирского населения было скотоводство. Земледелие имело некоторое распространение лишь в северо-западной части Башкирии, прилегающей

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 176—180.

² «Археология и этнография Башкирии», т. 3. Уфа, 1968, стр. 261—321.

³ Там же, стр. 318.

⁴ Там же, стр. 314, 318.

⁵ Там же, стр. 318.

к сельскохозяйственным районам Прикамья. Значительное место в хозяйстве занимали бортничество и охота. Башкиры вели кочевой и полукочевой образ жизни. В южной и восточной частях края они кочевали круглый год, а на севере и западе — в летнее время.

В XVII в. в развитии башкирского хозяйства наметился сдвиг в сторону перехода к оседлости и сельскохозяйственному хозяйству. В этом немалую роль сыграл приток пришлого населения, начавшийся вскоре после присоединения края к Русскому государству. В Башкирию шли русские, татарские, мордовские, чувашские, марийские и другие крестьяне, не выдержав тяжелой феодально-крепостнической кабалы. Они устраивались на башкирских землях и устанавливали культурные связи с местным населением. По примеру пришлых сельскохозяйственных народов башкиры стали увеличивать сенокосение и заводить пашню, заимствуя у них сельскохозяйственные орудия и приемы земледелия. Но процесс этот протекал не везде одинаково. Более заметные успехи земледелия сделало на северо-западе Башкирии. Свидетельством этого является появление в 80-х годах XVII в. башкир Осинской дороги¹ на Соликамском рынке с продажным хлебом².

В первой половине XVIII в. земледелие у башкирского населения сделало дальнейшие успехи, особенно в северной и западной частях края. На территории Осинской дороги основным занятием башкир стало оседлое земледелие³. Кунгурский бургомистр Юхнев, объехавший территорию Башкирии в 1725—1726 гг., сообщает, что башкиры Осинской дороги «хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские»⁴. Было развито сенокосение, и скот содержался зимой в стойлах.

Заметных успехов в земледелии достигли башкиры Казанской дороги. По словам Юхнева, они сеяли рожь и другие хлеба и кормили Уфу⁵. Здесь имелось достаточное количество пашен и сенокосных угодий. Башкиры жили оседло, но не забывали еще кочевого скотоводства, летом значительная часть их выезжала на кочевки. Зимой скот содержался в стойлах и кормился сеном и соломой.

¹ В административном отношении Башкирия делилась на 4 дороги. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центр и южная часть — Ногайской, восточная часть — Сибирской, полоса к северу от Уфы — Осинской.

² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 1. М.—Л., 1936, стр. 75.

³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. II. Уфа, 1956, стр. 124.

⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3. М.—Л., 1949, стр. 487.

⁵ Там же.

В пределах Сибирской и Ногайской дорог, отдаленных от земледельческих центров, хлебопашество распространялось гораздо медленнее. Основным занятием башкир здесь оставалось полукочевое скотоводство. Башкиры держали лошадей, овец, крупный рогатый скот и верблюдов. Скот круглый год находился на подножном корме. Сенокосение было развито слабо. На кочевки башкиры выезжали ранней весной и возвращались поздней осенью. Земледелие находилось в зачаточном состоянии. Башкиры сеяли в незначительном количестве ячмень и просо¹.

Значительный сдвиг в развитии земледелия у башкир происходит во второй половине XVIII в. Еще в 30-х годах XVIII в. в связи со строительством Оренбургской укрепленной линии и начавшейся горнозаводской колонизацией Башкирии возникла необходимость расширения земледелия в крае с тем, чтобы обеспечить население крепостей и горных заводов местным хлебом. В этих целях указом 1736 г. была разрешена свободная продажа башкирских земель русским помещикам, открывшая широкий простор для земледельческой колонизации края. На купленные и захваченные башкирские земли дворяне селили крепостных крестьян, вывезенных из центральной России. Увеличилось также число беглых крестьян, искавших убежище от усилившегося крепостного гнета в центре страны. Беглое крестьянское население селилось главным образом в Зауралье и зачислялось в разряд государственных крестьян. Крепостническое землевладение распространялось в центре и на западе Башкирии и на горных заводах.

Земледельческая колонизация Башкирии, как и горнозаводская, несмотря на колонизаторский характер проведения, была прогрессивным явлением. Содействуя развитию производительных сил края и втягиванию Башкирии в общий хозяйственный оборот страны, она ускоряла переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству. По сведениям академиков И. И. Лепехина и П. С. Палласа, посетивших Башкирию в 1770 г., башкиры Ногайской и Сибирской дорог имели заметные успехи в земледелии. И. И. Лепехин писал, что башкиры Ногайской дороги, живущие в районе Табынска, «начинают вникать в хлебопашество, и всякой старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно»². По наблюдениям П. С. Палласа, башкиры дер. Кубово под Уфой жили вполне оседло и производили хлеб не только для себя, но и на продажу³. Аналогичное явление было и у башкир Сибирской дороги. «Башкиры на

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 125—126.

² Там же, стр. 205.

³ Там же.

Ае переродились, — писал И. И. Лепехин, — они столь же хорошие хлебопашцы, как и их «соседи»¹. По сообщению П. С. Палласа, катавские и юрюзанские башкиры поставляли хлеб на «соседние заводы»². Но земледелие еще не «сделалось» основным занятием всех башкир. Оно существовало отдельными островками на обширных территориях Ногайской и Сибирской дорог, где главным занятием башкир оставалось по-прежнему полукочевое скотоводство.

Тем не менее к концу XVIII в. земледелие в Башкирии достигло уровня, необходимого для обеспечения потребностей края в продовольствии. Основными производителями хлеба были русские и другие переселившиеся в Башкирию земледельческие народы. Коренные жители края — башкиры — занимались хлебопашеством в меньших размерах³.

В первой половине XIX в. усилилось вмешательство местной администрации в хозяйственную жизнь башкир. Еще во второй половине XVIII в. с целью расширения земледелия в крае власти стали поощрять хлебопашество среди той части башкирского населения, которая продолжала заниматься скотоводством. В период кантонного управления поощрительные меры сменились мерами принуждения. В 1845 г. оренбургский генерал-губернатор Обручев дал указание, чтобы башкиры увеличили посевы. В 1850 г. командующий башкирскими войсками приказал «подтвердить кантонным начальникам, дабы они имели самое бдительное наблюдение за этою, совершенно необходимою отраслью сельского хозяйства и всемерно старались об увеличении подведомственными им башкирами засевов собственного хлеба, и, чтобы развить в них более трудолюбие к земледелию и вместе с тем удержать от праздной и ленивой жизни, приказать кочевым башкирам, в таком только случае выходить в летнее время на кочевку, когда каждым из них будет вспахана и засеяна хлебом земля»⁴.

Выполняя указание генерал-губернатора и командующего войсками, кантонные начальники запрещали башкирам кочевать, заставляли их заниматься хлебопашеством, перестраивать деревни по плану, устраивать в домах печи вместо очагов и т. д. «Они (кантонные начальники. — Х. У.) подчас до смерти запарывали башкир за то, что они плохо обрабатывали поле и огород. Они пороли и в одиночку и целые деревни»⁵. Наряду с насильственными мерами по переводу населения к оседлости и земледелию продолжались захваты

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 205.

² Там же

³ Там же, стр. 260.

⁴ Там же, ч. 2, стр. 55.

⁵ «Оренбургский край», 1906, 2 июня.

башкирских земель горнозаводчиками и помещиками. Все это повело к резкому сокращению поголовья скота у башкир. В 1864 г. в башкирских кантонах на одно хозяйство приходилось в среднем по 3,68 лошади, 1,92 гол. крупного рогатого скота и 5,22 гол. овец и коз. В табл. 1 показана обеспеченность населения¹ скотом по отдельным кантонам².

Таблица 1

Кантоны ³	Население			Приходится на одно хозяйство, считая в семье в среднем по 5,5 души обоего пола			
	всего	в т. ч. башкир		лошадей	крупн. рогат. скота	овец и коз	всего скота
в абсолютных цифрах		в %	го л о в				
Красноуфимский	39804	27073	68,01	1,92	1,10	3,85	6,87
Уфимский	71682	17657	24,49	2,14	1,26	3,96	7,36
Троицкий	44694	33673	75,34	3,52	1,81	3,96	9,29
Мензелинский	110877	72194	65,11	2,09	1,70	5,72	9,51
Бирский	222930	79722	35,80	2,58	1,04	5,99	9,61
Бугурусланский	55275	13969	25,27	2,09	2,03	6,27	10,39
Белебеевский	150645	65696	43,60	3,02	1,81	5,22	10,05
Стерлитамакский	94371	62483	66,20	3,96	1,87	4,67	10,50
Челябинский	75001	46716	62,28	6,32	2,80	4,84	13,96
Оренбургский	96939	85502	88,20	7,42	3,08	4,29	14,79
Верхнеуральский	81945	69415	84,70	5,72	4,01	6,16	15,89
Итого	1044163	574100	54,98	3,68	1,92	5,22	10,82

Итак, в Красноуфимском, Уфимском и Троицком кантонах на одно хозяйство приходилось в среднем от 6,87 до 9,29 гол. скота, в Мензелинском, Бирском, Бугурусланском, Белебеевском и Стерлитамакском кантонах — от 9,51 до 10,50, в Челябинском, Оренбургском и Верхнеуральском кантонах — от 13,97 до 15,89.

Н. Ф. Демидова в работе «Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в.» считает минимальным количеством скота, необходимым для кочевого

¹ Показать отдельно обеспеченность башкир скотом не представляется возможным, так как в источниках дано количество скота всего населения кантона, включая татар, марийцев и удмуртов, входивших в состав башкирского войска. На наш взгляд, обеспеченность башкир скотом должна быть близка к указанным в таблице цифрам, ибо к рассматриваемому времени хозяйство северо-западных башкир почти не отличалось от хозяйства крестьян других национальностей, а в юго-восточных кантонах, где преобладало скотоводство, башкиры составляли большинство населения.

² ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 15197, лл. 7—198.

³ Административные границы основной части кантонов были близки к уездному делению. Башкиры и припущенники Шадринского и Екатеринбургского уездов входили в Челябинский кантон, Осинского и Пермского уездов — в Красноуфимский, Бузулукского уезда — в Бугурусланский.

скотоводства, 20—40 гол. В районах со смешанным хозяйством (скотоводство и земледелие), по мнению Н. Ф. Демидовой, средний имущественный уровень башкир-общинников составлял 20 гол. скота и 1—2 дес. пашни¹. Если исходить из этих данных, то оказывается, что к 60-м годам XIX в. количество скота у башкир было недостаточно не только для кочевого скотоводства, но и для ведения смешанного хозяйства.

Разумеется, средние данные не могут дать полной картины башкирского хозяйства, так как скот распределялся между отдельными хозяйствами неравномерно. Многие башкиры были совершенно лишены скота или имели только по 1—2 гол., а богатые хозяева содержали целые табуны лошадей. Скотоводство в больших размерах сохранилось, однако, не повсеместно. «В настоящее время, — указывается в отчете о состоянии башкирского войска за 1862 г., — скотоводство находится в лучшем состоянии в Оренбургском уезде по рр. Току и Чурану, в Белебеевском по р. Деме, в Верхнеуральском в Бурзянской волости; самый большой табун во всей Башкирии — до 700 голов — принадлежит мулле, Аллаберде Джаналину, в Оренбургском уезде на реке Ток»².

Насильственный перевод кочевых башкир к оседлости и земледельческому хозяйству, наряду с расстройством скотоводства, вызывал у них озлобление и отвращение к земледелию. В 1866 г. оренбургский генерал-губернатор докладывал царю, что принуждение башкир «всегда сопровождалось взысканиями и насилиями враждебных их склонностей, то и понятно, что не только собственного влечения к земледелию не могло в них развиться, но явилась какая-то ненависть к образу жизни и труду, силою навязываемых. По сим причинам, не взирая на вынужденное земледелие, башкиры те не покидали кочевого скотоводства и предпочитали для обеспечения жизни ко всем иным средствам кроме земледелия»³.

Несмотря на это, земледелие в башкирском хозяйстве продолжало развиваться. К 60-м годам XIX в. башкиры Елабужского, Сарапульского, Мензелинского, Бирского, Осинского, Екатеринбургского и Шадринского уездов жили вполне оседло и занимались хлебопашеством и, как указывалось в отчете о состоянии башкирского войска за 1862 г., не уступали в этом русским крестьянам⁴.

В Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском и Белебеевском уездах основным занятием башкирского населения

¹ «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 46.

² ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, л. 190.

³ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14017/1, лл. 6—7.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, лл. 186—187.

являлось также земледелие. Но оно было развито значительно слабее, чем у русских крестьян. В ряде волостей (Зильдяровской, Гайныямаковской, Альшеевской, Давлекановской и Чукадытамакской Белебеевского уезда) сохранилось еще скотоводческое хозяйство и летние кочевки башкир¹.

Башкиры Уфимского, Стерлитамакского, Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов вели смешанное хозяйство. В горно-лесных волостях, наряду со скотоводством, башкиры занимались лесными промыслами, извозом, пчеловодством, охотой, а в некоторых местах и хлебопашеством. В степных волостях скотоводство сочеталось с земледелием. В 1864 г. на одну душу населения было посеяно в Челябинском кантоне в среднем по 1,44 четверти, Уфимском — 0,91, Троицком — 0,90, Стерлитамакском — 0,74, Оренбургском — 0,64 и Верхнеуральском — 0,35 четверти хлеба². Эти данные, видимо, несколько завышены, так как волостные правления, чтобы не вызвать гнев начальства, показывали в своих отчетах башкирское земледелие в постоянном развитии. Но тем не менее башкиры имели уже значительные посевы, хотя культура земледелия в этих кантонах оставалась еще низкой.

Расстройство скотоводства, расширение земледелия, а также запрещение кантонных начальников выезжать на кочевки усилило переход башкир к оседлости. В 1864 г. в башкирских кантонах насчитывалось всего лишь 1327 летних кочевок с 27049 кибитками³. Распределение кочевок по отдельным кантонам дано в табл. 2⁴.

Таблица 2

Кантоны	Всего башкир	Количество		На сколько человек приходится 1 кибитка
		кочевок	кибиток	
Мензелинский	72194	—	—	—
Бугурусланский	13969	—	—	—
Бирский	79722	—	—	—
Красноуфимский	27073	—	—	—
Троицкий	33673	21	117	287,8
Уфимский	17657	16	217	81,3
Белебеевский	65696	54	1632	40,3
Оренбургский	85502	157	4625	18,4
Верхнеуральский	69415	660	6472	10,7
Стерлитамакский	62483	208	7483	8,3
Челябинский	46716	211	6503	7,1
Итого	574100	1327	27049	

¹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, л. 187.

² Там же, д. 15197, лл. 7—198.

³ Там же, лл. 10—193.

⁴ Там же.

Итак, в Мензелинском, Бугурусланском, Бирском и Красноуфимском кантонах кочевки совершенно исчезли, а в Уфимском, Троицком и Белебеевском кантонах их осталось мало. Более значительное количество кочевков сохранилось еще в Верхнеуральском, Оренбургском, Стерлитамакском и Челябинском кантонах. Но и здесь не все башкиры выезжали на кочевки. Как видно из табл. 2, в Оренбургском кантоне одна кибитка приходилась на 3,3 хозяйства (считая в семье в среднем по 5,5 души обою пола), в Верхнеуральском — на 1,9, в Стерлитамакском — на 1,5, в Челябинском — на 1,3 хозяйства. Фактически же кибитка ставилась на одну семью, а богатые башкиры имели по несколько кибиток.

Кочевки были выгодны лишь для многоскотных башкир, в малоскотных хозяйствах они не имели экономического значения. Тем не менее богатые башкиры, преследуя свои корыстные интересы, вынуждали кочевать и малоскотных хозяев. В 1865 г. мировой посредник 1-го участка Уфимского уезда докладывал губернатору, что выход на кочевье возбуждается «богатыми фанатиками, которые, обладая достаточным скотоводством, имеют свои выгоды держать потом бедняков..., во всегдашнем своем распоряжении...»¹. «По собранным сведениям, — писал в 1865 г. управляющий канцелярией оренбургского генерал-губернатора статский советник Холодковский, — оказывается, что многие из башкир охотно отказались бы от этого пагубного обычая (кочевки. — Х. У.), если бы не были увлекаемы к тому муллами и немногими зажиточными башкирами, слишком дорожащими продлить невежество массы из корыстных видов»².

Кочевки в горно-лесных и степных волостях не носили одинакового характера. В горно-лесном районе башкиры, располагавшие сравнительно большими земельными участками, уходили от своих деревень нередко до 40—50 километров. В степных же волостях, где башкирское землевладение значительно сократилось, они кочевали преимущественно возле своих деревень³. На кочевки башкиры выезжали обычно в конце мая и начале июня и оставались там до сентября. В малоземельных обществах практиковались и меньшие сроки. Например, башкиры дер. Мулдакаево Урман-Кудейской волости Уфимского уезда кочевали только 2 месяца, в июне и июле⁴.

Наряду с уменьшением кочевков изменялся и характер зимнего содержания скота. Башкиры все больше заготавливали сено. Так, в 1864 г. башкиры Оренбургской (без Троиц-

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 858, л. 1.

² ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 13999, л. 34.

³ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13068, лл. 8—99.

⁴ Там же.

кого уезда)¹ и Уфимской губернии накосили 764020 стогов сена, считая по 150 пудов в стоге. Для прокормления же скота им требовалось 973723 стога. Следовательно, башкирский скот был обеспечен сеном на 78,1%. По отдельным уездам обеспеченность скота сеном (в стогах) представляла следующую картину (табл. 3)*.

Таблица 3

Уезды	Необходимо сена на зиму	Заготовлено	Недостаёт	Излишек	% обеспеченности скота кормами
Уфимский	77109	28094	49015	—	36,4
Бирский	210614	175051	35565	—	83,1
Белебеевский	47221	47221	—	—	100,0
Мензелинский	98808	64808	34000	—	65,6
Стерлитамакский	129404	96734	32670	—	74,7
Оренбургский	145000	168800	—	23800	116,4
Челябинский	80894	25869	55025	—	31,7
Верхнеуральский	184673	157443	27230	—	85,2
Итого . . .	973723	764020	233505	23800	78,1

Здесь бросается в глаза несоответствие размеров сенокосения состоянию земледелия в уездах. В Оренбургском уезде сено заготовлено с избытком, а в земледельческих Мензелинском и Бирском — явно недостаточно. Это объясняется, с одной стороны, меньшей площадью сенокосных угодий в Мензелинском и Бирском уездах, а с другой — различием в урожае трав. 1864 г. был неурожайным. Не только башкиры, но и русские крестьяне и даже помещики (за исключением Оренбургского уезда) не смогли собрать сена в достаточном количестве. Но тем не менее табл. 3 показывает развитие сенокосения среди башкирского населения.

В зимнее время крупный рогатый и мелкий скот башкиры содержали в помещениях и кормили сеном и соломой. Правда, в восточных и южных волостях скотные помещения были еще неудовлетворительны, но они имелись. Рабочие лошади содержались также дома. Гулевой скот, состоявший из нерабочих лошадей, кормился в степи или в горах тебеневкой. Последняя начиналась с октября—ноября, смотря по

¹ ГАОО. ф. 6, оп. 6, д. 13926, лл. 24—36; ф. 2, оп. 1, д. 15197, лл. 7—198.

* В таблицу включено и сено, накошенное припущенниками, которые входили в состав башкирского войска. На наш взгляд, это не должно повышать процент обеспеченности кормами башкирского скота, ибо вотчинники заготавливали сено не меньше, чем припущенники.

погоде, и продолжалась до тех пор, пока лошади могли добывать корм из-под снега. В 1863 г. гулевой или табунный скот составлял 39,2% всех лошадей, имевшихся в башкирском войске. По отдельным кантонам соотношение табунного скота и общего количества лошадей видно из табл. 4¹:

Таблица 4

Кантоны	Всего лошадей, гол.	В том числе в табунах	
		гол.	%
Белебеевский	83400	16100	19,3
Красноуфимский	13934	3045	21,8
Уфимский	35234	8356	23,7
Бирский	105904	28028	26,4
Мензелинский	49239	16325	33,1
Троицкий	22715	8557	37,6
Бугурусланский	35203	14101	40,0
Стерлитамакский	80086	34658	43,2
Верхнеуральский	83905	40255	47,9
Оренбургский	131648	68980	52,4
Челябинский	86700	47028	54,2
Итого	727968	285433	39,2

Итак, во всех башкирских кантонах имелся табунный скот и существовала тебеневка. Но значение тебеневки не везде одинаково. В Белебеевском, Красноуфимском, Уфимском, Бирском и Мензелинском кантонах тебеневкой кормились лишь 20—30% лошадей. В Бугурусланском, Стерлитамакском, Верхнеуральском, Оренбургском и Челябинском кантонах значение тебеневки несколько больше — 40—54% лошадей находились на тебеневке. Но и здесь табунного скота было сравнительно немного.

Пореформенный период характеризуется быстрым развитием земледелия на Южном Урале. Рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве, огромная переселенческая волна, хлынувшая в край после крестьянской реформы, за короткое время выдвинули Уфимскую и Оренбургскую губернии в ряд крупных зерновых районов страны.

В развитии земледелия известную роль сыграло и башкирское население. Правда, в первые годы после отмены кантонной системы управления наблюдалось некоторое сокращение посевов у тех башкир, которые раньше засевали по принуждению начальства. Но без хлебопашества они уже не могли обойтись и вскоре вновь стали расширять запашку, хотя

¹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13017, л. 58.

к этому их никто не вынуждал. Увеличивались посевы и у остального башкирского населения. «С прекращением всяких насильственных мер, башкиры начали поправляться, и охотно принимаются за хлебопашество...», — писал П. Добротворский в 1873 г.¹ Свобода от повседневной опеки администрации развивала у башкир хозяйственную инициативу и ускоряла переход их к оседлости. Однако естественному ходу этого процесса помешал колониальный грабеж, усилившийся в 70-х годах. Башкиры разорялись. Это создавало большие трудности в расширении земледелия.

Массовое расхищение башкирских земель резко сократило пастбищные угодья, что в сочетании с периодически повторявшимися недородами хлебов и трав привело в упадок скотоводство. По сообщению мирового посредника 2-го участка Орского уезда, в результате неурожая в 1864—1865 гг. башкиры 2-й Усерганской волости этого уезда лишились 20 тыс. гол. лошадей². В 1876 г. корреспондент газеты «Оренбургский листок» писал из Верхнеуральского уезда, что в 1874 г. большую часть башкирских посевов и трав «истребили черви и кобылка... Вследствие этого цены на хлеб... поднялись более, чем вдвое, цены же на сено увеличились чуть не в десять раз... Дороговизна корма и позднее наступление весны в 1875 г. имели следующие последствия: большая часть скота от бескормицы пала, другая часть продана за бесценок... Оставшаяся часть рабочего скота до конца мая не могла оправиться..., почему башкиры в 1875 году посев сделали небольшой и поздний, а так как лето... закончилось преждевременными морозами, то эти небольшие посевы были побиты морозами...»³. «В конце 1875 и в начале 1876 г., — продолжает корреспондент, — с башкир начали взыскивать подати... за два года и повели... это дело так круто, что многие башкиры для уплаты податей продавали по дешевым ценам чуть не последнюю скотину...»⁴. В 1882 г. оренбургский губернатор докладывал царю, что башкиры Оренбургского и Орского уездов «при неурожаях в 1879 и 1880 годах трав и хлебов потерпели весьма немаловажный ущерб в скотоводстве, составляющем главнейшую часть их благосостояния»⁵.

Аналогичное положение было и в уездах Уфимской губернии. «Славившееся прежде башкирское скотоводство, — писал Н. А. Гурвич в 1881 г. о хозяйстве башкир Златоустовского уезда, — в настоящее время совершенно упало, лишняя

¹ П. Добротворский. Записка о коневодстве и коннозаводах в Уфимской губернии. (Извлечено из журнала коннозаводства, № 7, 1873 г.), стр. 5.

² ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13991, л. 109.

³ «Оренбургский листок», 1876, 9 мая.

⁴ Там же.

⁵ ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 45-а, л. 77.

лошадь или корова у башкир не заведется, она или продается, или зарезывается на мясо»¹. Член Стерлитамакской уездной земской управы А. Кутлюмов, обследовавший в 1882 г. Макаровскую волость Стерлитамакского уезда, указывал в своем отчете, что у башкир «лошадей и коров немного; рогатый скот у бедных жителей здесь заменяют козы, но их тоже немного»².

Разумеется, в урожайные годы скотоводство у башкир несколько поправлялось, но прежнего уровня достичь не могло. В результате число хозяйств, занимающихся скотоводством, с каждым годом уменьшалось. А. Алекторов писал в 1883 г. в статье «История Оренбургской губернии», что скотоводство «составляет важную отрасль промышленности между казаками и *у некоторых башкир* (курсив наш. — Х. У.), владеющих прекрасными лугами и пастбищами»³. О сокращении скотоводческих хозяйств среди башкирского населения писал в 1890 г. П. Л. Юдин: «Скотоводство, когда-то составлявшее их (башкир — Х. У.) главное богатство и главный предмет сбыта, теперь находится в самом жалком состоянии. Редко теперь можно найти у одного хозяина сто голов лошадей, не говоря уже о рогатом скоте, которого здесь разводится очень мало...»⁴.

И действительно, военно-конская перепись 1891 г. насчитывает среди крестьянского населения хозяйств, имеющих свыше 100 лошадей, по Оренбургской губернии 69, по Уфимской — лишь 6 дворов⁵. По данным военно-конской переписи 1899—1901 гг., в Оренбургской губернии имели более 100 лошадей 51, а в Уфимской — 3 крестьянских двора⁶. Незначительным было и число хозяйств, владевших более 50 лошадьми. В Оренбургской губернии их насчитывалось в 1899 г. 262 (в том числе по Оренбургскому уезду — 20, Верхнеуральскому — 55, Орскому — 129, Троицкому — 12 и Челябинскому — 46), в Уфимской губернии — 29 крестьянских дворов (в том числе по Уфимскому уезду — 2, Белебеевскому — 11, Бирскому — 1, Златоустовскому — 3, Мензелинскому — 1 и Стерлитамакскому — 11)⁷. В это число входили как башкиры, так и крестьяне других национальностей и оренбургские казаки. Следовательно, многоскотных хозяйств среди башкирского населения было значительно меньше указанного количества.

¹ ЦГА БАССР, ф. 148, оп. 1, д. 171, л. 46.

² Там же, ф. 11, оп. 54, д. 183, л. 168.

³ «Оренбургский листок», 1883, 23 января.

⁴ П. Л. Юдин. Башкиры. — «Оренбургские губернские ведомости», 1890, 25 августа.

⁵ «Военно-конская перепись 1891 г.» СПб., 1894, стр. 40—45, 52—53.

⁶ «Военно-конская перепись 1899—1901 гг.». СПб., 1902, стр. 50—51.

⁷ Там же.

Падение скотоводства у башкир было настолько сильным, что к концу XIX в. башкиры-скотоводы имели скота меньше, чем крестьяне-земледельцы. Так, в 1899 г. в Уфимской губернии на одно хозяйство башкир-вотчинников приходилось в среднем лишь по 2 лошади, 1,82 гол. крупного рогатого скота и 3,76 гол. мелкого скота, в то время как русские крестьяне имели в среднем по 2,44 лошади, 2,77 гол. крупного рогатого скота и 6,69 гол. мелкого скота на хозяйство¹. По отдельным уездам обеспеченность скотом башкир-вотчинников и русских крестьян представлена в табл. 5².

Таблица 5

Уезды	Приходится в среднем на одно хозяйство, гол.				Из общего количества дворов		
	лошадей	крупн. рогат. скота	мелкого скота	всего скота	бесскотных	безлошадных	бескоровных
Мензелинский							
Русские крестьяне	1,40	1,12	3,64	6,16	19,4	21,1	49,3
Башкиры-вотчинники	1,40	1,25	3,48	6,14	21,3	30,7	46,5
Бирский							
Русские крестьяне	2,13	2,90	7,13	12,16	6,6	13,9	14,4
Башкиры-вотчинники	1,88	1,83	4,65	8,36	14,5	25,7	33,5
Белебеевский							
Русские крестьяне	2,41	2,24	6,42	11,07	6,0	9,8	15,6
Башкиры-вотчинники	2,36	1,97	4,16	8,49	17,9	25,4	37,6
Уфимский							
Русские крестьяне	2,25	2,67	7,30	12,22	4,8	9,8	11,2
Башкиры-вотчинники	1,93	1,99	2,82	6,74	14,4	23,5	38,2
Стерлитамакский							
Русские крестьяне	3,11	3,30	9,62	16,03	4,2	9,38	10,2
Башкиры-вотчинники	2,48	2,15	2,71	7,44	14,7	27,3	35,2
Златоустовский							
Русские крестьяне	3,53	4,44	5,76	13,73	2,4	10,6	6,6
Башкиры-вотчинники	2,29	2,12	3,05	7,46	10,7	21,6	35,1
По губернии							
Русские крестьяне	2,44	2,77	6,69	11,90	7,3	12,5	17,9
Башкиры-вотчинники	2,00	1,82	3,76	7,58	16,1	25,8	37,4 ³

¹ М. П. Красильников. Крестьянское скотоводство в Уфимской губернии в 1899 году. Самара, 1899, стр. 92.

² Там же, стр. 2—91.

³ В «Очерках по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 178 и в монографии автора «Столыпинская аграрная реформа в Башкирии», стр. 15 указано, что к концу XIX в. в Уфимской губернии 19,3% башкирских хозяйств не имели никакого скота, 29,9% были безлошадными и 42,2% — бескоровными. Эти данные охватывают башкир-вотчинников и припущенников, значительную часть которых составляли также башкиры. В приведенной таблице взяты только башкиры-вотчинники.

Итак, только в Мензелинском уезде степень обеспеченности скотом башкир-вотчинников близка к уровню русских крестьян. В остальных уездах у вотчинников скота было значительно меньше, чем у русских крестьян. Даже в Стерлитамакском уезде, где в 60-х годах преобладало полукочевое хозяйство, башкиры-вотчинники имели в среднем лишь по 2,48 лошади, 2,15 гол. крупного рогатого скота и 2,71 гол. мелкого скота на двор. Если учесть неравномерность распределения скота между отдельными хозяйствами, то упадок башкирского скотоводства окажется еще более сильным. Богатые башкиры содержали десятки голов скота, а мало-мощные хозяйства имели только по 1—2 гол. или были вовсе бесскотными. Из приведенной табл. 5 видно, что в Уфимской губернии 16,1% хозяйств башкир-вотчинников не имели никакого скота, 25,8% были безлошадными и 37,4% — бескоровными, тогда как среди русского крестьянства бесскотные хозяйства составляли 7,3%, безлошадные — 12,5% и бескоровные — 17,9%, т. е. в два раза меньше, чем у башкир-вотчинников. Однолошадных дворов среди башкир насчитывалось 37,42%, а среди русских крестьян — 34,88%; двухлошадных дворов было соответственно 17,12% и 27,06%¹. Таким образом, к концу XIX в. подавляющее большинство башкирского населения Уфимской губернии было бесскотным и малоскотным. О былом башкирском скотоводстве напоминало лишь небольшое число многоскотных дворов.

Перейдем к Оренбургской губернии.

Данные об обеспеченности скотом башкир и русских крестьян Орского, Челябинского и Верхнеуральского уездов приведены в табл. 6².

Таблица 6

Уезды	Приходится в среднем на одно хозяйство, гол.			
	лошадей	крупного рогатого скота	мелкого скота	всего скота
Орский³				
Русские крестьяне	3,62	3,34	8,62	15,58
Башкиры	3,09	2,51	3,67	9,27
Челябинский⁴				
Русские крестьяне	3,84	2,95	5,27	12,06
Башкиры	4,14	2,42	4,89	11,45
Верхнеуральский⁵				
Русские крестьяне	4,52	4,06	8,11	16,69
Башкиры	4,77	2,74	4,65	12,16

¹ М. П. Красильников. Указ. соч., стр. 25.

² По Оренбургскому и Троишскому уездам сведениями не располагаем. Очевидно, обеспеченность скотом населения этих уездов была близка к данным Орского, Челябинского и Верхнеуральского уездов.

³ ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 94, лл. 62—63.

⁴ Там же, оп. 1, д. 75, лл. 120—374.

⁵ Там же, ф. 164, оп. 1, д. 54—56, лл. 116—117.

Здесь скота у башкир несколько больше, чем в Уфимской губернии. Это объясняется, видимо, тем, что сведения Верхнеуральского уезда составлены в 1887 г., Челябинского уезда — в 1889 г. (до голода 1891 г.), Орского уезда — в 1894 г. (до недородов 1897—1898 гг.)¹. Кроме того, по Уфимской губернии даны только башкиры-вотчинники, а по Орскому и Челябинскому уездам взяты башкирские волости, где некоторую часть населения составляли русские крестьяне. Не следует также забывать, что в Оренбургской губернии скотоводство было развито сильнее, чем в Уфимской губернии.

Но несмотря на это, упадок скотоводства у башкир Оренбургской губернии очевиден. За 1864—1894 гг. в Орском уезде (выделился в 1865 г. из состава Оренбургского уезда) количество лошадей, приходившееся на одно башкирское хозяйство, уменьшилось на 3,33, крупного рогатого скота — на 0,59 и мелкого скота — на 0,62 гол. В хозяйстве башкир Челябинского уезда в 1864—1889 гг. количество лошадей сократилось на 2,18 и крупного рогатого скота — на 0,38 гол. В Верхнеуральском уезде в 1864—1887 гг. средняя обеспеченность башкирских дворов лошадьми уменьшилась на 0,95, крупным рогатым скотом — на 1,27 гол. и мелким скотом — на 1,51 гол.

Не в пользу башкир говорит и сравнение обеспеченности скотом башкирского населения и русского крестьянства. Из табл. 6 видно, что в Орском уезде на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем по 3,09 лошади, 2,51 гол. крупного рогатого и 3,67 мелкого скота, тогда как русские крестьяне имели по 3,62 лошади, 3,34 гол. крупного рогатого и 8,62 мелкого скота на двор. В Челябинском уезде, хотя разница в обеспеченности скотом башкир и русских крестьян и незначительна, тем не менее у крестьян-земледельцев скота больше, чем у башкир-скотоводов. В Верхнеуральском уезде башкиры имели на одно хозяйство в среднем по 12,16 гол., а русские крестьяне — по 16,69 гол. всего скота.

Сведения о распределении скота между отдельными хозяйствами имеются у нас лишь по некоторым деревням Оренбургской губернии. Но и эти материалы отчетливо показывают увеличение количества бесскотных и малоскотных дворов среди башкирского населения. Так, в 1899 г. в дер. Ниязгулово 1-й Усерганской волости Орского уезда 23,53% дворов были безлошадными и 31,37% — однолошадными²; в дер. Юлдыбаево той же волости безлошадных хозяйств насчитывалось 23,17% и однолошадных — 46,34%³. Хозяйства,

¹ В неурожайные 1897—1898 гг. башкиры Уфимской губернии лишились 18% крупного и 33% мелкого скота. — М. П. Красильников. Указ. соч., стр. 34.

² ГАОО, ф. 31, оп. 1, д. 22, лл. 4—8.

³ Там же, д. 23, лл. 6—13.

имевшие по 4 и более лошадей на двор, в дер. Ниязгулово составляли 6%, а в дер. Юлдыбаево — 14,5%.

Таким образом, к концу XIX в. скотоводство перестало быть ведущей отраслью хозяйства башкир не только Уфимской, но и Оренбургской губернии. «Башкир далеко уже не скотовод, каким его многие по сие время считают...», — писал М. В. Лоссиевский в 1900 г.¹

Потеряв пастбищные угодия и лишившись значительной части скота, башкиры вынуждены были искать другие источники средств к жизни. В волостях, где географические и климатические условия благоприятствовали земледелию, они расширяли хлебопашество. Но в обстановке жестокой колонизаторской политики царизма это было нелегко. К тому же многие башкиры, потеряв в кантонный период управления хозяйственную самостоятельность из-за опеки начальства, не смогли быстро приспособиться к условиям бурно развивавшегося капитализма и разорялись. В 1885 г. оренбургский губернатор писал, что «печальное... состояние башкирского племени может быть объяснено только неспособностью его приноровить свой образ жизни к новым условиям...»².

Расширение посевных площадей требовало необходимого количества семян, рабочего скота и земледельческих орудий. Их большинство башкир не имело и не могло приобрести, так как у них не было средств. «Без денег ныне и с землей ничего не поделаешь», — указывал В. И. Ленин в брошюре «К деревенской бедноте»³. Оказавшись в безвыходном положении, трудящиеся башкиры сдавали свои оставшиеся земли в аренду зажиточным башкирам или соседним крестьянам, большей частью кулакам, а сами шли к своим же арендаторам в батраки или на отхожие промыслы. «Какую злую иронию, — писал В. Михайлов в 1897 г., — представляет собой обычная картина голодного башкира, работника из милости, царапающего сохой собственную же землю, отданную в аренду за несколько пудов муки»⁴.

Тем не менее после крестьянской реформы хлебопашество получило широкое развитие среди башкирского населения. Уже в 1868 г. уфимский губернатор докладывал царю, что «с уничтожением у башкир войскового устройства и слиянием их с русским населением в общем составе волостей и мировых участков, башкиры стали заметно осваиваться с условиями и потребностями цивилизованного быта и с каждым годом все более привыкают к земледелию, так что в предшествовав-

¹ М. В. Лоссиевский. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903, стр. 7.

² ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 54, л. 55.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 7, стр. 153.

⁴ В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897, стр. 9.

шем году запашки... сделаны были ими уже в гораздо более значительных против прежнего размерах и к занятиям земледельческим обратилось много и таких из них, которые прежде никогда не обрабатывали своих земель»¹.

Следует заметить, что сообщения местных должностных лиц о развитии земледелия среди башкирского населения противоречивы. В отчетах о своей деятельности они подчеркивают быстрое развитие земледелия у башкир. В документах же, в которых местные власти добиваются расхищения башкирских земель или усиления колонизации края, башкиры изображаются, как ленивый народ, не любящий труд земледельца. Тот же уфимский губернатор, доказывая необходимость усиленного заселения Башкирии переселенцами из внутренних губерний, писал в 1873 г., что земледелие «составляет лишь принадлежность меньшинства башкирского населения, большая часть которого вовсе не занимается обработкой земли, ограничиваясь незначительными покосами, иногда рыболовством и охотой и, затем, проводя остальное время в полнейшей праздности, летом, в степных местах, удаляясь на кочевку, а зимой по несколько раз в день отправляясь в мечеть, или разъезжая с женами на базары и по гостям»². Так говорится о башкирах Уфимской губернии, преобладающая часть которых еще в 60-х годах занималась хлебопашеством.

Большинство документов, а также статистические материалы свидетельствуют, однако, о росте земледелия среди башкирского населения. Правда, рост этот не был равномерным по отдельным годам. Неурожаи хлебов, повторявшиеся в крае через каждые 3—4 года, расстраивали хозяйство и вызывали сокращение посевов. Ряд урожайных лет уходил на восстановление хозяйства. Но тем не менее хлебопашество среди башкир продолжало развиваться. Так, например, в Уфимской губернии (без Бирского и Стерлитамакского уездов) среднегодовая площадь посева у башкирского крестьянства в 1878—1880 гг. составляла 304057, в 1883—1884 гг. — 334444, в 1885—1887 гг. — 410657 четвертей³.

В Оренбургской губернии башкирского посева было меньше, чем в Уфимской. Это и понятно. В Уфимской губернии проживало башкир в 3 раза больше, чем в Оренбургской. Не следует также забывать тот факт, что среди оренбургских башкир земледелие стало распространяться сравнительно поздно. Несмотря на это, они имели заметные сдвиги в хлебопашестве. Если в 1875—1877 гг. среднегодовая посевная площадь башкир Оренбургской губернии равнялась 62495

¹ ЦГА БАССР, ф. 9, оп. 1, д. 1677, лл. 38—39.

² ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14337, л. 11.

³ Отчеты уфимского губернатора и обзоры Уфимской губернии за соответствующие годы.

четвертям, то в 1879—1881 гг. она составила 81540, а в 1882—1885 гг. достигла 105739 четвертей¹.

Земледелие охватывало все большую часть башкирского населения. По статистическим сведениям 1876 г. в Челябинском, Оренбургском и Троицком уездах не имели посевов лишь единичные деревни, находившиеся в гористых местах и не располагавшие удобными для хлебопашества угодиями².

Во второй половине 80-х годов в Башкирии почти ежегодно повторялись недороды хлебов, а в 1891 г. как Уфимскую, так и Оренбургскую губернии постиг сильнейший голод, нанесший огромный урон крестьянскому, особенно башкирскому, земледелию. Тем не менее успехи хлебопашества в башкирском хозяйстве были значительны. Размеры посевов башкир-вотчинников и крестьян других разрядов Уфимской губернии по сведениям 1899 г. даны в табл. 7³.

Таблица 7

Уезды	Приходится посева в среднем на 1 двор, дес.		Процент беспосевных дворов	
	у башкир-вотчинников	у крестьян др. разрядов	среди башкир-вотчинников	среди крестьян др. разрядов
Мензелинский	3,98	4,35	2,00	2,52
Бирский	3,91	4,57	5,95	3,53
Белебеевский	3,99	4,90	8,72	5,74
Западная половина Уфимского уезда	3,27	4,81	10,48	5,56
Западная половина Стерлитамакского уезда	2,70	7,17	13,06	5,27
Златоустовский	3,19	4,82	20,27	41,10

Итак, в Мензелинском, Бирском и Белебеевском уездах на одно хозяйство башкир-вотчинников приходилось в среднем около 4 дес., а на одно хозяйство крестьян других разрядов — от 4,35 до 4,90 дес. посева. Беспосевные дворы среди башкир-вотчинников составляли от 2,0 до 8,72%, а среди крестьян других разрядов — от 2,52 до 5,74%. Следовательно, в конце XIX в. хлебопашество у башкирского населения этих уездов находилось почти на уровне земледелия русских, татарских, чувашских и других крестьян, издавна занимавшихся хлебопашеством.

¹ Отчеты оренбургского губернатора и обзоры Оренбургской губернии за соответствующие годы.

² ГАОО, ф. 164, лд. 50, 51, 52, 53, 57.

³ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год». Уфа, стр. 2—81.

В западной половине Уфимского и Стерлитамакского уездов посевная площадь у башкир-вотчинников значительно уступала площади посева других разрядов крестьян. Вместе с тем здесь наблюдается большой скачок башкирского земледелия. На одно хозяйство вотчинников приходилось в среднем от 2,70 до 3,27 дес. посева. Сравнительно незначительно количество беспосевных хозяйств среди башкир, но все же в два раза больше, чем среди крестьян — исконных земледельцев.

Весьма характерны данные о посевах башкир-вотчинников Златоустовского уезда. В начале статьи было указано, что Златоустовский уезд входит в горно-лесной район, где основным занятием башкирского населения в конце XIX в., по мнению Р. М. Раимова, было скотоводство и отхожие промыслы, а по мнению автора — лесные промыслы. Из приведенной табл. 7 вытекает, что как первое, так и второе утверждения в отношении башкир этого уезда неточны. Ведущую роль в их хозяйстве играло хлебопашество. Правда, посевная площадь в 3,19 дес. на двор, а также наличие 20% беспосевных хозяйств не говорят еще о развитом земледелии.

Возникает вопрос, как же это в условиях горно-лесного Златоустовского уезда земледелие стало главным занятием башкирского населения? Дело в том, что юго-восточную горную часть уезда, неудобную для хлебопашества, занимало русское население, работавшее на горных заводах. Этим и объясняется большой процент беспосевных хозяйств среди русских крестьян. Башкирские волости находятся в центральной умеренно-холмистой части уезда в соседстве с русским земледельческим населением. Здесь, наряду с крутыми возвышенными и гористыми местами, имеются удобные для хлебопашества равнины. Сочетание это, разумеется, различное в отдельных волостях. Из 7 башкирских волостей уезда 3 волости (Белокатайская, Тарнаклинская и Дуван-Мечетлинская) располагают большей площадью удобных земель. Поэтому естественно, что хлебопашество среди вотчинников этих волостей было развито сильнее. В Белокатайской волости на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем по 4,76 дес., в Тарнаклинской — по 4,06 дес. и в Дуван-Мечетлинской — по 3,65 дес. посева. Беспосевные хозяйства в Белокатайской волости составляли 0,4%, в Тарнаклинской — 10%, в Дуван-Мечетлинской — около 17%¹. В остальных 4 башкирских волостях (Насибашевская, Больше-Кущинская, Мурзаларская и 2-я Айлинская) преобладают возвышенные, гористые и лесистые местности. Хлебопашество здесь развито значительно слабее. На одно хозяйство вотчинников прихо-

¹ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год», стр. 76—81.

дилось в среднем лишь по 2,5 дес. посева. Беспосевных хозяйств насчитывалось в Больше-Кущинской волости 17%, Насибашевской — 19%, Мурзаларской — 25% и во 2-й Айлинской — 39%¹.

Перейдем к Оренбургской губернии. Размеры посевных площадей башкирского населения и государственных крестьян Челябинского, Оренбургского и Троицкого уездов по данным 1895 г. представлены в табл. 8².

Таблица 8

Уезды	Приходится посева в среднем на 1 двор, дес.	
	у башкирского населения	у государственных крестьян
Челябинский	3,42	6,74
Оренбургский	2,78	4,54
Троицкий	2,21	—

Из табл. 8 видно, что в Челябинском и Оренбургском уездах на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем 2,78—3,42 дес. посева, т. е. значительно меньше, чем у государственных крестьян. В то же время у башкирского населения этих уездов, а также Троицкого уезда было столько же посевов, сколько имели вотчинники Златоустовского и западной половины Уфимского и Стерлитамакского уездов.

Таким образом, хотя земледелие у башкир Челябинского, Оренбургского, Троицкого, Златоустовского, западной половины Уфимского и Стерлитамакского уездов еще и отставало от земледелия русских крестьян, хозяйства которых носили высокотоварный характер, оно уже достигло уровня, необходимого для удовлетворения насущных потребностей башкирского населения и даже для отпуска хлеба на рынок. Например, в 1880 г. у башкир Златоустовского уезда после выделения семян и продовольственного хлеба осталось излишек зерна около 200 тыс. пудов³. По сообщению мирового посредника 1-го участка Челябинского уезда Кричинского, башкиры Метелевской, Карасевской и частью Черлинской, Мухаметкуловской, Сарт-Калмыкской, Катайской и Ичкинской волостей уже в 70-х годах были постоянными поставщиками хлеба на Челябинский базар⁴. «Башкиры означенных волостей, — писал Кричинский в 1871 г., — сбывают в течение зимы почти весь свой наличный хлеб, за исключением семян и на продовольствие, нуждаясь постоянно в деньгах,

¹ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год», стр 76—81.

² «Обзор Оренбургской губернии за 1895 год».

³ ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 1, д. 161, лл. 444—447.

⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14281, л. 4.

они по необходимости способствуют отчасти понижению базарных цен»¹.

В горно-лесных местностях (часть Златоустовского, восточная половина Уфимского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии, Верхнеуральский, Орский², часть Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии), где почвенные и климатические условия не позволяли занятию хлебопашеством, по мере сокращения скотоводства росло значение лесных промыслов. В 1881 г. Н. А. Гурвич писал, что характерной особенностью горных башкир Златоустовского, Уфимского и Стерлитамакского уездов является всеобщее влечение к лесной промышленности³. Разумеется, дело заключалось не только во влечении. У башкирского населения не было другого выхода. Оренбургский губернатор указывал в 1885 г., что «в лесных и гористых местностях Уральского хребта... башкирскому населению для удовлетворения даже весьма скромных своих потребностей остается одна лишь эксплуатация лесных материалов для сбыта их, или в виде разного рода деревянных изделий, чем горные башкиры и занимаются, или же продажного леса для сплава его лесопромышленниками в южные и степные пространства»⁴.

В Златоустовском уезде лесные промыслы состояли главным образом в вырубке леса для горных заводов в башкирских и заводских дачах. В горно-лесных волостях Уфимского и Стерлитамакского уездов развито было мочальное производство, распиловка досок, выработка клепок, обручей, бочек, кадок, посуды, мебели, телег, колес, полозьев, саней, дуг, лопат и других изделий, а также заготовка леса на продажу. Лесные изделия изготавливались башкирами в своих и частновладельческих дачах. В «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии» указывается, что башкиры Калчир-Табынской волости Стерлитамакского уезда «снимают луб, мочат мочало, изготавливают корье — или в своем лесу или в соседних дачах, по найму; вьют веревки, изготавливают кадки для меда, полозья, лопаты; работают при погрузке лесных материалов на пристанях...»⁵. При выработке лесных изделий в своих дачах башкиры продавали часть из них окрестному населению на местных базарах, а остальные — скупщикам. Жители дер. Уразбаево Азнаевской волости Стерлитамакского уезда «снимают всем селением до 1000 пу-

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14281, л. 4.

² В Верхнеуральском и Орском уездах имелись и удобные для земледелия места. Там проживали оренбургские казаки и занимались хлебопашеством.

³ ЦГА БАССР, ф. 148, оп. 1, д. 171, л. 25.

⁴ ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 54, лл. 36—37.

⁵ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2. Самара, 1899, стр. 89—90.

дов корья и сдают его на месте скупщику по 5 коп. за пуд; лыка продают до 6000 шт. по 1 рублю за 1000; ткут из хозяйского мочала кули, по 4 коп. с куля на своем содержании; за зиму изготавливают до 5000 кулей; приготавливают до 700 станов колес, продаваемых по 1—2 рубля за стан; до 100 человек ходят весной и осенью к помещику Пашкову рубить дрова, получая на своем содержании 20—25 коп. в день»¹. В Орском и Верхнеуральском уездах преобладала заготовка леса для горных заводов и на продажу. В некоторых волостях было распространено изготовление упряжи, гонка дегтя и смолы².

Лесные изделия, а также строительный и дровяной лес весной сплавлялись по Бельскому и Сакмарскому речным бассейнам. Количество сплавляемого леса быстро росло. Если в 1866 г. по Бельскому речному бассейну прошло всего лишь 334 лесных плота, то в 1899 г. здесь грузилось 1628 лесных плотов. В 80-х годах в Оренбург ежегодно прибывало 100—120 тыс. бревен³.

Лесные промыслы охватывали все большую часть населения и к концу XIX в. превратились в ведущую отрасль хозяйства горно-лесных башкир. «Главным источником средств жизни для них (башкир. — Х. У.), — писал в 1903 г. непременный член Оренбургского губернского присутствия Эверман, — является лесной промысел, состоящий в вырубке и вывозке на продажу лесного материала; скотоводство же служит подспорьем таковому, давая необходимую для указанной эксплуатации леса рабочую силу и отчасти лишь принося самостоятельный в хозяйстве этих башкир доход...»⁴.

Вместе с тем горно-лесные башкиры, главным образом безлошадные, выполняли различные работы на горных заводах. Например, в Златоустовском уезде население Насибашевской волости занималось углежжением и добычей руды для Симских заводов; башкиры 2-й Айлинской волости рубили дрова для Златоустовского, Кусинского и Саткинского заводов⁵. В Макаровской волости Стерлитамакского уезда до 200 башкир работало на медных рудниках (здесь была развита также выделка мельничных жерновов)⁶. В Гирей-Кипчакской и Калчир-Табынской волостях того же уезда часть населения работала на рудниках Авзяно-Петровского и Зигагинского заводов⁷. Башкиры Орского, Верхнеураль-

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, стр. 1.

² «Оренбургский листок», 1883, 23 января.

³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2, стр. 204.

⁴ ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 431, л. 3.

⁵ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 6, стр. 10—29, 135—147.

⁶ ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 54, д. 183, л. 168.

⁷ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, стр. 44—47, 89—90.

ского и Троицкого уездов были заняты также на золотых приисках. «Тангауровская, 1 и 2 Бурзянские волости и 2 общества... Карагай-Кипчакской волости, — писал в 1889 г. орской уездный исправник, — занимаются незначительною частью хлебопашеством, работами на золотых приисках, рубкой, сплавом и продажей леса из своих вотчинных дач, деревянными изделиями...»¹.

В волостях, прилегающих к судоходным и сплавным рекам, население работало на пристанях, судах и плотах. По сообщению газеты «Оренбургский край», в 1905 г. на сплаве леса на Большом и Малом Ике было занято до 3 и более тысяч башкир². В ряде мест население уходило на сельскохозяйственные работы. Например, в дер. Кусялярово Мурзаларской волости Златоустовского уезда большая часть вотчинников в страдное время работала у русских крестьян ближайших поселков³. Башкиры 2-й Айлинской волости того же уезда уходили на полевые работы в Екатеринбургский уезд и Оренбургскую губернию. Причем, в деревнях Ургалы, Абсалямово, Тахтарово, Каскиново и Хайбатово отходники составляли почти половину домохозяев⁴. В «Сборнике статистических сведений...» указывается, что безлошадные башкиры деревень Арасланово, Старо-Мусино и Тюляково Араслановской волости Стерлитамакского уезда «нанимаются на сельскохозяйственные работы»⁵. В этом уезде отход на полевые работы был распространен также в ряде деревень Азнаевской, Ильчик-Темировской, Калчир-Табынской и Макаровской волостей⁶. Отходники уходили в степные волости уезда и в Оренбургскую губернию. В дер. Ахмерово Ильчик-Темировской волости «безлошадные нанимаются рубить дрова к соседним помещикам, летом уходят на сельскохозяйственные работы в степи»⁷.

Среди башкир, имеющих рабочий скот, в зимнее время широко практиковался извозный промысел. Так, в Стерлитамакском уезде население Араслановской волости возило руду из Оренбургской губернии на Воскресенский и Верхоторский медеплавильные заводы; башкиры Архангельской и Калчир-Табынской волостей возили чугуны с Зигаинского завода на карташевскую пристань; башкиры Гирей-Кипчакской и Макаровской волостей возили хлеб и разные товары из г. Стерлитамака на Авзяно-Петровский завод, а оттуда

¹ ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 75, л. 19.

² «Оренбургский край», 1906, № 77.

³ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 6, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 10—29.

⁵ Там же, т. 2, стр. 17—18.

⁶ Там же, стр. 1—10, 72—74, 89—90, 110—114.

⁷ Там же, стр. 73.

доставляли чугун на Табынскую пристань¹. Из обзора Оренбургской губернии за 1884 г. видно, что в Орском и Верхнеуральском уездах перевозкой медных и железных руд, а также лесных изделий занималось преимущественно местное башкирское население.

В ряде волостей продолжали существовать пчеловодство, охотничий и рыболовный промыслы. В 1889 г. орский уездный исправник писал, что башкиры 3-й Бурзянской волости, а также Аралбаевского и Кильдигуловского обществ Карагай-Кипчакской волости «специально занимаются пчеловодством, рубкою, сплавом и продажей леса из своих дач, деревянными изделиями, звероловством и охотою на птиц»². Башкиры дер. Мулдакаево Урман-Кудейской волости Уфимского уезда «работают на заводах; рубят лес; занимаются охотой и некоторые — рыбной ловлей, — всеми этими промыслами исключительно и кормятся»³.

В удобных для земледелия местах горно-лесные башкиры, наряду с различными промыслами, занимались также хлебопашеством. Правда, размеры посевов были незначительные. В восточной половине Уфимского уезда на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем по 1,30 дес., в восточной половине Стерлитамакского уезда — по 0,63⁴, в Орском уезде — по 1,04 и в Верхнеуральском уезде — по 0,86 дес.⁵ посева. Много было беспосевных хозяйств. Например, в восточной половине Уфимского уезда беспосевные дворы составляли 33,36%, а в восточной половине Стерлитамакского уезда — 40,61%⁶. При этом следует заметить, что внутри уездов состояние земледелия было не везде одинаковым, ибо одни волости располагали меньшими, а другие сравнительно большими удобствами для хлебопашества. Так, в Урман-Кудейской волости Уфимского уезда на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем лишь по 0,21 дес. посева (беспосевных дворов насчитывалось 65%)⁷. В Гирей-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда, в 3-й Бурзянской волости Орского уезда и в Катайской волости Верхнеуральского уезда земледелия вовсе не было. В то же время вотчинники Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда имели на один двор в среднем по 1,81 дес. посева (беспосевные

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, стр. 16—23, 44—47, 89—90, 110—114.

² ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 75, л. 19.

³ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 1, стр. 735.

⁴ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год», стр. 2—29.

⁵ «Обзор Оренбургской губернии за 1895 год».

⁶ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год», стр. 2—29.

⁷ Там же.

хозяйства составляли 24%)¹. Во второй Усерганской волости Орского уезда на одно башкирское хозяйство приходилось в среднем по 2,41 дес. посева (беспосевных дворов было 15%)². Здесь имелись отдельные хозяйства, занимавшиеся хлебопашеством в крупных размерах. Например, в 1901 г. башкир дер. Куват-Бикбердино Абдулгани Куватов имел в запасе 6000 пудов, башкир дер. Юлгутино Садык Янтимиров — 15000 пудов хлеба³ и т. д.

Таким образом, во второй половине XIX в. в хозяйстве башкирского населения произошли резкие изменения. Скотоводство, являвшееся основным занятием башкир восточных уездов, уступило свое место в степных и лесостепных волостях земледелию, а в горно-лесных местностях — лесным, отхожим и прочим промыслам. В западных земледельческих уездах еще больше расширилось хлебопашество.

••

Изменение хозяйственных условий жизни башкир усилило переход их к оседлости. «Кочевки,—писал Н. А. Гурвич в 1882 г., — ... особенно стали сокращаться со второй половины настоящего столетия, вместе с изменением административных и экономических условий башкир и юридическим регулированием их поземельных прав... В последнее время кочевки в Уфимской губернии становятся у нас редкими, теряют свой типичный режим...»⁴.

В Златоустовском и Уфимском уездах к 80-м годам XIX в. башкирское население, очевидно, перестало выезжать на летние кочевки. В «Статистических очерках станов Уфимской губернии», составленных в 1881 г., совершенно не упоминается кочевое хозяйство у башкир этих уездов.

В Белебеевском уезде башкиры Альшеевской, Казангуловской, Зильдяровской, Гайниямакской и Чукадытамаковской волостей продолжали еще выезжать на летние кочевки. «Долина реки Демы, — говорится в «Статистических очерках», — ... и в настоящее время летом, в самых характерных поэтических очертаниях, представляет не совсем еще отживший здесь прежний лирический век Башкирии. Жители этой местности с начала весны оставляют селения и выкочевывают на степи, где до глубокой осени предаются полному кейфу, попивая кумыс...»⁵. Значение кочевок здесь несколько преувеличено, ибо башкиры имели уже значительное хлебопашество. В последнее время земледелие «в этой местности

¹ «Сведения о площадях посева в крестьянском хозяйстве Уфимской губернии на 1899 год», стр. 2—29.

² ГАОО, ф. 30, оп. 1, д. 13, лл. 25, 57.

³ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 17, лл. 10—11.

⁴ «Статистические очерки Уфимской губернии», вып. 2. Скотоводство. Уфа, 1882, стр. 7.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 148, оп. 1, д. 171, л. 115.

начинает значительно усиливаться, так что в прошлом 1880 году весьма многие из состоятельных не только имели достаточное количество хлеба для собственного употребления, но и для продажи, в особенности пшеницы»¹. Менее состоятельные башкиры сдавали земли в аренду и нанимались к своим же арендаторам на посевные и уборочные работы, или уходили на заработки в Бузулукский уезд и в города Оренбург и Уральск². Так что далеко не многие башкиры могли выезжать на летние кочевки, а еще меньше — предаваться «кейфу». В «Статистических очерках Уфимской губернии» указывается, что «экономическое значение кочевков сохранилось в этих местах только для немногих зажиточных жителей, имеющих достаточное скотоводство; для остальных же летних кочевников, кочевки сохранили только свое традиционное... влечение, без всяких экономических мотивов»³.

В значительной степени кочевки сократились в Стерлитамакском уезде. К 80-м годам XIX в. в западной части уезда выезд на летние кочевки сохранился лишь в отдельных местностях. Причем это делалось «больше по традиционной привычке, чем вследствие экономических условий»⁴. В горнолесных волостях хозяйств, выезжающих на летние кочевки, было больше. В Гирей-Кипчакской волости Стерлитамакского уезда «летом с мая месяца до сентября жители проживают со скотом в кочевках...», — писал в 1883 г. член Стерлитамакской уездной земской управы Кутлююмов⁵. Но и в горнолесных волостях многие башкиры не могли выезжать на кочевки, так как не имели скота.

Переход башкир к оседлости усилился и в Оренбургской губернии. В 1874 г. оренбургский губернатор докладывал царю, что башкиры, «оставляя постепенно свой прежний кочевой характер, в особенности в уездах Челябинском, Троицком и частью в других... год от году все более и более начинают свыкаться с оседлою жизнью и таким образом, в силу необходимости, становятся уже хлебопашцами»⁶.

Тем не менее оренбургские башкиры не отвыкли еще полностью от летних кочевков. «В конце мая, — писала газета «Оренбургский листок» в 1878 г., — уже появляются всходы молодого хлеба; тем временем башкир номад по природе, занимающийся более скотоводством и сенокосом, не может усидеть дома... В избах заколачивают ставни и двери; с криком, с шумом поднимаются башкирские семьи, ... и так

¹ ЦГА БАССР, ф. 148, оп. 1, д. 171, лл. 117—118.

² Там же, лл. 116—117.

³ «Статистические очерки Уфимской губернии», вып. 2. Скотоводство, стр. 7.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 148, оп. 1, д. 171, л. 99.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 54, д. 197, л. 163.

⁶ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14419/1, л. 3.

как начальство воспрещает кочевки, то преимущественно выселяются на лето около своих же деревень: на опушке леса, на реке, на озере или у какого-нибудь ручья ставят кибитки, а иногда и шалаши из драниц и лубков, лицом к северу, чтобы защититься от солнца...»¹.

Здесь говорится о запрещении начальством кочевок. Необходимо заметить, что в пореформенный период насильственные меры перевода башкир к оседлости не поощрялись. В 1863 г. оренбургский губернатор указывал мировому посреднику 5-го участка Оренбургского уезда, что «в настоящее время крутыми и строгими мерами прекратить окончательно башкирских кочевок, по мнению моему, не представляется удобным, так как приучать их к оседлости и труду нужно постепенно»².

Башкиры кочевали возле своих деревень отнюдь не из-за запрещения властями кочевок, а в результате малоземелья и малочисленности скота. Не малую роль в этом играло также развитие земледелия, так как полевые работы вынуждали население держаться вблизи своих посевов и даже возвращаться в деревни. Корреспондент газеты «Оренбургский листок» А. Емельянов писал в 1876 г., что в Орском уезде в местностях, прилегающих к землям казачества, башкиры, «хотя и выходят на кочевки, но дважды в течение лета возвращаются к своим зимовкам: для сенокоса и жатвы»³.

Разумеется, и около своих деревень могли кочевать лишь более или менее зажиточные хозяева. Бесскотные и малоскотные башкиры нанимались в батраки или уходили на отхожие промыслы. А. Емельянов указывал, что «не все башкиры этой местности выходят в «коши», часть из них идет в заработки на золотые промысла, находящиеся в логах и отрогах Ярендыка, — и в страдное время к линейным казакам...»⁴.

К 80-м годам в ряде деревень и даже волостей губернии кочевки вовсе прекратились. Например, в 1867 г. башкиры Бурджанской, Бушман-Суун-Каракипчакской и Каракипчакской волостей Оренбургского уезда составили приговоры о прекращении кочевок и содержании скота под присмотром пастухов в отведенных местах, а также об отказе богатым хозяевам в безвозмездном пользовании общинными землями для кочевок. Приговоры были утверждены мировым посредником Нигматуллиным, кстати противником кочевого хозяйства, и вступили в силу. Многоскотным башкирам это не понравилось, и они подали оренбургскому губернатору жало-

¹ «Оренбургский листок», 1878, 24 декабря.

² ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 94, л. 5.

³ «Оренбургский листок», 1876, 15 августа.

⁴ Там же.

бу с просьбой отменить распоряжение мирового посредника о запрещении кочевков. На основании этой жалобы оренбургский губернатор и дал приведенное выше указание о нецелесообразности применения строгих мер для прекращения кочевков¹.

В 1872 г. башкиры дер. Исаево Метелевской волости Челябинского уезда составили приговор о выделении им причитающейся «части земли из кочевого места, находящегося в общем пользовании вотчинников волости». Решение было мотивировано тем, что «они (исаевцы.— Х. У.) по неимению скота не кочуют в общем кочевом месте, кочевым местом не пользуются наравне с прочими вотчинниками, а потому желают разделить кочевое место по числу душ, дабы доставшуюся... часть земли они могли употребить для распашки, или отдавать в аренду...»².

Прекращение кочевков наблюдалось и в других местностях Оренбургского, Челябинского и Троицкого уездов. Газета «Оренбургский листок» в 1878 г. писала, что «в настоящее время, по бедности некоторых деревень, башкиры вовсе не выходят на кочевку и нанимаются в работники, но привычка к жизни номадов до того в них сильна, что они тоскуют о своих кочевках»³.

В Орском и Верхнеуральском уездах на летние кочевки выезжала значительно большая часть населения. А. Емельянов, характеризуя образ жизни бурзянских башкир (Орский уезд), писал: «В настоящее время, обратясь в мирных хлебопашцев, скотоводов, лесных и звериных промышленников, они значительно освоились со своим положением, но тем не менее не могут еще отвыкнуть от... любимых ими кочевков... Летом все, кто только имеет малейшую возможность, выходят в «коши», где проводят время до глубокой осени, перекочевывая с места на место, иногда на расстоянии несколько десятков верст от своих зимовок»⁴.

Таким образом, горно-лесные башкиры, располагавшие сравнительно большими земельными угодьями, продолжали кочевать и на отдаленных местностях. Но на кочевки выезжали лишь те хозяева, которые имели «возможность», т. е. скот. Бедняцкие массы уходили на отхожие промыслы или нанимались в работники к многоскотным башкирам. «Во время кочевков, — продолжает А. Емельянов, — богатые исключительно предаются кейфу, т. е. лежат, пьют кумыс, едят баранину, устраивая по временам празднества, заключающиеся в скачке, борьбе, охоте за медведями, обижающими их стада. Бедные же за турсук кумысу, фунт чаю, кусок ло-

¹ ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 94, лл. 1—6.

² Там же, д. 107, л. 51.

³ «Оренбургский листок», 1878, 24 декабря.

⁴ «Оренбургский листок», 1876, 15 августа.

шадиного мяса, или обрывок какого-нибудь ситца работают на богатых: стерегут их стада, снимают хлеб и косят сено»¹. Многие башкиры занимались во время кочевок лесными промыслами и охотой.

Переход башкир к оседлости еще больше усилился в последней четверти XIX в. В Белебеевском уезде Уфимской губернии к концу XIX в. не сохранилось ни одной кочевки. В «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии» указывается, что вотчинники Белебеевского уезда «переживают еще воспоминания своего кочевого быта, переход от которого к полной оседлости совершался перед глазами не совсем старой еще части этого населения. «Коши» — привольные всеми угодами места кочевых стоянок — еще и теперь знакомы молодому поколению, а когда-то, десять другой лет, кочевавший по ним башкир, номад в душе и частью зверолов, указывает на них с восхищенным умилением, переживая при этом минуты мучительного большого кругом оскудения»².

Кочевки исчезли и в западной половине Стерлитамакского уезда. «Башкиры еще недавно были номадами, переходили со стадами значительные пространства, останавливаясь летом на особых летовочных местах (джайлявах), а зимой возвращались обратно к зимовкам... С течением времени, с отчуждением земель, кочевки башкир сокращались, летовочные места вместо общего сборища многих родов представляли уже летнюю стоянку в недалеком расстоянии от зимовок, чтобы только освежить подножный корм около последних, и, наконец, совсем прекратились»³. Аналогичный процесс происходил также в восточной части уезда. К концу XIX в. в большинстве горно-лесных волостей население перестало кочевать. Только в некоторых деревнях Гирей-Кипчакской, Макаровской и Калчир-Табынской волостей сохранились кочевки, куда выезжало летом незначительное число зажиточных башкир. В «Сборнике статистических сведений...» отмечается, что в дер. Кулгуни Гирей-Кипчакской волости «скот богатых пасется по земле Лаптева по условию, составленному при покупке земли, там же у них и кочевки, а у бедных скот пасется около селений»⁴. В Макаровской волости в одних деревнях скот паша только по выгону, в других — по всем полям (до уборки хлебов и сена — по выгонам, после — по пашням и покосам), а в третьих — по лесным угодиям и ко-

¹ «Оренбургский листок», 1876, 15 августа.

² «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 4, стр. 132.

³ Там же, т. 2, стр. 50.

⁴ ЦГА БАСССР, ф. 132, оп. 1, л. 840, л. 19.

чевкам¹. В дер. Старо-Арметьево этой волости «излишек скота у 10 дворов пасется на кочевках»². В Калчир-Табынской волости выезд зажиточных хозяев на летние кочевки имел место в деревнях Сабаево и Коварда; в остальных деревнях кочевки прекратились³.

К концу XIX в. перестала кочевать подавляющая часть населения Оренбургского, Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии. «Пятнадцать лет назад, — писал в 1906 г. корреспондент газеты «Оренбургский край» Ф. Н. Лебедев, — летом башкирская деревня пустела: она вся со всем скарбом и скотом выселялась на кочевку... Теперь башкир чаще всего и лето проводит в деревне, вынося только все во двор: котел, в котором варится мясо и мочится грязное белье, и постель; во дворе он ест, пьет, спит и проводит свободное время»⁴. Лишь в отдельных местностях состоятельные башкиры по старой традиции продолжали выезжать на летние кочевки. «Вот вдали, — продолжает Ф. Н. Лебедев, — зеленеет лесок с признаками загороди. Это так называемая кошевая паскотина. Здесь летом можно встретить 5—10 семей башкир-дачников... По старой, забывающейся теперь привычке зажиточные башкиры выезжают летом и ставят войлочные или березовые коши на берегу речки или озера»⁵. Иногда такой выезд вызывался отдаленностью пашен и сенокосов. Т. Л. Хитрово писал, что состоятельным башкирам переселение на кочевку «часто прямо необходимо, так как нередко пашни и покосы слишком удалены от деревни и ежедневно возвращаться с работы домой за десятки верст невозможно»⁶.

В Орском и Верхнеуральском уездах летние кочевки встречались чаще и были связаны с лесными и другими промыслами. Лето башкиры со своими семьями проводили в лесу, где они рубили лес, замачивали мочало, изготавливали различные деревянные изделия, гоняли смолу и деготь, добывали руду и золото, заготавливали сено; рядом на горных лугах пасся их скот. В 1891 г. управляющий приисками золотопромышленника Горяева докладывал инспектору VIII Оренбургского горного округа, что «контингент горнорабочих на принадлежащих К. П. Горяеву приисках состоит исключительно из кочующих башкир... Рабочие живут зимой, когда их очень мало, на своих зимовьях, а летом в своих кочевках»⁷. Только

¹ «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 2, стр. 110.

² Там же, стр. 112.

³ ЦГА БАССР, ф. 132, оп. 1, д. 824, л. 6.

⁴ «Оренбургский край», 1906, 2 июня.

⁵ Там же.

⁶ Т. Л. Хитрово. Урал. М., 1905, стр. 122—123.

⁷ ГАОО, ф. 156, оп. 1, д. 26, л. 11.

небольшое число многоскотных башкир выезжало на кочевки специально для прокорма своего скота.

Итак, к концу XIX в. в Уфимском, Златоустовском и Белебеевском уездах и в западной половине Стерлитамакского уезда Уфимской губернии кочевки совершенно исчезли. В восточной половине Стерлитамакского уезда и в Оренбургской губернии летние кочевки сохранились лишь в некоторых волостях. Но и там они имели хозяйственный интерес только для богатых скотом дворов, а для малоскотных башкир, составлявших основную массу населения, кочевки уже потеряли свое прежнее экономическое значение.

Изменились летовочные жилища. В 1899 г. Д. П. Никольский указывал, что теперь башкир живет «уже не в богатой кибитке из белой кошмы, роскошно убранной внутри коврами и подушками, как это было в старое время, а в простых шалашах, устраиваемых тут же в урмане (лес) из древесных сучьев, покрытых травой и берестой»¹. Войлочные кибитки сохранились лишь у некоторых наиболее зажиточных башкир степных и предгорных волостей. Малосостоятельные семьи жили на летовках в конусообразных шалашах, покрытых корой, ветками, берестой или войлоком, а также в балаганчиках (аласык), обшитых лубом и берестой. Горно-лесные башкиры устраивали небольшие бревенчатые избы (бурама) с земляным полом, без потолка, с двускатной крышей из драниц и луба².

Башкиры стали лучше готовиться к зиме. Несмотря на уменьшение сенокосных угодий, они заготавливали сено в значительных размерах. В урожайные годы башкиры Уфимской губернии полностью обеспечивали свой скот кормами. Это в какой-то мере было связано с уменьшением потребности в кормах из-за сокращения поголовья скота, но основную роль здесь, несомненно, играл переход башкир к стойловому содержанию скота в зимний период. Автор не располагает материалами о количестве потребного и заготовленного башкирами сена по всем уездам Уфимской губернии. Приведем данные по Златоустовскому уезду. В 1896 г. башкиры этого уезда накосили 48124 стога сена, а для зимовки скота им требовалось 47350 стогов³. Разумеется, не всегда башкирам удавалось обеспечить скот кормами. В неурожайные годы они заготавливали сено явно недостаточно. В 1878 г. башкиры того же Златоустовского уезда собрали сена 28855 стогов при

¹ Д. П. Никольский. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, стр. 48.

² Подробное описание башкирских летних жилищ читатель найдет в работах: С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 200—217; Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963, стр. 67—69.

³ ЦГА БАСССР, ф. 11, оп. 54, д. 215, лл. 223—226.

потребности в 35629 стогах¹. В Белебеевском и Стерлитамакском уездах обеспеченность башкирского скота сеном была приблизительно такой же, как и в Златоустовском уезде. Башкиры Мензелинского и Бирского уездов заготавливали сена меньше, что объяснялось малой площадью сенокосных угодий. Кроме сена на корм скоту шла также солома. На западных склонах Урала башкиры, в случае нехватки сена, подкармливали скот ветками молодых лиственных деревьев. «Для этого, — писал А. Кутлюмов, обследовавший в 1882 г. Макаровскую волость Стерлитамакского уезда, — истребляется тысячи возов молодого илемника. Кроме употребления его для собственного скота, некоторые башкиры продают его в смежные деревни...»².

Усилилась заготовка кормов и в Оренбургской губернии. Правда, здесь башкиры, располагая более значительными пастбищными угодьями, продолжали выгонять нерабочих лошадей на тебеневку. «Заготовление для скота корма на зиму, — писал в 1882 г. орский уездный исправник, — производится только для рабочих лошадей, коров и мелкого скота, остальная вся скотина ходит косяками в степи, добывая себе пищу из глубоких снегов...»³. Тут исправник не совсем точен. В урожайные годы башкиры заготавливали сена больше, чем требовалось для содержания рабочих лошадей, коров и мелкого скота. Излишки кормов они продавали. Продажа сена была распространена и среди башкир Уфимской губернии. Но там запасы кормов оставлялись в расчете на всех лошадей. В Оренбургской же губернии нерабочие лошади в расчет не принимались. Лишь наиболее состоятельные хозяева держали запасы сена для подкорма гулящего скота во время гололедицы и бурана. В неблагоприятные годы сена не хватало и для рабочих лошадей. В «Обзоре Оренбургской губернии за 1884 год» указано, что «уборке сена мешали беспрерывные дожди, отчего очень много скошенной травы погнило... Особенно ощутительный вред нанесен был башкирам... Катайской волости Верхнеуральского уезда... Башкиры эти занимаются исключительно вырубкою и вывозкою леса, а также изготовлением разных лесных изделий. Постоянное ненастье... лишало катайских башкир возможности заготовить необходимое для продовольствия домашнего скота и рабочих лошадей сена. За негодностью же, вследствие того, последних к вывозке заготовленного башкирами леса и выделенных на продажу лесных изделий катайцы вынуждены были просить ссуду на приобретение как хлеба, так и сена»⁴.

¹ ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 54, д. 152, лл. 115—116.

² Там же, д. 183, л. 169.

³ ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 75, л. 19.

⁴ «Обзор Оренбургской губернии за 1884 год», стр. 5.

Башкирское население постепенно отказывалось от тебеневки. В Мензелинском и Бирском уездах тебеневка прекратилась к 80-м¹, в Златоустовском и Уфимском — к 90-м годам². К концу XIX в. тебеневка исчезла, видимо, и в Белебеевском и Стерлитамакском уездах. В архивных и опубликованных источниках этого периода она совершенно не упоминается. Перестали выгонять скот на тебень многие башкиры Оренбургской губернии. «К началу XX в., — пишет С. И. Руденко, — ...за исключением узкой полосы зауральских степей, где места бытовало пастушеское скотоводство с тебеневкой, в Башкирии повсюду было общераспространенным стойловое содержание скота с заготовкой на зиму большего или меньшего количества сена»³.

Заметно укрупнились населенные пункты. Башкиры северо-западных районов имели постоянные поселения еще до присоединения края к Русскому государству. В южных и восточных районах, где дольше существовало кочевое скотоводство, деревни возникли в XVII—XVIII вв.⁴

В первое время башкирские деревни насчитывали не более 25—30 дворов⁵. Когда деревня разрасталась, часть жителей оставляла ее и основывала новый поселок. С развитием хлебопашества и уменьшением земельных угодий выселения сокращались, а деревни укрупнялись. Размеры башкирских селений Уфимской губернии по сведениям 1902 г. приведены в табл. 9⁶.

Таблица 9

Уезды	Деревни со смешанным населением (вотчинники и припущенники)			Деревни, в которых жили только башкиры-вотчинники		
	кол-во деревень	в них дворов	приходится дворов на 1 дер.	кол-во деревень	в них дворов	приходится дворов на 1 дер.
Мензелинский	64	11189	174	77	8491	110
Белебеевский	61	10207	167	71	7333	97
Бирский	90	10687	118	182	14717	81
Уфимский	10	1097	109	54	4559	84
Златоустовский	10	990	99	96	6879	71
Стерлитамакский	16	2315	144	183	12499	68
Итого . . .	251	36485	145	663	54478	82

¹ «Статистические очерки Уфимской губернии», вып. 2. Скотоводство. стр. 4.

² ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 54, д. 294, лл. 154—184.

³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 123.

⁴ Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры, стр. 66.

⁵ Там же.

⁶ «Алфавит волостей и селений Уфимской губернии». Уфа, 1902, стр. 136—435.

Итак, в более чем четверти селений башкиры-вотчинники жили совместно с припущенниками (главным образом с татарами). Таких деревень особенно много было в северо-западных уездах, прилегавших к Прикамью и Поволжью. В восточных уездах преобладающая часть деревень состояла только из вотчинников. По числу дворов чисто башкирские деревни уступали смешанным селениям. Но они уже не мелкие. В густонаселенных Мензелинском, Белебеевском и Бирском уездах на одно селение вотчинников приходилось в среднем от 81 до 110 дворов.

Башкирские деревни укрупнились и в восточных уездах. В Уфимском уезде на одно селение вотчинников приходилось в среднем по 84, Златоустовском — 71 и Стерлитамакском — по 68 дворов.

Чтобы яснее представить себе размеры башкирских деревень, рассмотрим их по группам (табл. 10)¹.

Таблица 10

Группы селений	Число селений	%	Число дворов	%
Бирский уезд				
От 1 до 50 дворов	78	42,9	2045	13,9
51—100 »	52	28,6	3860	26,2
101—150 »	31	17,0	3773	25,6
151—200 »	12	6,6	2000	13,6
201 и более »	9	4,9	3039	20,7
Всего	182	100,0	14717	100,0
Стерлитамакский уезд				
От 1 до 50 дворов	78	42,6	2435	19,5
51—100 »	71	38,8	5063	40,5
101—150 »	23	12,6	2859	22,9
151—200 »	7	3,8	1202	9,6
201 и более »	4	2,2	940	7,5
Всего	183	100,0	12499	100,0

Следовательно, в Бирском уезде деревни, насчитывавшие до 100 дворов, составляли 71,5% всех селений, но в них проживало лишь 40,1% населения. Остальные 59,9% вотчинников жили в селениях, имевших более 100 дворов. В Стерлитамакском уезде крупных деревень меньше. Но они имелись. 40% вотчинников жили в селениях, насчитывавших более 100 дворов.

В Златоустовском уезде в крупных деревнях (100 и более дворов) проживало 43%, в Уфимском — 60, Белебеевском — 67 и в Мензелинском — 71% вотчинников².

¹ «Алфавит волостей и селений Уфимской губернии», стр. 136—435.

² Там же.

Перейдем к Оренбургской губернии. У нас не имеется материалов по всем уездам, поэтому вынуждены ограничиться данными отдельных волостей. Размеры башкирских селений по 130 деревням Орского уезда, Кубеляк-Телевской, Тамьяно-Тангауровской и Китайской волостям Верхнеуральского уезда приведены в табл. 11¹.

Таблица 11

Группы селений	Число селений	%	Число дворов	%
Орский уезд				
От 1 до 50 дворов	95	73,1	2879	52,2
51—100 »	31	23,8	2092	38,0
101 и более »	4	3,1	542	9,8
Всего	130	100,0	5513	100,0
Верхнеуральский уезд				
От 1 до 50 дворов	49	64,4	1445	38,7
51—100 »	21	27,6	1468	39,3
101 и более »	6	8,0	822	22,0
Всего	76	100,0	3735	100,0

В малонаселенной горно-лесной части Оренбургской губернии башкирские деревни значительно мельче, чем в Уфимской. В Орском уезде на одно селение вотчинников приходилось в среднем по 42 двора, Верхнеуральском — 49 дворов. Здесь мало крупных селений. В этом, видимо, несколько отразилось время сбора сведений. По Орскому уезду они собраны в 1876 г., по Верхнеуральскому — в 1887 г. Но тем не менее табл. 11 показывает заметное укрупнение деревень. От 48 до 61% населения этих уездов проживало в селениях, которые насчитывали более 50 дворов.

В юго-восточных степных районах деревни башкир-вотчинников были крупнее. Например, в 1889 г. в Султаевской, Метелевской, Черлинской, Мухаметкулевской, Сарткалмыкской, Карагасевской и Китайской волостях Челябинского уезда на одну башкирскую деревню приходилось в среднем по 61 двору. Распределение их по группам селений показано в табл. 12².

¹ ГАОО, ф. 164, оп. 1, дд. 54—56, 116—117.

² Там же, ф. 10, оп. 1, д. 75, лл. 120—374.

Группы селений	Число селений	%	Число дворов	%
От 1 до 50 дворов	69	54,4	2108	27,1
51—100 »	41	32,3	3041	39,0
101—150 »	10	7,8	1161	14,8
151 и более »	7	5,5	1487	19,1
Всего	127	100,0	7797	100,0

Хотя деревни, имевшие менее 50 дворов, и составляли еще больше половины селений, но в них проживала лишь четвертая часть населения. Основная же масса башкир жила в деревнях, которые насчитывали более 50 дворов.

Башкирские деревни располагались преимущественно у рек, озер. К началу XX в. типичным жилищем у башкир были бревенчатые дома. В степных зауральских и юго-западных районах у беднейшей части населения встречались плетневые и саманные избы. Башкирский двор был огорожен забором или плетнем, а иногда жердями. Кроме избы во дворе находились помещения для скота, амбары, загоны, навесы и баня (в огороде). На юго-востоке, где позже распространилось земледелие, хозяйственных построек было меньше¹.

Подавляющая часть деревень имела правильную уличную планировку. В центре каждой деревни, насчитывавшей 50—60 и более дворов, находилась мечеть. В больших селениях их было несколько. Иногда мечети встречались и в поселениях из 20—30 дворов. На случай неурожая во всех деревнях были заведены хлебозапасные магазины (амбары). Кроме того, во многих деревнях имелись либо мельница, либо кузница, либо лавка, либо то и другое. В более или менее крупных селениях размещались школы (мектебе и медресе). Отдельные деревни, расположенные на оживленных путях сообщения, служили местными торговыми центрами. Как правило, это были крупные села. В них функционировали бакалейные, мануфактурные и винные лавки, проводились еженедельные базары и даже ярмарки.

Так, в середине 90-х годов в дер. Нуркеево той же волости Мензелинского уезда, имевшей 355 дворов, действовали 3 мечети, 2 хлебозапасных магазина, 5 бакалейных и мануфактурных лавок и харчевня. Каждую среду там бывали

¹ Подробное описание башкирских жилищ и усадеб дано в работах: С. И. Руденко. Башкиры, стр. 217—251; Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры, стр. 66—71.

базары, а с 5 ноября проводилась недельная ярмарка¹. Деревня Старо-Тураево Ермакеевской волости Белебеевского уезда состояла из 257 дворов. В ней действовали 2 мечети, медресе, кузница, хлебозапасный магазин, 2 мельницы, 2 обдирки, 6 мануфактурных и бакалейных лавок, 1 винная лавка и 22 базарных лавки. По субботам в деревне проводились базары, а с 14 по 21 ноября — ярмарка².

В ряде деревень встречались мелкие предприятия. Например, в 1896 г. в дер. Куллярво Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда было 62 крестьянских двора, мечеть, хлебозапасный магазин, 2 кирпичных заведения и 2 бакалейных лавки³. В том же уезде в дер. Кинзебаево Араслановской волости имелись 44 двора, мечеть, хлебозапасный магазин и 7 ободных заведений⁴. В дер. Бураево той же волости Бирского уезда, состоявшей из 744 дворов, действовали 5 мечетей, 3 медресе, 3 хлебозапасных магазина, 4 кузницы, 5 мельниц, 1 обдирка, 5 хлебопекарен, 1 красильня, 6 воскобойных заведений, 15 мелочных, бакалейных и мануфактурных лавок. В деревне 2 раза в год проводились ярмарки, а по вторникам — базары⁵.

Итак, к концу XIX в. процесс перехода башкир к оседлости и земледельческому хозяйству в основном завершился. Характеризуя образ жизни башкирского населения, корреспондент газеты «Уфимские губернские ведомости» И. В. Малахов писал в 1894 г.: «Миновало для башкир то время, когда они... перекочевывали с места на место: тогда были они кочевниками. Теперь же живут они все в деревнях, имеют свои дома, пользуются определенными земельными наделами, на которых занимаются хлебопашеством и другими промыслами и ремеслами и в этом отношении отличаются от крестьян или других оседлых инородцев разве только степенью своего благосостояния»⁶.

Переход башкир от скотоводческого хозяйства к земледельческому был мучительным для них процессом. В условиях жестокого колониального гнета, разумеется, иначе и не могло быть. Но тем не менее это был крупный прогрессивный шаг в экономическом развитии башкирского народа.

¹ «Полный список населенных мест Уфимской губернии». Уфа, 1896, стр. 282.

² Там же, стр. 377.

³ Там же, стр. 442.

⁴ Там же, стр. 468.

⁵ Там же, стр. 147; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. 5. Уфа, 1899, стр. 136.

⁶ «Уфимские губернские ведомости», 1894, 16 апреля.

А. З. АСФАНДИЯРОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УФЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В конце XVIII — первой половине XIX в. Россия переживала процесс разложения и кризиса феодального способа производства и вызревания буржуазных отношений. Это проявилось также в развитии городов.

Уфа была феодальным городом, но в нем уже складывались капиталистические отношения. Последние оказывали воздействие на развитие экономики и рост населения. Социально-экономические изменения были обусловлены и положением Уфы как крупного административного города на Южном Урале (1782—1796 гг. — центр Уфимского наместничества, 1802—1865 гг. — резиденция оренбургского гражданского губернатора).

К рассматриваемому периоду промышленных предприятий в Уфе было очень мало. В первой половине XIX в. их число заметно увеличилось (табл. 1)¹.

Таблица 1

Отрасли промышленности	Г о д ы						
	1800	1830	1839	1841	1850	1857	1861
Силикатная	—	—	—	27	33	19	22
Жировая и восковая	2	3	6	8	5	12	8
Пищевая	—	—	—	—	—	1	3
Химическая	—	—	—	—	—	—	1
Кожевенная	5	26	27	11	3	4	4
Всего	7	29	33	46	41	36	38

¹ «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.», ч. 2. СПб., 1863, стр. 5; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895, л. 50 об.; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 39, лл. 25, 74—75; д. 79, л. 1026; д. 80, л. 65; ф. 174, лл. 316—338; д. 347, лл. 165—166; д. 368; лл. 75—78; оп. 2, д. 64, вед. № 18; д. 67, лл. 105—106; д. 68, вед. № 18; ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 12741, л. 116.

Силикатная промышленность объединяла кирпичные заведения и изразцовое предприятие, жировая и восковая — мыловаренные, салотопенные и свечные заведения. Пищевое производство было представлено маслособойными и водочным предприятиями, химическое — поташным заводом. Вплоть до конца 30-х годов XIX в. заметное место в экономике города занимало кожевенное производство, которое затем сильно сократилось. В связи с расширением городского строительства быстро росли кирпичные предприятия; жировое и восковое заведения увеличивались медленнее. Что касается пищевого и химического производств, то они возникли лишь в конце 50-х годов. В целом количество промышленных заведений Уфы с 1800 по 1861 год увеличилось в 5,4 раза.

Объем промышленной продукции был незначителен, но он рос из года в год. В 1842 г. городские предприятия дали товаров на 70367 руб. серебром, а в 1861 г. — на 113130 руб.¹. В середине века в городе производилось 2600 шт. кожи, более 800 тыс. кирпичей, около 2500 пудов сала и 3000 пудов мыла².

Работа в промышленных заведениях осуществлялась вольнонаемными рабочими, но число их было невелико. В 1861 г. на 38 предприятиях числилось 149 рабочих³, т. е. в среднем по 4 человека на заведение. Это были мелкие капиталистические предприятия, основанные на применении ручного труда наемных рабочих, а крупных предприятий мануфактурного типа не имелось. На всех кирпичных заведениях работали русские рабочие, на кожевенных и мыловаренных — татары и башкиры⁴.

По данным 1860 г., средняя месячная заработная плата рабочих составляла на хозяйских харчах 3 руб., на своих — 6 руб.⁵

Владельцами промышленных предприятий были представители разных сословий. Кожевенные заведения принадлежали в основном крестьянам, кирпичные заводы — мещанам, частично купцам и дворянам, салотопенные предприятия — мещанам, крестьянину и купцу, свечные и мыловаренные — только купцам⁶. Большинство предприятий владели крестьяне Нижегородской слободы и мещане. В городе лишь 6 купцов и 4 дворянина занимались предпринимательством.

¹ «Экономическое состояние...», стр. 5; ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11082, л. 5; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 62, вед. № 18; д. 67, лл. 105—106, 110; д. 68, вед. № 18.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 347, лл. 166—167, 168.

³ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 409, лл. 113—113 об.; «Экономическое состояние...», стр. 5.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 39, лл. 25—75; д. 67, лл. 105—106, 110.

⁵ В. С. Шевич. Уфа. — «Памятная книжка Уфы на 1865 год», стр. 34.

⁶ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 39, лл. 25—75; д. 67, лл. 105—106, 110; д. 318, л. 131.

Кроме мелких промышленных предприятий в Уфе существовало ремесленное производство, игравшее определенную роль в жизни города. Точное количество ремесленников не поддается подсчету, так как в официальную статистику включались только цеховые ремесленники; помещичьи крестьяне, занимавшиеся ремеслом, не принимались на учет. Цеховых ремесленников в 1835 г. насчитывалось 83, в 1850 г. — 76, а в 1861 г. — 82 человека¹. Сведения о крестьянах-ремесленниках имеются лишь за 1835 г., когда их было 29 человек². Не всегда учитывались также ученики и работники цеховых ремесленников. По данным 1860 г., учеников числится 66 человек, а работников — 72.

Ремесленники подчинялись ремесленной управе, во главе которой стояли выборные ремесленный голова, 2 старшины, 3 их помощника и маклер. Если раньше ремесленная управа объединяла вечно-цеховых и временно-цеховых, то к середине века она состояла только из одних временно-цеховых³.

Постепенно расширялась специализация ремесленников. Если в 1798—1800 гг. в городе существовало 8 ремесленных специальностей, то в 1850—1860 гг. — 25⁴. Наиболее многочисленными были портные, сапожники, кузнецы, медники, серебряники, часовщики и столяры. Несколько увеличилась продукция ремесленников. В 1835 г. ими было произведено изделий на сумму 27540 руб. ассигнациями (9180 руб. серебром), а в 1861 г. — 14 тыс. руб. серебром. Капитал ремесленников составил в 1835 г. 69000 руб. ассигнациями⁵.

Между цеховыми ремесленниками и помещичьими крестьянами иногда возникали противоречия из-за заказчиков и покупателей. Так, цеховые жаловались Городской думе на то, что им мешают дворовые люди, занимающиеся их ремеслом⁶. Следует отметить, что цеховая организация ремесленного производства, свойственная отживающему свой век феодальному строю, являлась тормозом развития промышленности по пути капитализма.

Промышленная продукция и ремесленные изделия сбывались на месте. Торговля производилась в лавках, на базаре и на уфимской ярмарке. Лавочная торговля, свойственная буржуазным отношениям, постепенно становилась господствующей формой торговли в городе. Количество лавок заметно росло. Если в 1798 г. их было 30, то в 1837 г. стало

¹ «Экономическое состояние...», стр. 4; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, лл. 284—285; д. 409, л. 103; д. 436, л. 33.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 286.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4, лл. 254—255, 258—259.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895, л. 50 об.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 285 об.

⁶ Там же, лл. 284—285.

120, в 1857 г. — 148, в 1861 г. — 346¹. Кроме того, во время ярмарок сооружалось 125 подвижных лавок, 6 палаток, 101 балаган². Почти все постоянные лавки принадлежали частным лицам и располагались на Верхне-Торговой площади в районе гостиного двора. Существовала специализация. Имелись бакалейные, галантерейные, мелочные, москательные, конфетные, кондитерские, овощные, хлебные лавки, а также с красным (мануфактурным), пушным и бумажным товаром, с чаем и сахаром. Кроме того, было 2 магазина, 2 трактира, 2 харчевни и 9 питейных домов.

Вплоть до 1827 г. в Уфе был один базар в неделю, затем стали проводить его два раза — по вторникам и воскресеньям. По сведениям 1860 г., на каждом базаре торговля производилась на сумму до 3 тыс. руб.³ Кроме того, весной действовал так называемый нижний базар, когда десятки барж и судов останавливались у Оренбургского перевоза. Здесь продавались ведра, подковы, гвозди, чугунные изделия и др.

В 1812 г. в Уфе была учреждена ежегодная ярмарка местного значения, которая проводилась с 20 января по 1 февраля. Однако ярмарочная торговля, характерная для феодального периода, не смогла конкурировать с постоянной лавочной торговлей и постепенно суживалась. Если в 1843 г. на ярмарку было привезено товаров на сумму 1 576 000 руб. и продано на 456 200 руб., то в 1857 г. привоз и продажа составили соответственно 216 667 и 81 350 руб. серебром⁴.

На ярмарку привозили различные товары. Из Казани, с Нижегородской и Ирбитской ярмарок доставляли мануфактуру, сукно, пушнину, бакалею, чай и сахар; с Уральских заводов и из Тулы — металлические изделия; из Москвы — фаянс, хрусталь, ситцы и полотно; из Стерлитамака — муку; из Оренбурга, Симбирска и Саратова — фрукты; из Белебеевского уезда — мед; из Илецкой защиты — соль; из Уральска — рыбу и икру; из Челябинского уезда — сливочное масло и дичь и т. д.

После окончания уфимской ярмарки местные торговцы устремлялись на другие ярмарки. Они поставляли сало, сливочное масло, кожу, поташ, шадрик, свечу и проч. Например, в 1846 г. с Уфимской пристани было отправлено на Нижегородскую ярмарку 32 700 кулей хлеба⁵. Из города ежегодно вывозилось товаров на сумму более 200 тыс. руб. ассигнациями.

¹ «Экономическое состояние...», стр. 5; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 1026; оп. 2, д. 68, вед. № 15.

² ЦГА БАССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, л. 918.

³ «Экономическое состояние...», стр. 4.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 52, вед. № 17; В. С. Шевич. Указ. соч., стр. 51—52.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 278, лл. 106, 282, 287.

Несмотря на некоторое оживление торгово-промышленной деятельности, не все уфимцы находили в городе применение своим силам. Поэтому многие из них отлучались на промыслы в другие уезды и города. В 1861 г. число таких людей доходило до 800 человек, в том числе 55 купцов, 620 мещан, 157 представителей других сословий¹.

Часть уфимцев занималась сельским хозяйством. «Кроме купцов, мещан живут тут отставные солдаты и казаки, кои пашут землю, к сему городу принадлежащую», — писал профессор Озерецковский, побывавший в Уфе в 1782 году². В начале XIX в. под пашню было выделено из городского выгона 114 дес. земли, на которой 90 человек засевали 60 четвертей озимого и ярового хлеба³. Некоторые горожане вели земледельческое хозяйство на стороне. По данным 1860 г., в Уфе земледелием были заняты 21 купец и 140 мещан⁴.

Особенно широкое распространение получило разведение картофеля и овощей. Их было посажено в 1853 г. 915 четвертей⁵. Овощи выращивались на огородах, которых было сравнительно много. В 1837 г. в городе на 1533 двора приходилось 1312, а в 1852 г. — на 1664 двора — 825 огородов⁶. Уменьшение количества огородов, видимо, объясняется переселением уфимских казаков и части солдат на Оренбургскую пограничную линию.

В Уфе почти каждый двор имел корову, лошадь и мелкий рогатый скот (см. табл. 2)⁷.

Т а б л и ц а 2

Г о д ы	Количество		
	всего скота, гол.	дворов	скота на двор, гол.
1843	2021	1532	1,3
1847	1876	1606	1,1
1851	3782	1659	2,2
1856	2982	1754 (1857 г.)	1,7

¹ «Экономическое состояние...», стр. 5.

² «Русский архив», кн. 3. М., 1876, № 9—12, стр. 19.

³ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 868, лл. 2—5.

⁴ «Экономическое состояние...», стр. 5.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 278, лл. 125, 145; ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 13250, л. 1.

⁶ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, лл. 138, 1018, 1380; д. 409, л. 107.

⁷ Там же, ф. 6, оп. 2, д. 59, вед. № 11, 15; д. 60, вед. № 11; д. 62, вед. № 11; д. 64, вед. № 15; д. 67, вед. № 11, л. 72; д. 68, вед. № 15; А. Пе кер. Очерки Уфы.—«Вестник императорского русского географического общества», 1860, ч. 29, отд. 2, стр. 185.

Корма заготавливались на городской выгонной земле, из которой под сенокос было выделено 1102 дес. на берегах рек Уфы, Белой и Демы. Уфимская (ныне мусульманское кладбище), Сафроновская и Усольская горы служили пастбищами¹.

Часть горожан занималась охотой и рыболовством. Окрестности Уфы изобиловали куницами, белками и др. На рубеже двух веков очевидцы писали, что «куница водится в разных местах, но лучше всего около Уфы»². Чиновники и дворяне часто выезжали «на ружейную охоту» со всей своей дворней и сворой гончих собак. Реки Белая, Уфа, Дема славились рыбой. Бельские стерляди ценились дороже волжских.

Сдвиги в экономической жизни Уфы способствовали росту городского населения. За 1800—1861 гг. оно увеличилось с 4107 до 15104 человек, т. е. в 3,7 раза³. В начале века в Уфе жили главным образом военнослужащие и мещане. В 1861 г. мещан насчитывалось свыше 6 тыс. (40,4% всех жителей), военнослужащих и отставных — около 3,5 тыс. (22,1%), частновладельческих и удельных крестьян — около 3 тыс. (19,7%), дворян — свыше 2 тыс. (14,5%), купцов — 250 (1,7%) и церковнослужителей — около 200 (1,4%) человек⁴. Как видим, в Уфе все еще много было войск. Это объясняется не только создавшейся обстановкой, вызванной восстанием в Башкирии в 1834—1835 гг., но и подготовкой крестьянской реформы. Вместе с тем город все больше привлекал дворян. Они служили чиновниками в местных учреждениях, офицерами гарнизона и т. д. Резко увеличилось число городского населения из крестьян. Часть из них (дворовые) обслуживала помещиков, другая — занималась предпринимательством, а третья — составляла рабочую силу промышленных предприятий.

Управление городом осуществлялось различными учреждениями. Карательные функции выполняла городская полиция. Она состояла из полицмейстера, 3-х частных приставов, 9 квартальных надзирателей, полицейской команды в составе 33 рядовых, 11 казаков и 45 будочников⁵.

Судебные учреждения были сословными: городской магистрат судил купцов и мещан, верхний земский суд — дворян, верхняя расправа — государственных крестьян, нижняя рас-

¹ ЦГА БССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, л. 913; д. 521, л. 6.

² Е. Зябловский. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. 4. СПб., 1810, стр. 316.

³ А. Пекер. Указ соч., стр. 191; ЦГВИА. ф. ВУА, д. 22723 (план Уфы 1800 г.).

⁴ «Экономическое состояние...», стр. 3.

⁵ ЦГА БССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, лл. 868—870; ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 12955, л. 1.

права — крестьян других категорий. Кроме того, действовали словесные суды, разрешавшие небольшие торговые дела. Имелся и совестный суд, рассматривавший преступления, совершенные малолетними, умалишенными и т. д.

Финансами города распорядилась Городская дума, которая устанавливала размеры сбора в свою казну, принимала в члены городского общества и исключала из него. Бюджет Думы был очень скромен и слагался из сборов с городских недвижимых имуществ (поземельный сбор), с домовладельцев, предпринимателей и т. п. Сохранившаяся смета 1856 г. показывает, что 56,7% доходов Уфы составляли единовременные сборы (с граждан при записи в обывательскую книгу, от продажи городского имущества, с выморочных имений, от взысканий недоимок, частных пожертвований), 17,8% — поземельный сбор, 7,4% — сбор с домовладельцев, 5,4% — сборы с промышленных предприятий и торговли и 12,7% — различные косвенные и вспомогательные доходы. Это бюджет феодального города со слабо развитой промышленностью и торговлей. Из бюджета 81% средств расходовался на содержание городских учреждений и полиции, и только 14,2% — на благоустройство города, содержание школ и благотворительные цели. Остальная часть расходов шла на уплату долгов¹. Бюджет города подчинялся, таким образом, интересам привилегированных сословий, стремившихся увековечить свое господство.

Размещение в Уфе губернских административных учреждений, рост населения и торгово-промышленной деятельности способствовали развитию градостроительства и городского хозяйства.

В конце XVIII в. Уфа располагалась в районе р. Сутолоки, у ее впадения в р. Белую. Она имела 32 улицы и слободки; длина города простиралась до 1200, ширина — 500 сажень².

Местоположение Уфы было неровное. «Город сей лежит между осьми великих и глубоких буераков, из которых течет р. Сутолока и окружен высокими горами», — писал об Уфе военный топограф в конце XVIII в.³. Застройка города была хаотичной, дома разбросаны, улицы узки и кривы. Аналогичное положение существовало и в других городах страны. Поэтому в начале XIX в. началась правительственная регламентация городской застройки.

По утвержденному в 1803 г. плану предполагалось перенести Уфу на ровную и сухую местность⁴. Однако из-за не-

¹ ЦГА БССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, лл. 865—903, 905—946.

² ЦГВИА, ф. 3, оп. 40, д. 3691 (план Уфы 1770—1780 гг.); ф. ВУА, д. 22723 (план Уфы 1798 г.); д. 18895, л. 50. Сажень=2,134 м.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895, лл. 50—50 об.

⁴ ПСЗ. Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1839, стр. 221.

состоятельности большинства жителей и отдаленности воды намерение это не осуществилось. Военный губернатор Г. С. Волконский представил новый проект, который после уточнения архитектором Гесте был утвержден 3 марта 1819 г. Генеральный план Уфы включал в себя, кроме старого города и остатков прежнего вала, всю возвышенную равнину, простиравшуюся с востока на запад, в направлении к Нижегородской слободе¹. Предусматривалось расширение города от Телеграфной (ныне ул. Цюрупы) до улицы Никольской (ныне ул. М. Гафури) и от р. Белой до Богородской улицы (ныне ул. Революционная)².

Осуществление плана было сопряжено с большими трудностями; городское общество не имело средств. По просьбе местных властей правительство неохотно отпустило лишь 200 тыс. руб. Половину этой суммы получили в ссуду сроком на 10 лет под залог строительных материалов 43 уфимца из богатых сословий³. Другая половина израсходовалась на земляные работы по срытию бугров и на сооружение мостов через рвы и овраги. Застройка города проводилась главным образом на средства населения.

С 20-х годов XIX в. город стал заметно расширяться на запад и на север, росло количество улиц. К 1860 г. в новом городе насчитывалось 139 кварталов, а в старом — 41⁴. Старая Уфа состояла из кривых и узеньких переулков, новая часть города — из прямых и довольно широких улиц. Город представлял собой группы домов, отделенных друг от друга просторными дворами. Крупных строений было мало. К числу последних относились здания духовной семинарии, губернаторского дома (ныне поликлиника № 1), архиерейского дома (детская поликлиника), гостиного двора (хлопчатобумажный комбинат), губернских присутственных органов (НИИ сыворотки и вакцин им. Мечникова), губернской (мужской) гимназии (Башгосмединститут), дворянского собрания (Институт искусств)⁵.

Рос жилищный фонд. Если в 1783 г. в городе имелось 979 частных домов, то в 1861 г. их стало 1991⁶. Почти все они были деревянные. В 1824 г. в Уфе насчитывалось всего лишь

¹ Нижегородская слобода была основана в 1803 г. крестьянами графа Щереметьева, переселенными из Горбатовского уезда Нижегородской губернии.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22724 (план г. Уфы 1819 г.); НА БФАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 107, л. 185.

³ ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 5469, ч. 3, л. 2 об.; ЦГА БАССР, ф. 385, оп. 1, д. 6, лл. 699—703.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 409, л. 107; ОГВ, 1861, № 4.

⁵ А. Пекер. Указ. соч., стр. 184.

⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 450, ед. хр. 708, л. 31; «Памятная книжка Оренбургской губернии», 1864, стр. 34—35.

5 частных каменных домов, а в 1857 г. — 59¹. В начале XIX в. 4/5 частных домов принадлежало податным сословиям (солдатам — 32% всех домов, казакам — 20,8, разночинцам — 12,2, мещанам — 11,2, крестьянам — 2%) и только 1/5 часть — привилегированным сословиям. Со временем положение изменилось. В 1837 г. имущие сословия владели уже 55% всех домов (дворянство — 45%, купцы — 8, духовенство — 2), в то время как на долю малоимущих сословий приходилось лишь 45% домов (мещанам — 16,8%, солдатам — 13,7, казакам — 13,7, крестьянам — 0,8%)². Изменение соотношения домов в пользу дворян, духовенства и купцов объясняется, по-видимому, тем, что ссудой из казны для строительства пользовались в основном богатые горожане. К тому же уфимские казаки переселились на новую пограничную линию между Орской и Троицкой крепостями.

Дома несостоятельных горожан были маленькие, деревянные, одноэтажные и «не лучше бедных крестьянских изб», а у богатых — двухэтажные (нижний часто каменный), просторные, со множеством комнат и всевозможными хозяйственными постройками. Например, помещик Воскобойников имел каменный двухэтажный дом, при нем каменный флигель, избу для дворовых людей, погреб, 2 амбара, каретник, конюшню, баню, сарай для скота, колодец, огород и фруктовый сад³.

Поскольку Уфа располагалась на неровной, изрезанной множеством оврагов местности, первыми в ней из элементов благоустройства появились дамбы и мосты. К 1835 г. было возведено 5 дамб, а в 1856 г. их насчитывалось уже 10⁴. Дамбы через овраги сооружались обычно из земляной насыпи с прокладкой труб для стока воды. В 1837 г. в Уфе действовало 7 мостов, в том числе 1 каменный, в 1852 г. — 8, из них 2 каменных⁵. Кроме того, на Верхне-Торговой площади на болотистой местности вокруг гостиного двора имелись еще 10 мостиков. Тем не менее мостов было крайне недостаточно для регулярного и удобного сообщения между частями Уфы.

Город, окруженный реками Белой и Уфой, не мог существовать вне связи с соседними деревнями. С востока его соединяли Дудкина и Каменная переправы, с юга — Оренбургская, с юго-запада — Стрешневская, с запада — Вавиловская и с севера — Сафроновская переправы. На всех переправах действовали сначала частные паромы и лодки, затем земские.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18895, л. 3; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 68, вед. № 15.

² ГАОО. ф. 6, оп. 3, д. 3305, л. 50; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 1019.

³ ОГВ, 1849, № 9.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, л. 887.

⁵ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 1018 об.; д. 409, л. 107; ф. 385, оп. 1, д. 27, л. 887.

В 1808 г. через р. Белую на Оренбургском перевозе был устроен первый плоскоутный мост, который по мере износа заменяли новым. За проезд по мосту взималась плата по 1 коп. за лошадь и с пешего 1/2 коп¹.

Вплоть до 30-х годов XIX в. уфимские улицы не благоустраивались. Весной и осенью по городу невозможно было проезжать из-за непролазной грязи, образовавшейся от навоза, выбрасываемого жителями прямо на улицы. «Кто в Уфе не бывал, тот и грязи не видал», — говорили тогда уфимские жители. Для улучшения проезжей части улиц в 1836 г. был учрежден денежный сбор по 1% с оценочного рубля обывательских домов. В 1837—1839 гг. мостовой сбор составлял 870 руб. ассигнациями, в 1848—1854 гг. — 22880 руб. серебром. С тех пор и началось устройство мостовых. Были вымощены Соборная (ныне ул. Ярослава Гашека), Казанская (ул. Октябрьской революции), Александровская (начало ул. К. Маркса) улицы, Соборная (ныне территория Башгосдрамтеатра) и Верхне-Торговая площади. К 1861 г. длина так называемых «шоссированных» улиц в Уфе достигла 14 верст². Остальные улицы оставались невымощенными и, следовательно, грязными в непогоду.

Очистка улиц началась с середины XIX в. Городская дума выделяла для этой цели по 112 руб. серебром в год³. Долгое время улицы города не освещались, что таило немало опасностей для пешеходов в ночное время. Лишь в 1837 г. в городе были установлены первые 50 фонарей, а к 1852 г. число их достигло 437. Освещение улиц обходилось Думе в 522 руб. в год⁴. Тем не менее большая часть города, в особенности Старая Уфа, оставалась без света.

С возникновением улиц и кварталов в новой части города началась посадка деревьев. Немногие из них сохранились из-за большого количества скота, бродившего на улицах без всякого присмотра. Впоследствии за появление скота на улицах стали взыскивать с владельцев штраф от 50 коп. до 1 руб. ассигнациями. В Уфе мало было фруктовых садов. К 1837 г. их насчитывалось 21, в 1852 г. — 57⁵. В 1833 г. в районе пересечения улиц Фроловской (ныне ул. Тукаева), Садовой (ул. Матросова), Ильинской (ул. Фрунзе) и Телеграфной (ул. Цюрупа) был заложен общественный сад для отдыха горожан. Однако вскоре он запустел и был заброшен. На этом же месте в 1860—1861 гг. снова заложили публичный

¹ «Дневник М. С. Ребелинского», ч. 2, стр. 165—166, 171—176, хранится в Книжной палате БАССР; ЦГА БАССР, ф. 428, оп. 1, д. 84, л. 2; д. 97, лл. 504—505; 754; ф. 144, оп. 1, д. 57, л. 9.

² «Экономическое состояние...», стр. 6.

³ ЦГА БАССР, ф. 385, оп. 1, д. 7, л. 891.

⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 1027 об.; д. 409, л. 115; ф. 385, оп. 1, д. 26, л. 45; д. 27, л. 288.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 1380 об.; д. 409, л. 107.

сад. В городе имелась липовая аллея, окаймляющая одну сторону Верхне-Торговой площади. На западной и северной сторонах этой площади было устроено 2 бульвара, уход и содержание которых обходились Думе в 50 руб. в год¹.

Коммунальное хозяйство Уфы находилось в зачаточном состоянии. В первой половине XIX в. действовала одна частная «торговая баня». Военские подразделения, жандармская команда, тюрьма, больница и приют имели свои бани. Что касается горожан, то они пользовались преимущественно частными банями. В конце 50-х годов в городе было 6 гостиниц и 12 постоянных дворов².

На первый взгляд кажется странным, но тем не менее город, опоясанный реками, нуждался в воде. Уфа находилась на высокой возвышенности, а воду брали из Белой только в одном месте, у Оренбургского перевоза. Спуск к реке был крут и отдален от центра города. В 30—40-х годах в Уфе стали появляться колодцы. В 1852 г. их насчитывалось 435, в том числе 9 казенных и 426 частных³. Но жесткая и мало-пригодная для питья колодезная вода использовалась лишь для хозяйственных нужд. Обеспечение жителей питьевой водой все еще оставалось нерешенной проблемой.

Настоящим бедствием для уфимцев были почти ежегодно возникающие пожары. В 1803 г. в городе сгорело 77 домов, 1804 — 83, 1815 — 53, 1816 — 400, 1821 — 332 дома⁴. Это объяснялось преобладанием в городе деревянной застройки, беспорядочностью ее расположения, особенно в Старой Уфе, размещением вблизи жилых домов промышленных предприятий, кузниц и бань, разбрасыванием на улицах куч навоза, а также отсутствием пожарных.

В 1827 г. на средства, собранные по 0,5% с оценочного рубля обывательских домов, была создана пожарная команда из 12 человек с соответствующими инструментами. Впоследствии команда увеличилась до 49 человек и имела в своем распоряжении 38 лошадей⁵. Принимались и другие противопожарные мероприятия. Промышленные предприятия и кузницы были перенесены за город, новая застройка проводилась по плану, на определенном расстоянии дом от дома. В 50-х годах за несвоевременную очистку труб и дымоходов, курение табака и выставку во дворе самоваров был введен штраф в размере от 50 коп. до 1 руб. серебром. В конце

¹ ОГВ, 1861, № 43; НА БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 107, л. 189; ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 2, д. 68, л. 27; ф. 399, оп. 1, д. 8, л. 138.

² «Экономическое состояние...», стр. 4; ОГВ, 1860, № 42.

³ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 79, л. 18; д. 409, л. 107.

⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 450, ед. хр. 708, лл. 37—40, 46; ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 1093, лл. 1—2; оп. 3, д. 4785, л. 1; оп. 4, д. 7688, лл. 1—2; «Дневник М. С. Ребелниского», ч. 2, стр. 57.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 385, оп. 1, д. 27, лл. 872—874; ф. 6, оп. 2, д. 67, л. 57 об.

40-х годов началось страхование строений от огня. Все это сказалоcь положительно: в 30—50-х годах в Уфе не было больших пожаров.

В первой половине XIX в. несколько расширилась врачебная помощь населению города. Еще в 1787 г. в Уфе был открыт Приказ общественного призрения, ведавший наряду с другими вопросами и здравоохранением. На его попечении находились больница (80 мест), богадельня (80 мест) и дом умалишенных. В 30—40-х годах XIX в. открылись больницы при тюрьме и Оренбургском линейном батальоне, расквартированном в Уфе. С 1812 г. в городе действовал оспенный комитет, в задачу которого входила работа по оспопрививанию.

Тем не менее медицинское обслуживание населения оставалось далеко не достаточным. В городе очень мало было медицинских работников. В конце XVIII в. их насчитывалось 3 человека, в начале XIX в.—4, в 30—40-х годах — 9 (в том числе уездный врач и персонал губернской врачебной управы в составе инспектора, оператора, акушера и двух ветеринарных врачей). Крайне неудовлетворительно обстояло дело с обеспечением медикаментами. В городе имелись частная (с 1787 г.) и казенная (с 1807 г.) аптеки; в середине века открылась вторая частная аптека. Однако их услугами из-за дороговизны лекарств могли пользоваться лишь немногие. За лечение в больницах взымалась также высокая плата, недоступная городским низам.

Таким образом, в первой половине XIX в. в экономической жизни и городском хозяйстве Уфы произошли заметные сдвиги. Росла мелкая капиталистическая промышленность, развивалась торговля, увеличилось население, появились элементы благоустройства. Несмотря, однако, на наличие некоторых буржуазных черт, Уфа оставалась феодальным городом.

С. М. ВАСИЛЬЕВ

ЭКОНОМИКА ПОРЕФОРМЕННОЙ УФЫ

Отмена крепостного права создала сравнительно свободные условия для более быстрого развития промышленности по пути технического прогресса и перехода от мануфактуры к фабрике.

В пореформенный период промышленность Уфы росла довольно быстро. С 1861 по 1890 год стоимость всей фабрично-заводской продукции увеличилась в 3,6 раза (с 113130 руб. до 405164 руб.), число рабочих — в 2,2 раза (со 169 до 377 человек)¹. Однако по объему промышленного производства Уфа еще отставала от многих губернских городов Европейской России, что объяснялось недостатком свободных капиталов, узостью местного рынка, оторванностью от фабрично-заводских центров страны из-за отсутствия железнодорожного сообщения.

Общая характеристика промышленности Уфы пореформенного периода дана в табл. 1².

Текстильное производство было представлено одним заведением по изготовлению пенькового каната, химическое — одним поташным предприятием (с закрытием этих заведений обе отрасли перестали существовать). Деревообделочное производство состояло в 1879 г. из одного, в 1890 г. — из трех лесопильных заводов. Жировое и восковое производство объединяло в 1861 г. шесть салотопенных и два мыловаренных заведения, в 1879 г. — три свечносальных и два мыловаренных, в 1890 г. — свечносальное и три мыловаренных предприятия. Кожевенное производство осуществлялось

¹ «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г.», ч. 2. СПб., 1863, стр. 4—5; «Указатель фабрик и заводов Европейской России...», изд. 3. СПб., 1894, стр. 144, 227, 331, 344, 523, 634, 676.

² «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г.», ч. 2, стр. 4—5; «Указатель фабрик и заводов Европейской России...», изд. 1. СПб., 1881, стр. 149, 322, 332; изд. 3, стр. 144, 227, 331, 344, 523, 634, 676.

Таблица I

Производства	Число пред- приятий			Число рабочих			Сумма производ- ства, тыс. руб.		
	1861	1879	1890	1861	1879	1890	1861	1879	1890
Текстильное	—	1	—	—	6	—	—	2,8	—
Деревообделочное	—	1	3	—	65	56	—	52,5	23,0
Химическое	1	—	—	11	—	—	6,0	—	—
Жировое и восковое	8	5	4	37	40	79	37,6	155,5	65,0
Кожевенное	4	10	7	20	48	29	10,5	84,3	30,0
Силикатное	22	4	7	92	107	77	32,0	27,0	21,0
Пищевое	3	14	7	9	75	136	27,03	90,5	266,164
Итого	38	35	28	169	341	377	113,13	412,6	405,164

в 1861 г. в четырех, в 1879 г. — в десяти, а в 1890 г. — в семи мелких предприятиях. В силикатном производстве числилось в 1861 г. двадцать два кирпичных заведения, в 1879 г. — кирпичное, изразцовое, фарфоровое и фаянсовое и в 1890 г. — пять кирпичных, гончарное и фарфоровое предприятия. В пищевой промышленности было в 1861 г. два маслособойных и водочное заведения, в 1879 г. — три пряничных, восемь водочных и три пивоваренных, в 1890 г. — два пряничных, три пивоваренных, винокуренное и крупяное предприятия.

Из табл. I видно, с одной стороны, сокращение числа предприятий и, с другой стороны, рост количественного состава рабочих и объема производства. Уменьшение числа предприятий было обусловлено процессом укрупнения производства и переходом от мануфактуры к фабрике. Основным признаком крупного предприятия, или «фабрики», для XIX в. В. И. Ленин считал наличие не менее 16 рабочих¹. По данным 1861 г., этим признаком не обладало ни одно предприятие. Но уже в 1879 г. крупных предприятий было четыре, с числом рабочих 164 и годовой суммой производства в 75,5 тыс. руб., в 1890 г. их стало девять с числом рабочих 267 и суммой производства 318164 руб. Хотя крупные предприятия составляли в 1879 г. только 11,4%, а в 1890 г. 32,1%, но на долю их приходилось рабочих соответственно 48,1 и 70,9% и годовой суммы производства — 18,3 и 78,5%².

Наиболее быстрыми темпами росла пищевая промышлен-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 468.

² Подсчитано по данным сборника «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 2, стр. 4, 5; «Указатель фабрик и заводов Европейской России...» П. А. Орлова (в третьем издании П. А. Орлова и С. Г. Будагова), изд. 1. СПб., 1881, стр. 149, 322, 332; изд. 3, СПб., 1894, стр. 144, 227, 331, 344, 523, 634, 676.

ность, в которой объем производства увеличился к 1890 г. по сравнению с 1861 и 1879 гг. соответственно в 9,8 и 2,9 раза. В 1890 г. в этой отрасли было четыре крупных предприятия: винокуренный и пивоваренный заводы купца Видинеева с 54 рабочими и суммой производства 51164 руб., пивоваренный завод австрийского подданного Вольмута с 24 рабочими и суммой производства 45 тыс. руб. и пивоваренный завод дворянина Дмитриева с 20 рабочими и суммой производства 8 тыс. руб. в год. В крупных и в некоторых мелких предприятиях применялись паровые машины и котлы, а также простые технические усовершенствования.

Объем производства в жировой и восковой промышленности с 1861 по 1879 год увеличился в 4 раза, а потом, за последующие 11 лет, сократился почти в 2,4 раза. Сокращение было вызвано ростом применения минеральных масел для освещения, вытесняющих старинные сальные свечи. Наиболее крупным являлось свечносальное заведение Благовещенского женского монастыря в старой Уфе, имевшее 70 рабочих и вырабатывавшее восковых свечей на 39 тыс. руб. в год.

В кожевенной промышленности объем производства в 1861—1890 гг. вырос в 2,8 раза. Из-за технической отсталости деревообработка резко снизилась. Переживало упадок силикатное производство. Крупные предприятия в нем были представлены кирпичным и фаянсовым заведениями купца Черепанова, имевшими соответственно 53 и 20 рабочих и сумму производства в 8 и 5 тыс. руб., фарфоровым — купца Козлова с 26 рабочими и объемом производства в 10 тыс. руб., кирпичным — купца Лебедева с 25 рабочими, выпускавшими кирпича на сумму 5 тыс. руб. в год.

Развитые отрасли производства имели и более высокую производительность труда. Например, в 1890 г. сумма годового производства на одного рабочего составляла в пищевой промышленности 1957 руб., кожевенной — 1034, жировой и восковой — 823 руб. В остальных отраслях производительность труда была крайне низкой: в деревообделочном производстве — 410 руб. на одного рабочего и силикатном — 273 руб.

Промышленными заведениями владели представители различных сословий. В 1890 г. из 28 предприятий 14 принадлежало купцам, 10 — мещанам, 2 — дворянам, 1 — крестьянину и 1 — женскому монастырю. Таким образом, большинство предпринимателей составляли купцы, которые, однако, постепенно вытеснялись мещанами.

Промышленность Уфы резко выросла в 90-х годах в связи с промышленным подъемом в стране и вводом в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги. Укрупнились

предприятия, росла их техническая оснащенность, возникли новые, металлообрабатывающее и бумажное, производства. Важнейшие показатели промышленности города за 1900 г. даны в табл. 2¹.

Таблица 2

Производства	В абс. цифрах			В процентах		
	число предприятий	число рабочих	сумма производства за год, тыс. руб.	число предприятий	число рабочих	сумма производства за год, тыс. руб.
Текстильное	1	40	33100	3,0	3,5	2,2
Бумажное	5	200	81800	15,2	17,7	5,5
Деревообделочное	9	291	387100	27,3	26,0	26,0
Химическое	1	28	4300	3,0	2,5	0,3
Жировое и восковое	1	16	119300	3,0	1,4	8,0
Кожевенное	1	13	31100	3,0	1,2	2,1
Силикатное	6	115	30500	18,2	10,2	2,05
Металлообрабатывающее	3	78	45400	9,1	7,0	3,05
Пищевое	6	343	755000	18,2	30,5	50,8
Итого	33	1124	1487600	100	100	100

Итак, по сравнению с 1890 г. количество предприятий увеличилось на пять единиц, число рабочих в 3 раза и объем производства — почти в 3,7 раза. Пищевая промышленность по-прежнему занимала первое место как по объему производства, так и по количеству рабочих. Особенно большой скачок произошел в деревообработке, которая по числу рабочих и объему производства вышла на второе место. На лесопильных заводах в результате установления паровых двигателей средняя годовая сумма производства на одного рабочего увеличилась с 411 руб. в 1890 до 1755 руб. в 1900 г.

Жировое и восковое предприятие по объему производства находилось на третьем месте. Заметно выросли текстильное и кирпичное производства. Кожевенное производство в связи с сокращением поголовья скота в результате голода 1891 г. и рядом последующих неурожайных лет переживало упадок.

Новое, бумажное производство, состоявшее из пяти крупных типо-литографий, занимало третье место по числу рабочих и четвертое место по объему производства. Набирали силу вновь возникшие 3 металлообрабатывающих предприятия.

В 90-х годах около 2/3 промышленных заведений города имели не менее 16 рабочих, то есть являлись крупными капи-

¹ «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб., 1903, стр. 109, 171, 172, 233, 234, 328, 401, 457, 684, 686, 751.

талистическими предприятиями. Многие из них были оснащены паровыми двигателями и другой техникой. Механизация производственных процессов резко повышала производительность труда, усиливала вытеснение мелких предприятий крупными, ускоряла формирование постоянных промышленных рабочих.

В эти годы в Уфе появились электрическая станция, главные мастерские железной дороги, депо, судоремонтные мастерские. Это были крупные предприятия капиталистического типа.

Главные мастерские Самаро-Златоустовской железной дороги и депо вступили в строй в августе 1888 г. Они ремонтировали подвижной состав железной дороги, причем мастерские проводили средний и капитальный ремонт, а депо — малый или текущий ремонт.

Железнодорожные мастерские состояли из пяти цехов (сборочный для паровозов с малярным отделением, меднолитейный, токарный или механический, сборочный для вагонов с малярным отделением и столярный с четырьмя отделениями: паровых машин, паровых котлов, колесное и рессорное, кузнечное). В 1889 г. в мастерских было занято 167 рабочих, в дальнейшем число их резко возросло. В 1897 г. в Уфе числилось 1100 железнодорожников¹. Первоначально все работы по ремонту и сборке паровозов, котлов и вагонов проводились вручную. В 1890 г. мастерские были оснащены передовой по тому времени техникой. Так, механический цех имел 5 колесных, 21 разных токарных и 1 болторезный, 5 строгальных, 1 долбежный, 6 сверлильных станков и 2 паровых машины в 40 и 25 л. с. с котлами. В кузнице и колесном отделении имелись одна медеплавильная печь с сушилкой, 23 кузнечных горна (огней), два паровых молота, один дыропробивной станок, пресс для насадки колес² и т. д.

Несмотря на значительное развитие, фабрично-заводская промышленность не могла полностью удовлетворить растущие потребности населения в промышленных товарах. Видное место в экономической жизни Уфы занимало ремесленное производство, основанное на выполнении разнообразных заказов горожан.

Имеющиеся источники не позволяют рассматривать ремесленное производство в динамике. По данным 1886 г., в Уфе

¹ «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам», т. 2, табл. 20. СПб., 1905, стр. 134—145.

² «Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1890 год», ч. 11; «Отчет управления Самаро-Златоустовской железной дороги». Уфа, 1891, стр. 14, 18.

было около 80 ремесленных заведений (мастерских), в которых числилось 300 мастеров, 308 рабочих, 271 ученик¹.

По роду своей деятельности ремесленники подразделялись на четыре группы. К первой группе относились ремесленники, занятые приготовлением пищевых продуктов: хлебопеки, булочники, калачники, кондитеры, пряничники, мясники, колбасники, пчеловоды; во вторую группу, изготовлявшую предметы одежды, входили портные, шубники, овчинники, меховщики, скорняки, сапожники, валенщики, лапотники, кожевники, а также парикмахеры; третью группу, занятую изготовлением предметов хозяйства, составляли печники, столяры, медники, шорники, каретники, кузнецы, колесники, каменщики, горшечники, бондари, маляры, обойщики, стекольщики, кровельщики, плотники, пильщики, тележники, специалисты по изготовлению деревянной посуды, саней и дровен, ткачи и трубочисты; в четвертой группе значились все остальные ремесленники, а именно: часовщики, золотых и серебряных дел мастера, позолотчики, настройщики фортепьяно, живописцы, иконописцы, гребенщики, слесари, резчики, переплетчики, красильщики, шерстобиты, маслобойцы, цирюльники, а также извозчики и коновалы².

Во многих ремесленных мастерских применялся наемный труд. Например, в середине 90-х годов в гильзовой мастерской Рискина было занято 5 рабочих, портновской мастерской Маневич — 4, часовой мастерской Лёск — 2 рабочих³ и т. д. Ремесленное производство все больше втягивается в орбиту рыночных отношений, ломает цеховые преграды и вступает на путь свободного капиталистического развития.

Темпы роста промышленности и торговли в немалой степени зависели от состояния путей сообщения. До конца 80-х годов главные подъездные пути Уфы состояли из почтово-коммерческих трактов и речных путей. По оренбургскому, казанскому и новому сибирскому сухопутным трактам Уфа была связана с городами Урала и Среднего Поволжья, а также с уездными городами и крупными селениями внутри губернии. Основной поток товаров перевозился гужевым транспортом, который был медлителен, дорог и ненадежен. В дождливое время дороги становились непроезжими.

Водный транспорт до конца 50-х годов состоял из сплавного судоходства по рекам Белой и Уфе. Летом 1859 г. офицеры корпуса путей сообщения, обследовав фарватер р. Белой, установили пригодность его для плавания паровых

¹ «Уфимский юбилейный сборник в память празднования трехсотлетнего юбилея города Уфы». Уфа, 1887, стр. 95.

² «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год», отдел 2, стр. 82.

³ ЦГА БАССР, ф. 9, оп. 1, д. 576, лл. 1—51.

судов. В 1857—1858 гг. созданная оренбургским генерал-губернатором комиссия провела повторное исследование Белой и подтвердила заключение офицеров корпуса путей сообщения о возможности пароходного сообщения по ней вплоть до Стерлитамака и даже выше, предложила меры по очищению и углублению русла реки. Один из членов этой комиссии был командирован в Нижний Новгород для переговоров с пароходными обществами об использовании Бельского речного пути¹.

11 августа 1858 г. у Уфы впервые появились два парохода купца гор. Углича Журавлева «Грозный» и «Быстрый», причем первый привел с собой 7 подчалков и на одном из них на обратном пути взял хлеб. 7 сентября прибыл принадлежавший обществу «Самолет» легкий пароход «Русалка», который поднялся по Белой на 12 верст выше башкирской дер. Псянчино, недалеко от устья р. Нугуша, притока Белой.

В 1859 г. по р. Белой совершали пробные рейсы пассажирские пароходы «Ольга» и «Лебедь» общества «Дружина». Первый пароход в мае, не дойдя до дер. Псянчино 30 верст, повернул обратно; в июле на двух баржах привез в Уфу пассажиров и груз, а обратным рейсом вывез из Бирска более 17 т хлопка; в сентябре привез грузов и товаров с Нижегородской ярмарки в Уфу, а затем совершил второй пробный рейс до дер. Шареево (в 80-ти верстах выше г. Уфы). Второй пароход в сентябре привез грузов и товаров с Нижегородской ярмарки в Бирск и вывез оттуда хлопок².

В январе 1860 г. правление пароходного общества «Дружина» открыло в Уфе контору для «сношения с желающими отправлять свои клади или быть пассажирами на пароходах общества»³. Уфимская контора в навигацию этого года вывезла с пристаней р. Белой пароходами «Уфа» и «Лебедь» 200 тыс. пудов различных грузов (главным образом дров) и привезла в Уфу и Бирск более 25 тыс. пудов. Кроме того, пароход «Аскольд» совершил по р. Белой пять пассажирских рейсов до Стерлитамака, но рейсы оказались невыгодными. Это привело к закрытию конторы пароходства в Уфе⁴. В том же году небольшой пароход «Анна» стерлитамакского помещика Левашева доходил до Стерлитамака, а потом доставил выплавленные на Архангельском заводе 5 тыс. пудов меди в Нижний Новгород, откуда пришел обратно с товарами⁵.

¹ А. С. Листовский. Пароходство по реке Белой. — «Уфимский календарь на 1876 год...», вып. 3. Уфа, стр. 57—58.

² «Оренбургские губернские ведомости», 18 июня, 1860; 12 августа, 1867.

³ Там же, 23 января, 1860.

⁴ Там же, 18 июня, 1860; 12 августа, 1867.

⁵ Там же, 16 июля, 1860.

В 1861 — 1863 гг. по Белой сделали несколько рейсов 2 парохода общества «Дружина», 3 парохода Камско-Волжской компании и 2 парохода Левашева¹.

Пароходство по р. Белой в то время было малоодоходным занятием. Незнание фарватера реки, отсутствие благоустроенных пристаней, встречающееся местами мелководье, нерегулярность рейсов отпугивали пассажиров и грузоотправителей. Поэтому пароходные компании перестали посылать суда на Белую.

Однако пароходство на Белой не прекратилось. С 1863 по 1870 год по ней курсировали буксирный пароход уфимского купца Сафронова «Надежда» и небольшой пароход помещика Базилевского «Манатура» (с 1867 г.).

В 1870 г. на Белой установилось регулярное пассажирское пароходное сообщение от Уфы до Казани и Нижнего Новгорода. Организацию пассажирского движения взяло на себя созданное купцами Поповым, Полетаевым и Исаевым общество «Бельское пароходство», которое вначале имело два, а на следующий год — три парохода. В буксирном пароходстве было занято два парохода ковровского купца Першина и один пароход купца Лузинова.

В 1871 г. компания «Самолет» открыла в Уфе свою контору, послала для пассажирского сообщения по Белой два парохода, которые совершали регулярные рейсы два раза в неделю между Уфой и Нижним Новгородом, а пароходы компании «Бельского пароходства» — три раза в неделю между Уфой и Казанью (во время Нижегородской ярмарки — два рейса в неделю в Нижний Новгород). В 1876—1877 гг., кроме пароходов указанных двух компаний совершали рейсы пассажирские пароходы братьев Якимовых, которые в 1878 г. создали пароходное общество, первоначально состоявшее из трех пароходов. В 1882 г. была открыта новая контора судовладельцем Булычевым, имевшим также три парохода, занятые преимущественно буксировкой грузов².

Обращалось внимание на открытие регулярного пароходного сообщения по р. Уфе. С целью исследования ее фарватера в 1879 г. два парохода совершили рейсы до шафеевского перевоза и установили возможность постоянного движения на этом участке «больших мелкосидящих пароходов, подобно плавающим по Оке и Верхней Волге»³.

¹ И. Д. Сапожников. Некоторые сведения по статистике судоходства в Уфимской губернии.—«Уфимские губернские ведомости», 19 августа, 1867.

² А. С. Листовский. Указ. соч., стр. 60; В. Новиков. Губернский город Уфа.—«Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год...», отдел 2, стр. 101—102; его же. Летопись пароходства по реке Белой. — «Справочная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1863, отдел 2, стр. 16.

³ «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 65, 66.

Количество пароходов на Белой непрерывно увеличивалось. В 1870 г. их было 5, а в 1899 г. — 42¹. В 90-х годах Уфа стала центром Бельского речного пути и крупной пристанью. Этому способствовало исключительно удобное географическое положение города. В 1878 г. городской голова Д. Волков писал, что Уфа «составляет ключ всего горнозаводского бассейна Южного Урала, почти все водные пути которого впадают в реки Уфу и Белую, сливающиеся между собою при самом городе Уфе, куда сплывают и все горнозаводские грузы, причем Уфа же служит исходным пунктом, от которого начинается правильное судоходство по Белой и живое торговое движение на Каму и Волгу»². В 1897 г. в Уфе был занят на водном транспорте 71 человек, извозным промыслом занимались 594 человека³.

Огромную роль в развитии Уфы сыграла Самаро-Златоустовская железная дорога. Городское управление более десяти лет добивалось проведения железной дороги через Уфу. Уже на первом губернском земском собрании в начале 1875 г. городской голова предложил возбудить ходатайство о проведении Сибирской железной дороги через Уфу. Однако его предложение было отклонено земским собранием. Вскоре после этого правительство утвердило предварительное направление Сибирской железной дороги вдоль берегов Волги и Камы⁴.

После открытия в 1877 г. движения по Самаро-Оренбургской железной дороге в правительственных кругах возникло предположение о продолжении ее до селения Бугульчан, находящегося на самом южном изгибе р. Белой в 200 верстах от Уфы. В связи с этим Уфимская городская дума в 1878 г. обратилась к оренбургскому генерал-губернатору с просьбой содействовать включению участка Бугульчан-Уфа в государственную сеть железнодорожного строительства. В 1879 г. было представлено ходатайство Городской думы и губернского земского собрания министрам внутренних дел и финансов, которые однако отложили решение вопроса на неопределенное время⁵.

В августе 1880 г. последовало правительственное предписание об изыскании способов к скорейшему сооружению участка сибирской железной дороги между Екатеринбургом

¹ А. С. Листовский. Указ, соч., стр. 60; В. Новиков. Указ, соч., стр. 101—102; «Обзор Уфимской губернии за 1899 год», стр. 41.

² «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 215.

³ «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам», т. 2, табл. 20, стр. 134—145.

⁴ «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 68, 251—254.

⁵ Там же, стр. 68, 69, 212, 218, 255.

(ныне Свердловск) и Тюменью, а между тем окончательного решения о направлении дороги от центра страны к Екатеринбург у еще не было. Уфимская городская дума и губернское земство возбудили перед центральными государственными органами ходатайство о постройке железной дороги от Самары через Уфу и Златоуст на Екатеринбург. Это ходатайство было поддержано Самарским губернским земством и Самарским городским управлением. В начале 1881 г. депутаты двух городов составили коллективную записку, которую вместе с ходатайством Уфимского земства и Городской думы представили соответствующим министерствам. Однако в связи с убийством императора (1 марта) вопрос остался нерешенным.

Еще до утверждения направления Самаро-Златоустовской железной дороги велись изыскания ее будущей трассы. В 1873 г. такую работу проводила группа инженеров под руководством Вяземского и Фуфаевского, в 1882 г. — особая правительственная комиссия. Обе группы представили почти идентичные проекты, предусматривающие проведение железной дороги через Уфу. В 1884 г. по новым изысканиям были составлены проекты дороги в обход Уфы: от дер. Алкино на село Чесноковку—Вознесенское (в 12 верстах от Уфы), или же от дер. Алкино на село Березовку — Рождественское (в 18 верстах от Уфы)¹. В обоих случаях к Уфе предполагалась железнодорожная ветка.

Направление железной дороги Самара—Уфа—Златоуст—Челябинск—Екатеринбург было утверждено 9 января 1885 г. На Самаро-Уфимском участке строительные работы начались 23 октября того же года по новому проекту, по которому железная дорога прошла через Уфу со станцией южнее Сафроновской пристани. Торжественная закладка железнодорожного вокзала и других сооружений состоялась 26 апреля 1886 г. Движение по Самаро-Уфимской железной дороге было открыто 8 сентября 1888 г., а через два года, 8 сентября 1890 г., был принят в эксплуатацию участок дороги Уфа — Златоуст. Общая протяженность Самаро-Златоустовской железной дороги составила 751 версту, из них по территории Уфимской губернии — 515 верст².

Развитие водных и железнодорожных путей сообщения сделало Уфу крупным транспортным узлом на Южном Урале и оказало большое воздействие на ее экономический и куль-

¹ «Погибающий город и изуродованная магистральная линия». Записка уполномоченного Уфимского губернского земства и города Уфы уфимского городского головы Волкова. (По поводу проектированного обхода города Уфы Самаро-Уфимской дорогой). СПб., 1885, стр. 1 — 31; ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 54, д. 1195, лл. 2—9.

² «Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1890 г.», ч. 11; «Отчет управления Самаро-Златоустовской железной дороги». Уфа, 1891, стр. 1; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 82.

турный рост. «Направление железной дороги на г. Уфу, — указывали члены Уфимской городской управы, — расположенной в узле слияния двух больших рек Южного Урала — Белой и Уфы, по которым сплавляется масса лесных изделий, а также вырабатываемых на уральских заводах металлов, вызвало громадный прилив в г. Уфу людей труда, предприимчивости и капиталов, заинтересованных прямо или косвенно в эксплуатации железной дороги. Деятельность этих лиц внесла в экономическую жизнь города огромный прирост населения, отразившийся чрезвычайно благоприятно на развитии городского бюджета»¹. Росла промышленность, усилились торговые обороты.

До конца 80-х годов торговля развивалась сравнительно медленно из-за остатков феодально-крепостнического строя, отсутствия железнодорожной связи с центральными рынками страны, слабого роста промышленности и т. д. Дворяне, живущие в городе, снабжались продуктами из своих имений. Имели огороды и скот и другие сословия. По данным переписи 1864 г., на одно домовладение приходилось в среднем по одной лошади и корове, по переписи 1886 г. — почти по одной лошади и на два домовладения — по одной корове².

Большинство городского населения хлеб не сеяло и покупало его на рынке. Оно нуждалось также в продуктах животноводства, ибо наличного скота для пропитания было явно недостаточно. Городские жители покупали одежду, обувь и другие бытовые предметы. Рыночный спрос на товары первой необходимости возрастал в связи с ростом пришлого люда, в частности крестьян-отходников, приходивших в город на заработки.

Темпы роста торговли значительно усилились в 90-х годах после постройки Самаро-Златоустовской железной дороги. Торговым центром Уфы являлась Верхне-Торговая площадь с гостиным двором. На этой площади происходили еженедельные базары, ежегодные январские двухнедельные ярмарки, здесь же размещался толкучий рынок. Западная половина площади была застроена корпусами ярмарочных помещений, лавками, павильонами, складами, а также торговыми рядами. На восточной половине размещался гостинный двор, который имел 56 наружных и 56 внутренних мест для лавок.

По предписанию оренбургского генерал-губернатора от 13 марта 1858 г. места под лавками гостиного двора, кроме

¹ «Краткий очерк 25-летия введения в г. Уфе городского положения 26 января 1871 г. — 26 января 1896 года». Уфа, 1896, стр. 35.

² «Город Уфа к трехсотлетию его юбилею...», стр. 8.

одного¹, были отданы городским управлением торговцам навсегда в потомственное пользование за небольшую единовременную плату². По сведениям 1866 г., места под лавками в наружном гостином дворе (в гостином ряду) принадлежали 25 купцам и 2 мещанам, причем купец первой гильдии Блохин имел 9 мест, купцы второй гильдии Полетаев и Колмацкий — по пять, Ростовцев — четыре и Попов — три места. Во внутреннем гостином дворе места для мелочной торговли были отведены 14 купцам и 10 мещанам, в том числе купцу второй гильдии Нефедову — девять мест, купцам Блохину и Колмацкому, а также мещанке Кобяковой — по четыре и т. д. Приобретенные места были застроены каменными лавками по одинаковому чертежу. На торговых линиях и рядах участки отдавались желающим с торгов.

Верхне-Торговая площадь, за исключением узкой полосы от Малой Казанской улицы (ныне ул. Свердлова) до гостиного двора, не была замощена. Она утопала в грязи и нечистотах. В 1892 г. комиссия, обследовавшая площадь в санитарном отношении, отмечала, что торговые ряды по продаже продовольственных товаров «расположены в местности болотистой, низкой и сплошь загрязненной в продолжении десятков лет разными органическими отбросами и испражнениями до того, что весной и осенью по проездам едва можно пройти. Проезды застроены навесами для мелочной торговли, канавы засорены, помосты их частью сгнили и под ними и во всех углах замечены скопления отбросов, подвергавшихся разложению и гниению, на углах проездов и между лавками скопления испражнений, местами в проездах большие лужи стоячей воды, покрытой плесенью, так что вся эта местность издает значительное зловоние, увеличивающееся после дождей и в ненастное время до невозможности»³.

В городе существовала еще Нижне-Торговая площадь, примыкавшая к Троицкой (ныне Первомайской) площади. По данным 1875 г., городское управление имело здесь 20 небольших лавок⁴. Остальные лавки и торговые помещения принадлежали купцам и мещанам.

Развитие торговли сопровождалось строительством новых магазинов и лавок. С 1861 по 1890 год число магазинов и лавок увеличилось с 247 до 726, или в 2,9 раза, причем наибольший рост наблюдался в 60-х годах в связи с перестройкой

¹ Одно место с построенной там лавкой принадлежало городскому управлению.

² «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 1, 2, 194; ЦГА БАССР, ф. 338, оп. 1, д. 72, лл. 1, 2; ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 33, д. 200, л. 16.

³ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 25, д. 1686, л. 107.

⁴ «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 30.

гостиного двора¹. Изменился состав купеческого сословия. С 1864 по 1897 год купеческое население выросло с 300 до 672 человек, или в 2,24 раза². Решающую роль в торговле стали играть гильдейские купцы, приобретшие большие капиталы. Если в 1861 г. числилось 69 гильдейских купцов (один — второй гильдии, 68 — третьей), то в 1880 г. их стало 154 (6 — первой гильдии, 148 — второй)³.

В Уфе происходила ежедневная торговля самыми разнообразными товарами. В 1892 г. уфимский губернатор писал в министерство внутренних дел, что на Верхне-Торговой площади ежедневно торгуют «мясом, рыбой, овощами, фруктами, молоком, птицей, бакалейным, железным, кожевненным, сапожным, шапочным и галантерейным товаром, платьем и посудой»⁴. В базарные дни крестьяне окрестных деревень привозили в город сельскохозяйственные продукты, лесные изделия, дрова и увозили промышленные товары.

С 25 января по 5 февраля в Уфе собиралась ежегодная ярмарка. Ярмарочная торговля была широко распространена в феодально-крепостнической России, но в период перехода от мануфактурного к фабрично-заводскому производству и возникновения железнодорожного сообщения она вступила в полосу упадка. Ведущая роль во внутренней торговле переходила от ярмарочных центров к крупным промышленным городам.

Снижение ярмарочной торговли в Уфе, начавшееся еще в 80-х годах, стало особенно заметным после постройки Самаро-Златоустовской железной дороги, по которой доставлялись промышленные товары из многих районов страны в любое время года. В 60—80-х годах XIX в. стоимость привезенных на ярмарку товаров временами доходила до 822 тыс. руб., проданных — до 467 тыс. руб., в 90-х же годах она составляла соответственно 400 тыс. и 90 тыс. руб.⁵.

¹ «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г.», ч. 2, стр. 4; «Памятная книжка Уфимской губернии...», ч. 1, Уфа, 1873, стр. 189; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 80; ГАОО, ф. 6, д. 13802/6, л. 80.

² «Оренбургские губернские ведомости», 6 марта, 1865, приложение; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», 1897, XLV—Уфимская губерния, тетрадь 2, стр. 2—3.

³ «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г.», ч. 2, стр. 4; «Географическо-статистический словарь Российской империи...», т. 1. СПб., 1885, стр. 395.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 25, д. 1686, л. 10.

⁵ «Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год», отдел 2, стр. 25; «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 г.», стр. 101; «Географическо-статистический словарь Российской империи...», т. 5. СПб., 1885, стр. 395; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 35; «Календарь Уфимской губернии на 1893 г.», отдел 2, стр. 30; «Календарь Уфимской губернии на 1894 г.», стр. 58; «Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 г.», Уфа, 1895, стр. 67; «Уфимские губернские ведомости», 1870, 14 марта; 1871, 10 апреля; 1877, 8 мая, 15 мая, 23 апреля; 1880, 25 октября.

По статистическим данным 1871 г., на Уфимскую ярмарку было привезено товаров на 737 тыс. руб., продано на 318 тыс. руб. По стоимости привезенные товары составляли: шерстяные и шелковые ткани — 160 тыс. руб., хлопчатобумажные — 123 тыс., чай и сахар — 98 тыс., галантерейные изделия — 47 тыс., фарфоровая и стеклянная посуда — 40 тыс., бухарский товар (бумажный холст, бязь) — 36 тыс., пушнина — 32 тыс., бакалейные — 29 тыс., металлические — 25 тыс., игольные — 21 тыс., москательные (масляные краски, клей) — 17 тыс., кожевенные — 16 тыс., полотно и холст — 14 тыс., картузы и шапки — 12 тыс. руб. Стоимость каждого из остальных товаров не превышала 10 тыс. руб.¹

Следовательно, на Уфимской ярмарке преобладали мануфактура, одежда и обувь, затем шли хозяйственные и бытовые изделия и, наконец, продовольственные товары. На ярмарке было 94 торговца, в том числе купцов — 57, крестьян — 20, мещан и татар — 17. Среди торговцев числилось 32 уфимца, 62 приезжих, а именно: из Елабуги — 17, Казани — 14, Бирска — 7, Чистополя — 5, Сарапуля, Стерлитамака и Мензелинска — по 4, Лаишева, Нижнего Новгорода и Бугульмы — по 2 и Чебоксар — 1 торговец².

Развитие торговли в Уфе сопровождалось постоянным ростом товарооборота, усилением торговой связи с городами Урала, Среднего Поволжья и отчасти центральной России, увеличением привоза и вывоза товаров. С городской пристани на реке Белой в 1859—1862 гг. ежегодно грузилось в среднем 989394 пуда товаров на сумму 456728 руб., в 1868 г. — 1356639 пудов на 519834 руб., в 1870 г. — 3395749 пудов на 1912769 руб.³. В 1891 г. было отправлено 4011311 пудов (из них по водному пути 1473224 пуда и по железной дороге 2538087)⁴. Из Уфы вывозились лесные изделия, поташ, кожа, льняное семя, хлеб, строительные камни и т. д.

В 1891 г. в Уфу было привезено 7310120 пудов различных грузов (по водному пути — 3507782 пуда и по железной дороге — 3792338)⁵. Ввозились предметы первой необходимости (мануфактура, сукно, одежда, обувь, чай, сахар и т. д.), хозяйственные и бытовые товары, промышленное оборудование, инструменты и др.

..

В 60-х годах в России сложилась капиталистическая кредитная система по финансированию промышленности, тран-

¹ «Уфимские губернские ведомости», 1871, 8 мая; «Географическо-статистический словарь Российской империи...», т. 5, стр. 395.

² Там же.

³ «Географическо-статистический словарь Российской империи...», т. 5, стр. 395.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 33, д. 857, л. 24.

⁵ Там же.

спорта и торговли. Кредитование осуществлялось Государственным банком, начавшим действовать в 1860 г. в Петербурге и семи крупных городах, частными акционерными банками, первый из которых был учрежден в 1864 г. в Петербурге, и множеством городских общественных банков, а также кредитных товариществ. Крупные банки вскоре открыли по всей стране густую сеть своих филиалов, отделений и агентств.

В пореформенный период в Уфе были открыты отделения Государственного банка (1865 г.), Крестьянского поземельного (1883 г.) и Волжско-Камского коммерческого (1873 г.), агентства банков Нижегородско-Самарского земельного, Самарско-Симбирского земельного и Общества взаимного поземельного кредита. Кроме того, в Уфе действовали Городской общественный банк, Общество взаимного кредита и четыре ссудо-сберегательные товарищества¹.

Уфимское отделение Государственного банка производило учет векселей, прием вкладов на хранение и на текущий счет, выдачу ссуд под залог процентных бумаг и товаров. С 1877 по 1890 год общий оборот операций Уфимского отделения увеличился с 13121,1 тыс. до 27592 тыс. руб.²

Отделение Волжско-Камского коммерческого банка производило платежи по текущим счетам и по вкладам как срочным, так и бессрочным, возвращаемым по востребованию, взимало поступления за операции по учету торговых векселей, по ссудам под процентные бумаги и по переводу денег. В 1890 г. общий оборот операций Уфимского отделения составлял 58116,9 тыс. руб.³. Отделение Крестьянского поземельного банка выдавало крестьянам ссуды под проценты на покупку земель. Уфимские агентства Нижегородско-Самарского земельного, Самарско-Симбирского земельного банков и Общества взаимного поземельного кредита выдавали ссуды под залог земель.

В конце 1876 г. в Уфе открылся Городской общественный банк. Ходатайство об его учреждении было возбуждено перед правительством в 1870 г., причем для образования основного фонда банка предполагалось занять 20 тыс. руб. у города Мензелинска. Однако на предложенных условиях ходатайство не было удовлетворено. Ввиду отсутствия свободного капитала для образования основного фонда организация банка затянулась на многие годы. И только в 1875 г. городскому управлению удалось изыскать средства и возобновить хода-

¹ «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год», отдел 2, стр. 128—132; «Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год», стр. 117—129; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 41.

² «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. 5, стр. 395; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 41.

³ «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год», стр. 129; «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 41.

тайство об открытии общественного банка. В январе и марте по постановлениям купеческого и мещанского обществ был передан в фонд банка капитал, собранный в прежние годы на постройку общественного дома, в сумме 9700 руб. и от владельцев гостиного двора 1750 руб. К открытию банка основной капитал составлял 14913 руб.¹ Вскоре многие предприниматели и купцы внесли в банк беспроцентные вклады сроком на три года, а губернское земское собрание вложило 20 тыс. руб. на трехлетний срок из трех процентов годовых. В 1878 г. в банке было основного капитала 24456 руб., в 1880 г. — 54620 руб. Годовой оборот банка составлял в 1877 г. 1559,5 тыс., в 1890 г. — 8460,8 тыс. руб.² Банк предоставлял предпринимателям и купцам кредит, городскому управлению — займы на постройку коммунальных предприятий и благоустройство.

В 1879 г. начало свои действия Общество взаимного кредита, которое предоставляло купцам и предпринимателям банковый кредит. К 1881 г. в обществе состояло 126 членов, внесших членских взносов в оборотный капитал 27260 руб. и представивших обязательства в капитал обеспечения на 245340 руб., ссуд под залог процентных бумаг 4590 руб. Годовой оборот общества в 1890 г. равнялся 2768,1 тыс. руб.³

В 1872 г. открылось ссудо-сберегательное товарищество, члены которого обязаны были вносить не менее 15 коп. в месяц на составление пая, определенного в 50 руб. На вклады они получали проценты из прибыли товарищества, ссуды под поручительство или под залог домов и других недвижимых имуществ в размере до 150 руб.⁴

Итак, Уфа постепенно превращалась в капиталистический город. В ней появились промышленные предприятия с машинной техникой и капиталистические кредитные учреждения. В 90-х годах она стала важным транспортным узлом и торговым центром Южного Урала. В городе образовался хотя и небольшой, но довольно сплоченный рабочий отряд, который уже в 1905 г. дружно поднялся против своих угнетателей.

¹ «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 38—47, 115, 116, 117, 146, 147, 148, 365, 389.

² «Обзор Уфимской губернии за 1890 год», стр. 41; «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год», стр. 129—130.

³ «Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год», стр. 47, 48, 135, 136, 137, 148, 149, 409, 431.

⁴ «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год», стр. 131.

СОДЕРЖАНИЕ

У. Х. Рахматуллин. О некоторых особенностях ясака в башкирской общине	3
Б. С. Давлетбаев. Помещичья деревня и горнозаводские селения Башкирии накануне отмены крепостного права	11
Х. Ф. Усманов. Землевладение в Башкирии в пореформенный период	26
Х. Ф. Усманов. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству	71
А. З. Асфандияров. Экономическая жизнь и городское хозяйство Уфы в первой половине XIX в.	110
С. М. Васильев. Экономика пореформенной Уфы	122

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт истории, языка и литературы

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БАШКИРИИ XVII—XIX вв.

Редактор Н. В. Хрулева.
Технический редактор Л. А. Боткина
Корректор Л. П. Десяткина.

П02150. Сдано в набор 30.X.72 г. Подписано к печати 28.V.73 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 8,75 печ. л. 7,8 уч.-изд. л.
Тираж 500. Цена 55 коп. Заказ № 1665.

Саратов. Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.